

А.Д.Грач Д.Г.Савинов Г.В.Длужневская

ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ В ЦЕНТРЕ ТУВЫ

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский государственный университет

А.Д.Грач, Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская

ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ В ЦЕНТРЕ ТУВЫ

(Эйлиг-Хем III как источник
по средневековой истории Тувы)

“Фундамента-Пресс”
Москва
1998

Могильник Эйлиг-Хем III, являющийся крупнейшим в Центральной Азии памятником культуры енисейских кыргызов, включает каменные погребальные и поминальные курганы со стелами с разнотипными тамгами и руническими надписями.

Коллективные погребения кочевников, представителей высшей военной знати, по обряду кремации включают богатый сопроводительный инвентарь, в том числе уникальную саблю с арабской надписью, известную под названием "сабля Багыра", и бронзовые украшения с буддийскими сюжетами.

По предметам снаряжения всадника и его коня курганы датируются временем господства енисейских кыргызов в Центральной Азии — серединой X—серединой XI вв. Могильник имеет основополагающее значение для датировки памятников, характеристики культуры и истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири рубежа I–II тысячелетий н.э.

Корректурa — Светлана Федорова

Компьютерный набор — Галина Длужневская, Наталья Лазаревская, Дмитрий Васильев

Таблицы — Алла Машезерская, Анатолий Филиппов

Фотоработы — Татьяна Ершова

Оригинал-макет — Константин Матехин

Обложка — Анатолий Филиппов

Отпечатано в ООО "Академ Принт", Санкт-Петербург

Усл. печ. л. Тираж 350 экз.

© А.Д.Грач, 1966 г.

© Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская, 1998 г.

© "Фундаментa-Пресс", 1998 г.

ISBN 5 — 89792 — 010 — 9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	5
Глава I. Исследования на могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III) Отчет о раскопках 1965 года. <u>А.Д.Грач</u>	7
Глава II. Могильник Эйлиг-Хем III — памятник енисейских кыргызов в Центральной Туве. <i>Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская</i>	12 С
Глава III. Орнамент металлических изделий и хронология памятников енисейских кыргызов в Туве. <i>Г.В.Длужневская</i>	54 С
Глава IV. О местонахождении ставки кагана енисейских кыргызов в Центральной Азии. <i>Г.В.Длужневская</i>	64 С
Глава V. Могильник Эйлиг-Хем III в контексте исторических событий конца I—начала II тыс. н.э. <i>Д.Г.Савинов</i>	72
Заключение	78
Литература	79
Список сокращений	84

Предисловие

Эта книга (под названием “Могильник Эйлиг-Хем III — памятник енисейских кыргызов в Центральной Туве”) была подготовлена к публикации около 15 лет тому назад. Были самым тщательным образом проработаны и зарисованы все материалы этого уникального памятника. Однако по ряду объективных обстоятельств выпуск книги надолго задержался, и теперь она выходит в свет уже в годовщину 70-летия со дня рождения первооткрывателя могильника Эйлиг-Хем III Александра Даниловича Грача. Удивительно, но за прошедшее время текст книги не устарел, а могильник Эйлиг-Хем III так и остается крупнейшим памятником периода экспансии енисейских кыргызов не только в Туве, но и в Центральной Азии в целом. Поэтому основная часть книги оставлена практически без изменений. Естественно, можно было расширить круг аналогий отдельным категориям предметов эйлиг-хемского комплекса по материалам новых раскопок на территории Саяно-Алтайского нагорья. Это увеличило бы список литературы, но не изменило бы концепции авторов в целом. Вместе с тем в целях всестороннего освещения материалов Эйлиг-Хема, как памятника выдающегося историко-культурного значения, в книгу включены несколько новых разделов: *Г.В.Длужневская* “Орнамент металлических изделий и хронология памятников енисейских кыргызов в Туве” и “О местонахождении ставки кагана енисейских кыргызов в Центральной Азии”; *Д.Г.Савинов* “Могильник Эйлиг-Хем III в контексте исторических событий конца I—начала II тыс. н.э.”. Можно надеяться, что, несмотря на различные точки зрения, существующие по поводу интерпретации памятников енисейских кыргызов, полная публикация материалов могильника Эйлиг-Хем III явится важным вкладом в дальнейшее изучение истории и культуры этого еще во многом загадочного народа.

По своей структуре и содержанию книга представляет собой коллективную монографию, где авторами разделов и глав являются: А.Д.Грач — глава I (Исследования на могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III). Отчет о раскопках 1965 года; Д.Г.Савинов — введение, заключение, глава V (Могильник Эйлиг-Хем III в контексте исторических событий конца I—начала II тыс. н.э.); Г.В.Длужневская — глава III (Орнамент металлических изделий и хронология памятников енисейских кыргызов в Туве) и глава IV (О местонахождении ставки кагана енисейских кыргызов в Центральной Азии); Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская — глава II (Могильник Эйлиг-Хем III — памятник енисейских кыргызов в Центральной Туве).

Рецензии на первый вариант книги были написаны доктором исторических наук Ю.А.Заднепровским и профессором С.Г.Кляшторным. Графические работы выполнены художниками А.О.Машезерской и А.К.Филипповым, обложка — А.К.Филипповым. Компьютерный набор осуществлен при участии Н.А.Лазаревской и Д.Д.Васильева, а оригинал-макет — К.А.Матехина. Публикация материалов уникального памятника Эйлиг-Хем III во многом стала возможной благодаря деятельной помощи Д.Д.Васильева.

Всем, принявшим участие в издании этой книги, авторы приносят самую глубокую благодарность.

Введение

Тувинские горы, тувинские степи, тувинские реки, тувинский ковыль... В течение сотен поколений копытили их кони древнего тувинского населения и различного рода захватчиков. Не раз степная Тува становилась ареной кровопролитных сражений, игравших решающую роль в этнической истории народов Центральной Азии и Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Одно из таких событий произошло в середине IX века.

840 год. Конец древнетюркского времени, развернутая характеристика которого была впервые дана А.Д.Грачом [Грач, 1966]. На севере Центральной Азии сложилось два наиболее крупных государственных объединения — Уйгурский каганат с центром в Орду-Балыке в Монголии и Кыргызский каганат на Среднем Енисее, в Минусинской котловине. Двадцатилетняя война между ними привела к победе енисейских кыргызов. Кыргызский Ажо (каган) писал уйгурскому кагану: "Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя" [Бичурин, 1950, с. 355]. Так и случилось в 840 г., который считается началом периода в истории Центральной Азии и Южной Сибири, удачно названного В.В.Бартольдод периодом "кыргызского великодержавия". Яркую его оценку дал Ю.С.Худяков: "Это был звездный час кыргызской истории... время, когда кыргызы смогли подчинить обширные просторы степной Азии, оставить о себе память у многих народов и привлечь благодаря этому внимание позднейших историков. Интерес к истории кыргызов благодаря их пребыванию в Центральной Азии, выходит далеко за пределы вопросов этногенеза какого-либо из современных тюркоязычных народов Южной Сибири" [Худяков, 1982, с. 62–63].

Тюркоязычные кочевники IX–X вв. оставили большое количество археологических памятников, основная часть которых сконцентрирована на территории Тувы, — курганы с трупосожжениями, оросительные системы, поминальные сооружения, древнетюркские надписи-эпитафии. Благодаря им в настоящее время можно достаточно полно представить культурный облик обитателей бассейна Верхнего Енисея в IX–X вв. Однако созданное ими в очень короткий срок государственное объединение оказалось непрочным и в самом конце I тыс. н.э. возвращается к своим прежним границам. Кыргызы отступают из Центральной Азии и возвращаются на Средний Енисей. Насколько показательно и убедительно отразился в археологических материалах период широкой экспансии енисейских кыргызов после 840 г., настолько туманно и гипотетично все, касающееся их дальнейшей судьбы на рубеже I и II тыс. н. э.

К этому переломному периоду в истории центральноазиатских племен относится публикуемый комплекс Эйлиг-Хем III. Могильник Эйлиг-Хем III (Улуг-Хорум) был раскопан А.Д.Грачом в 1965 году [Грач, 1966 а, б] в Центральной Туве на правом берегу Енисея (Улуг-Хема) в эйлиг-хемской долине недалеко от пос. Эйлиг-Хем. Высокие каменные курганы со стелами сохранились удивительно хорошо. Возможно, именно поэтому у местного населения это место называется также Бедиг-Хорум ("Высокие курганы"). В раскопках принимали участие ленинградские археологи и тувинские школьники. Результаты раскопок превзошли все ожидания. Поражало в материалах могильника все: обилие и разнообразие различного рода предметов сопроводительного инвентаря, их прекрасная сохранность, находка в глубинах Центральной Азии сабли из дамасской стали с куфическими письменами явно привозного происхождения, стелы с руническими надписями, написанные от имен кыргызских героев — Багыра и Кара Йаша. Это был уникальный в средневековой археологии случай раскопок "именных курганов", когда появилась возможность как бы

заглянуть в глаза истории, назвать имена конкретных исторических лиц, похороненных в исследованных курганах. Поэтому понятно, почему раскопки могильника Эйлиг-Хем III сразу же вызвали очень большой интерес научной и широкой общественности.

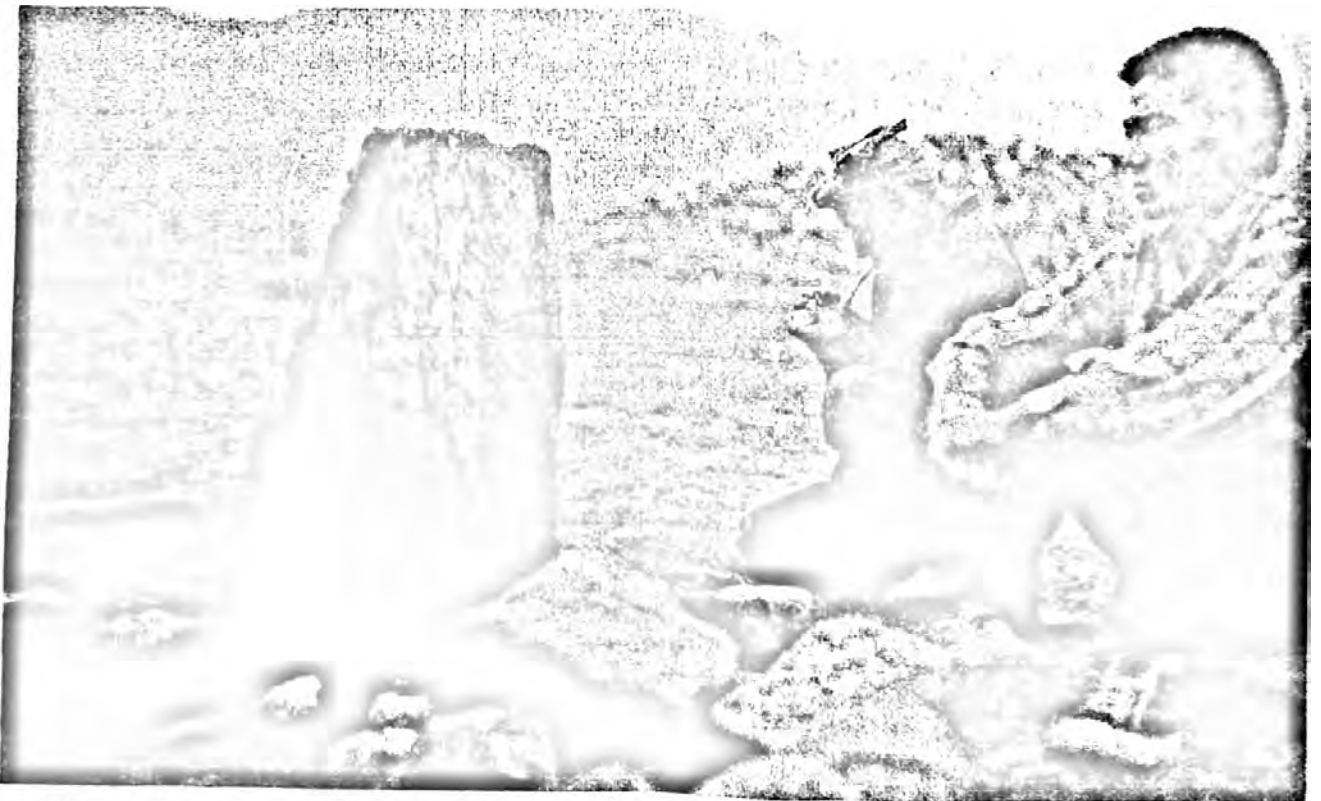
“Меч Багыра” назвал свой сборник известный тувинский поэт Юрий Кюнзегеш. Поэма под тем же названием открывается строками:

“Мое имя Багыр — так гласят письмена
На гранитной плите, иссеченной ветрами.
Тайна древней могилы нам стала ясна,
И легендой она ожила перед нами”

[Кюнзегеш, 1976, с. 86].

Научный анализ исследованного памятника оказался значительно сложнее, чем его поэтическое осмысление. Тем не менее популярность его приобрела очень широкие размеры. Материалы могильника Эйлиг-Хем III хранятся в фондах Тувинского республиканского краеведческого музея им. Алдан-Маадыр (“60-ти Богатырей”) в г. Кызыле и экспонируются в разделе средневековой истории Тувы (кол. 399). По названию памятника назван период конца X—начала XI вв. в истории культуры Тувы [Кызласов И., 1977, с. 15]. Между тем в целом могильник Эйлиг-Хем остается практически неопубликованным до настоящего времени. Необходимость и актуальность его публикации очевидна.

Замечательный полевой исследователь автор многочисленных научных трудов по истории и культуре Центральной Азии А.Д.Грач рано ушел из жизни [Дьяконова, Савинов, 1981]. Светлой памяти Александра Даниловича Грача посвящают авторы эту книгу.

В. Монгуш и житель пос. Эйлиг-Хем М. Кыргыс у стелы Багыра.

Глава I.

Исследования на могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III).

Отчет о раскопках 1965 года.

Могильник Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III) был впервые зафиксирован во время полевых работ сезона 1965 года. Памятник находился почти в самом центре обширной долины р.Эйлиг-Хем (правобережный приток Улуг-Хема), окруженной с трех сторон горами, а четвертой — открывающейся в долину Улуг-Хема.

Могильник состоит из 10 различных объектов — 4 курганов, под которыми были обнаружены древнекыргызские погребения с трупосожжением (курганы 1, 2, 3, 4), ритуальных выкладок (курганы 5, 6, 7, 8), стел в оградках и с енисейскими надписями (объекты № 9, 10). Обнаруженные на могильнике Улуг-Хорум енисейские надписи были расшифрованы на месте профессором И. А. Батмановым.

Курган № 1.

Наземное сооружение из валунов и обломков горных пород. Форма в плане до раскопок — близкая к округлой. Диаметр сооружения по оси запад-восток — 8,5 м, север-юг — 8 м; высота его — 0,75 м. Задернованы лишь самые края пол кургана.

На уровне древней поверхности почвы — зольные пятна с остатками трупосожжений (кальцинированные кости, угли, зола). Под центром сооружения — яма, перекрытая зольным слоем.

Сопроводительный инвентарь, состоявший в основном из железных предметов, находился на уровне древней дневной поверхности в пяти скоплениях. В его состав входили: наконечники стрел различных форм (4, 22 – 48, 63 – 84)¹; кольчуга (5); ножи (8, 60, 89); пряжки (1, 6, 9, 10, 12, 15, 16, 51, 53 – 55, 59, 86 – 88); кольца на петлях (13, 17); пластины накладные (11, 14, 18, 19, 21, 49, 52, 56 – 58, 61, 62, 85); крючок с петлей (3); удила (2, 7, 50, 91, 92) и бляха (20); кресало (90).

Курган № 2.

Наземное сооружение из валунов и обломков горных пород. Форма в плане до раскопок — округлая. Диаметр кургана — 13,5 м; его высота — 1,75 м. Задернованы только края пол кургана. В центральной части наземного сооружения открыто впускное погребение XVIII–XIX вв. (погребение № 2).

На уровне древней дневной поверхности — зольные пятна с остатками трупосожжений (основное погребение).

¹ Здесь и далее цифры в скобках — порядковые номера находок.

Под центром кургана — обугленный древесный ствол и не носящие следов пребывания в огне кости лошади.

Сопроводительный инвентарь погребения составляли: сабля арабской работы с чеканным орнаментом по обеим сторонам клинка, на каждой стороне клинка по одной куфической надписи: при сабле находился мусат для заточки лезвия (1); стремена железные (2 – 5, 57 – 60) и удила (7, 14, 61 – 62); цепочка (15); наконечники стрел различных форм (36 – 56); пряжки железные (18 – 21, 23 – 26, 63); ножи железные (65 – 66); кольца железные (8, 9); обоймы железные (17, 22, 34, 64); крючки на фигурных петлях (10, 12); пластины накладные железные (11, 13, 27 – 33, 35); скоба железная (16); бляха фигурная железная (35); сосуд серебряный (67).

Погребение № 2 данного кургана (впускное) относится ко времени XVIII–XIX вв., оно частично нарушено. По сохранившимся в первоначальном положении костям можно установить, что положение погребенной женщины — вытянутое на спине, ориентировка — головой на северо-восток. Имелись сопроводительные захоронения коня и барана.

Инвентарь: кожа (1, 11, 28, 34), ткань и войлок (2, 12, 32), стремена (4, 5), железные кольца от удил (37), пряжки железные (7, 8, 36, 40), ножи железные (24, 31), из которых один (24) в деревянных ножнах; скобель железный (6), утюг для проглаживания швов на коже (9), предмет железный с деревянной рукояткой (23), наперсток бронзовый (13), обломки железной дужки (19), футляр бронзовый с железным предметом (30), "мотыжки" железные (15, 42); петли железные с кольцом (25), фрагменты железных предметов (19 – 22, 35); крючок железный (18), накладка железная (39), берестяная сумка (10), береста со следами швов (29), трубка курительная в кожаном футляре (33), бисер и пастовые бусы (14), монеты китайские (41, 43), деревянное пряслице (26).

Курган № 3.

Наземное сооружение округлой в плане формы, диаметром 10 м, высотой — 1,10 м, из обломков горных пород и, частично, валунов. Задернованы лишь края пол кургана. В центральной части наземного сооружения обнаружены остатки впускного погребения XVIII–XIX вв.

Непосредственно под каменным сооружением, на уровне древней дневной поверхности, — зольные пятна с остатками трупосожжений (основное погребение).

Сопроводительный инвентарь составляли: сабля железная, согнутая пополам (8); наконечники стрел железные различных форм (35 – 39, 41 – 57); ножи железные (5, 7); стремена железные (16 – 21); удила железные (13 – 15, 25); обломки чугунного котла (9); кольцо бронзовое (10); концевые накладки для ремней железные (22); пинцеты железные (40, 29); фрагмент панцирной пластины (67); еще один подобный (62); топор-тесло (58); бляхи бронзовые (23, 27 – 28); пряжки железные (4, 6, 24, 30); обоймы (12, 69); предметы неясного назначения (32, 38, 34, 59); поясной железный наконечник (11).

Впускное погребение № 2 кургана № 3 сильно нарушено. По расположению костей можно полагать, что ориентировка погребенного — головой на СВ; сопроводительное погребение коня находилось в ногах (при конских костях найден фрагмент кожаного предмета (1).

Курган № 4.

Наземное сооружение — из обломков горных пород. Форма его в плане до раскопок — округлая (диаметр 8,5 м). Высота сооружения — 0,75 м. Края кургана местами задернованы.

Остатки трупосожжений находились на уровне древней дневной поверхности.

Сопроводительный инвентарь погребений по обряду трупосожжения составляли предметы из железа и бронзы: удила железные (8); стремена железные (9, 10); копье*

втульчатое железное (14); пряжка железная (17); предметы неясного назначения (12, 16); пинцет железный (18); аргилитовая трубочка (19); набор бронзовых блях (1 – 7, 11, 13) и обойма (15).

Курган № 5.

Расположен вплотную у северо-западной полы кургана № 3. Наземное сооружение из обломков горных пород, высотой 0,2 м. Форма его в плане — кольцеобразная (центральная часть сооружения свободна от камней). Диаметр сооружения по оси ЮЗ–СВ — 3,5 м, СЗ–ЮВ — 4,0 м. Сооружение покоилось на стерильных слоях материка. Памятник поминального характера.

Курган № 6.

Наземное сооружение из обломков горных пород, высотой до 0,5 м. Форма в плане до раскопок — близкая к округлой. Диаметр — 4 м. Сооружение покоилось на стерильных слоях материка.

Характер сооружения — поминальный.

Курган № 7.

Наземное сооружение из обломков горных пород, высотой около 0,3 м. Форма в плане до раскопок — округлая (диаметр — 4 м). Сооружение покоилось на стерильных слоях материка.

Характер сооружения — поминальный.

Курган № 8.

Наземное сооружение из обломков горных пород, высотой не более 0,3 м. Форма в плане до раскопок — округлая (диаметр — 3 м). Сооружение покоилось на стерильных слоях материка.

Характер сооружения — поминальный.

Объект № 9.

Стела в ограде, составленной из вертикально врытых плит. Форма ограды в плане — подквадратная (1,45 x 1,37 м), ориентировка — сторонами по странам света. Высота стелы от современной дневной поверхности — 0,85 м, полная высота — 1,31 м.

Стела внутри ограды ориентирована широкими сторонами на запад и восток. Руническая надпись нанесена на восточной стороне стелы, ниже ее находятся два тамгообразных знака. Перевод текста (автор перевода — проф. И. А. Батманов):

- 1) От своей домоправительницы (матери), от вас (я отделился).
- 2) Его геройская доблесть. Вал (лагерь, крепость, укрепление ?)...
- 3) Мое геройское имя — Багыр...
- 4) Сто богатырей... [Батманов, Кунаа, III, 1965, с. 11–12].

Объект № 10.

Стела в ограде, составленной из вертикально врытых плит. Форма ограды в плане — подквадратная (0,9 x 1,0 м), ориентировка — сторонами по странам света. Высота стелы от дневной поверхности — 1,83 м, полная высота — 1,9 м.

Стела внутри ограды ориентирована широкими сторонами на север и юг. Рунические надписи нанесены на трех сторонах: западной, южной и восточной.

Перевод текста (автор перевода — проф. И. А. Батманов):

1) Ваши сторонники, тысяча (старших братьев) (– родственников) разрушение долго... (?)

2) Вы мои, сотник–ынал сподвижник.

3) Мое геройское имя – Кара Йаш... было... [Батманов, Кунаа, III, 1965, с. 9–10].

Ограда была раскопана с целью полного выявления конструкции.

В непосредственной близости от ограды найден фрагмент третьего камня с енисейской рунической надписью (сохранилось три знака) [Батманов, Кунаа, III, 1965, с. 13, рис. 3].

Таблица 1. Сводные данные по раскопкам кыргызских курганов и ритуальных памятников могильника Эйлиг-Хем III (Улуг-Хорум).

№ объекта	Размеры наземных сооружений по основным осям	Высота сооружений от горизонта	Размеры оград	Высота стел от дневной поверхности	Полная высота стел
1	З-В — 8,5 м С-Ю — 8 м	0,75 м			
2	З-В — 13,5 м С-Ю — 13 м	1,75 м			
3	ЮЗ-СВ — 10 м СЗ-ЮВ — 9,25 м	1,10 м			
4	ЮЗ-СВ — 8,5 м СЗ-ЮВ — 8 м	0,75 м			
5	ЮЗ-СВ — 3,5 м СЗ-ЮВ — 4 м	0,2 м			
6	З-В — 4 м С-Ю — 4,25 м	0,5 м			
7	З-В — 4 м С-Ю — 3,5 м	0,3 м			
8	З-В — 3 м С-Ю — 3,25 м	0,3 м			
9			1,45 x 1,37 м	0,85 м	1,31 м
10			0,9 x 1 м	1,83 м	1,9 м

УЛУГ-ХОРУМ
СТЕНА 9
СТЗАН

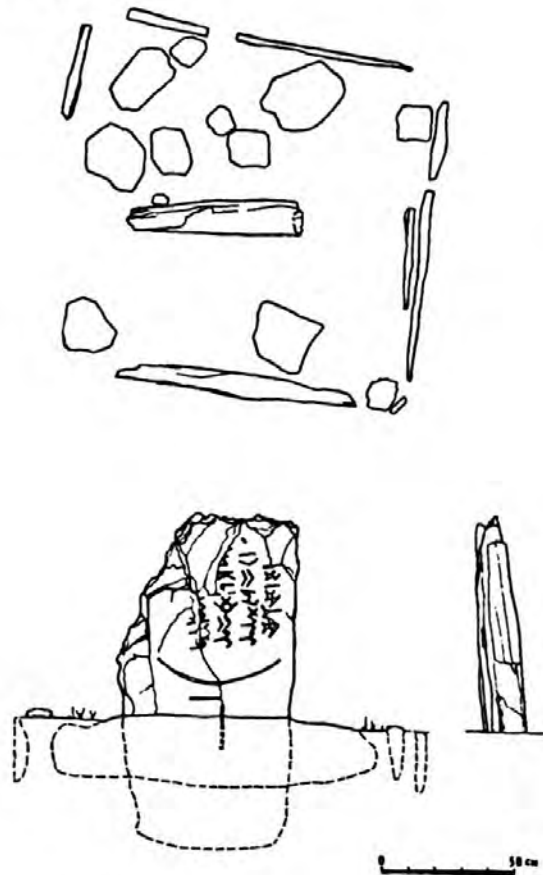
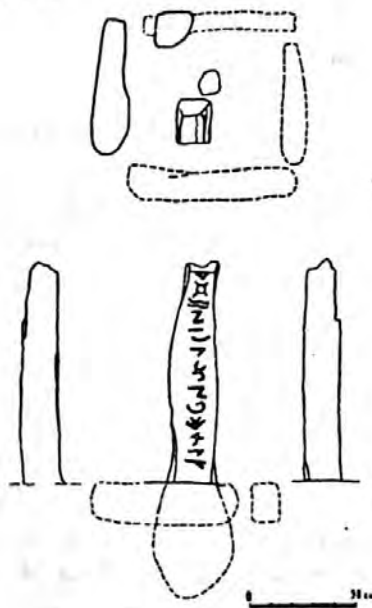

Таблица I. 1 — План и разрез объекта № 9;

УЛУГ-ХОРУМ
СТЕНА 10
СТЗАН

2 — План и разрез объекта № 10.

Глава II.

Могильник Эйлиг-Хем III — памятник енисейских кыргызов в Центральной Туве

Могильник Эйлиг-Хем III — самый крупный из всех известных памятников начала II тыс. н.э. в Центральной Азии и Южной Сибири. В четырех курганах этого могильника (кург. 1–4), по данным А.Д.Грача, было найдено более 200 предметов [Грач, 1966, с. 31], наиболее полно характеризующих культуру енисейских кыргызов в Туве. Особое значение материалов могильника Эйлиг-Хем III заключается в том, что здесь, в традиционных для енисейских кыргызов погребениях по обряду трупосожжения, не только представлены многочисленные серии некоторых видов предметов сопроводительного инвентаря, но и в одних и тех же комплексах сочетаются отдельные типы вещей, характерные как для предшествующего времени, так и для последующих этапов развития культуры енисейских кыргызов. Это придает материалам могильника Эйлиг-Хем III значение ключевого памятника для понимания исторических событий, происходивших в северных районах Центральной Азии в начале II тыс. н.э.

Могильник находится почти в самом центре обширной долины р. Эйлиг-Хем, правобережного притока р. Енисей (Улуг-Хем). "Могильное поле", составной частью которого является комплекс Эйлиг-Хем III — независимая от других группа курганов, насчитывает более двухсот сооружений разных типов и исторических периодов Тувы [Длужневская, 1983, с. 196–197]. Полевые исследования 1981–1983 гг. показали, что в долине р. Эйлиг-Хем раскопаны все курганы позднего этапа культуры енисейских кыргызов (конца X–XII вв. н.э.), что дает основания для решения конкретных культурно-исторических проблем, связанных с пребыванием енисейских кыргызов в Центральной Туве.

Могильник Эйлиг-Хем III включает 10 сооружений, в том числе 4 кургана погребального характера (№ 1–4), 4 ритуально-поминальные выкладки (№ 5–8) и две стелы с тюркскими руническими надписями и тамгами, установленные в оградках (№ 9–10) (табл. I, II). При этом стела № 9 — "стела Багыра" находится в центре могильника, а № 10 — "Кара Йаша" отстоит от крайнего сооружения № 6 на 70 м к юго-западу. Курганы и выкладки образуют цепочки из двух-трех сооружений, вытянутые по линиям юго-запад—северо-восток и север—юг. Общее направление расположения объектов, включая стелу № 10, — юго-запад—северо-восток. Погребальные сооружения 1 и 2 возведены севернее "стелы Багыра", остальные южнее ее. При этом ритуально-поминальная выкладка № 5 определенно сопутствует кургану № 3 и размещена к северо-северо-западу от него; сооружения № 6–8 образуют линию, параллельную курганам погребального характера № 3–4. Курганы 1 и 2 не имеют поминальников, а при двух сооружениях — 3 и 4 находится четыре поминальных объекта. Определенно можно говорить только о связи курганов 3 и 5 и о том, что в целом сооружения поминального характера, размещенные к западу от погребальных, бесспорно, связаны с погребальными сооружениями.

Традиция установки стел к юго-востоку от курганов, к которым они относятся, прослеживается на памятниках предшествующего этапа культуры сер. IX–X вв. н.э. [Кызласов, 1969, с. 108, 112]. Причем стелы могли находиться как на площади могильника — Бай-Булун, Элегест, Чинге; Ир-Холь; Хербис-Баары [Кызласов, 1983, с. 153–170; Кызласов, 1965, с. 104–113; Вайнштейн, 1963, с. 264–267], так и в некотором удалении от него — Ортаа-Хем, Демир-Суг [Арагачи, 1963, с. 253–256; Кляшторный, Самбу, 1971, с. 245–249], то есть визуально не были связаны с курганами. Это явление более характерно для памятников позднего этапа кыргызской культуры. Обычай установки стел доживает до XI–XII вв. — Малиновка [Кызласов, 1969, с. 112; Кызласов И., 1981, с. 206–207]. К этому времени со стел исчезают тамговые знаки, и только на двух могильниках конца X–XI вв. имеются стелы с руническими надписями, установленные в оградках, — Эйлиг-Хем III и Алды-Бель I [Батманов и Кунаа, 1965, с. 15–18].

Таким образом, как "стела Багыра", установленная в 1,5 м к юго-востоку от кургана 2, так и "стела Кара Йаша", находящаяся поодаль, по тамгам чаа-хольского типа датируются временем не позднее начала XI в. [Кызласов, 1960, с. 91–120]. Поминальные стелы с нанесенными на них руническими надписями и тамгами являются важной составной частью погребально-поминального обряда кыргызов.

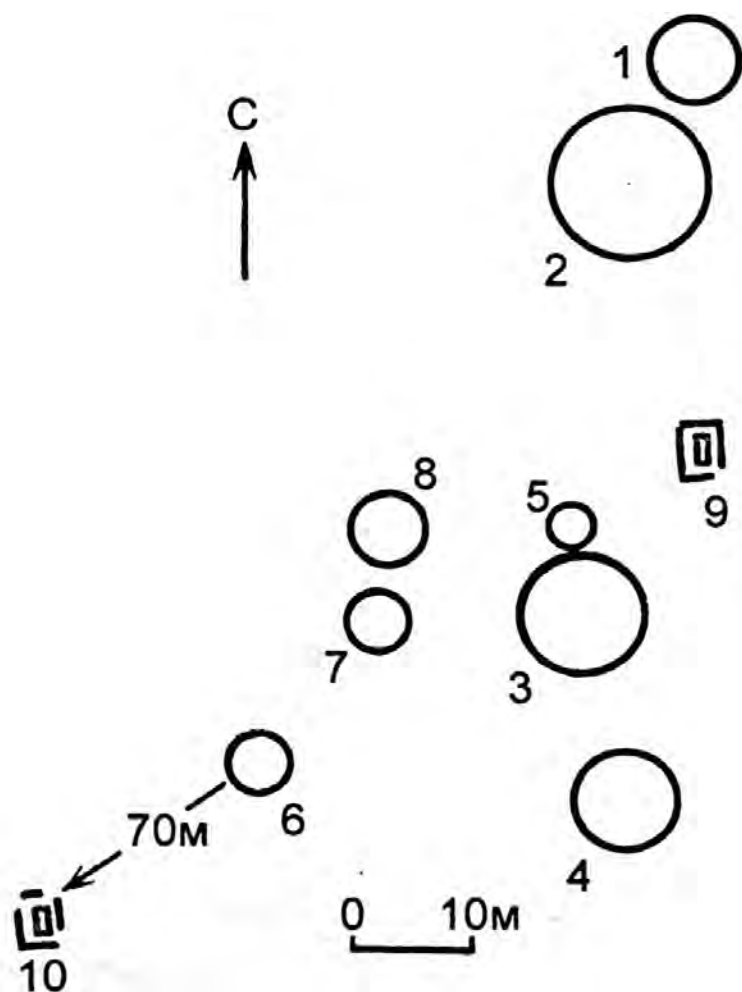

Таблица II. План могильника Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III).

1. Погребальный обряд

Погребальный обряд как комплекс действий живых по отношению к умершим состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов, в том числе погребальных сооружений, способа захоронения и набора предметов сопроводительного инвентаря.

Наземные сооружения курганов 1–4 могильника Эйлиг-Хем III сложены из валунов и камней разных размеров. Форма курганов в плане округлая или близкая к ней (табл. III, IV, I, VI). Размеры от 8 до 13,5 м, высота от 0,75 до 1,75 м. Наиболее крупным является курган 2, связанный с именем Багыра. В центрах курганов или близко к ним были видны западины, что вместе с характером развала (табл. IV, I; VI) позволяет предполагать первоначальную кольцеобразность сооружений. Вероятно, в момент создания курганы представляли собой каменные постройки башенного типа меньшего, чем ныне, диаметра (6–10 м), но большей высоты (1,5–3 м). Толщина стен прямо пропорциональна масштабам сооружения и составляла не менее 2–3,5 м. Со временем плохо подобранные друг к другу валуны и камни, сложенные в многослойно-многорядные кладки насухо, без скрепляющего раствора, потеряли остойчивость и расползлись, а конструкции приобрели современный вид. В настоящее время установлено, что большинство курганов этого этапа культуры енисейских кыргызов имели кольцевидную форму [Длужневская, 1983 а, с. 43], что находит прототипы среди памятников предшествующего времени, например, могильники Саянского ущелья и Центральной Тувы — Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II, Аймырлыг II, группа III.

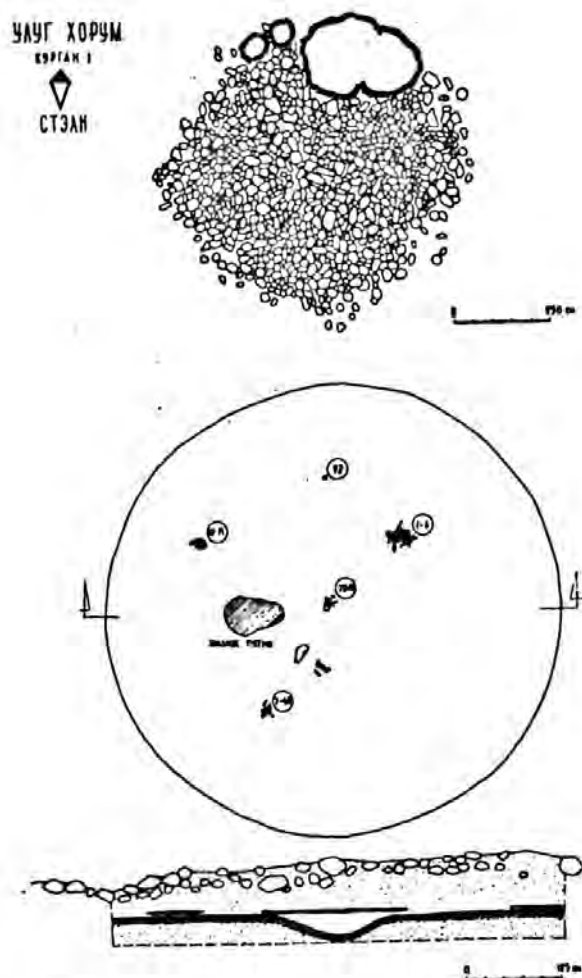

Таблица III. Могильник Эйлиг-Хем III, курган 1. Планы наземного сооружения, размещения местонахождений вещей, разрез.

УЛУГ-ХОРУМ
КУРГАН 2

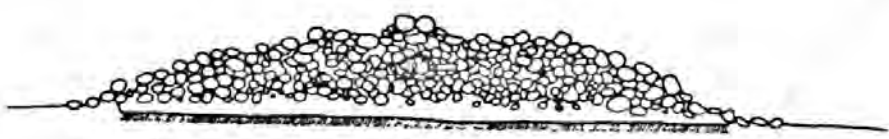
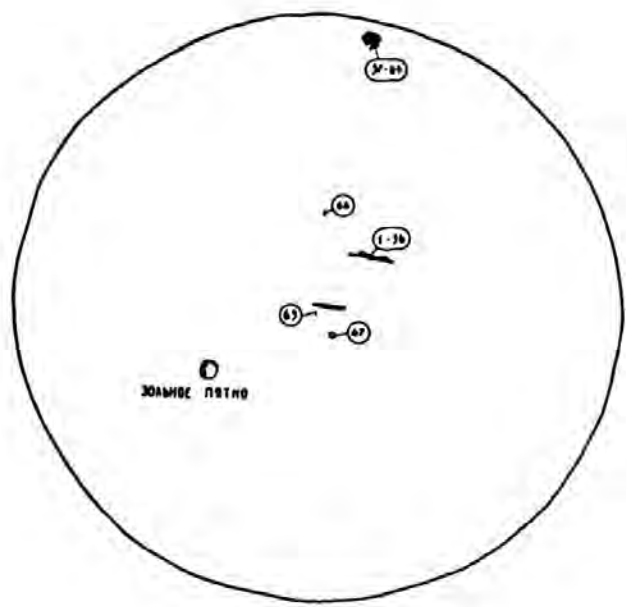
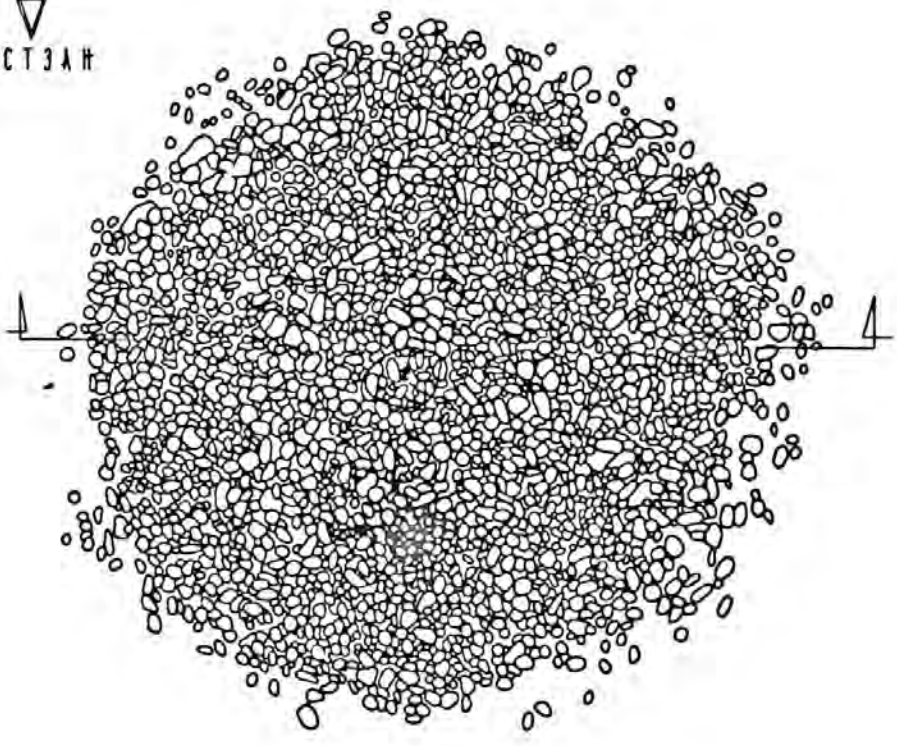

Таблица IV. 1 — Могильник Эйлиг-Хем III, курган 2. Планы наземного сооружения, размещения местонахождений вещей, разрез.

УЛУГ-ХОРУМ
КУРГАН 2

ПОГР. I (57-64) 0 10 см

ПОГР. I (1-56) 0 25 см

Таблица IV. 2 — Планы местонахождений вещей № 57-64 и 1-56.

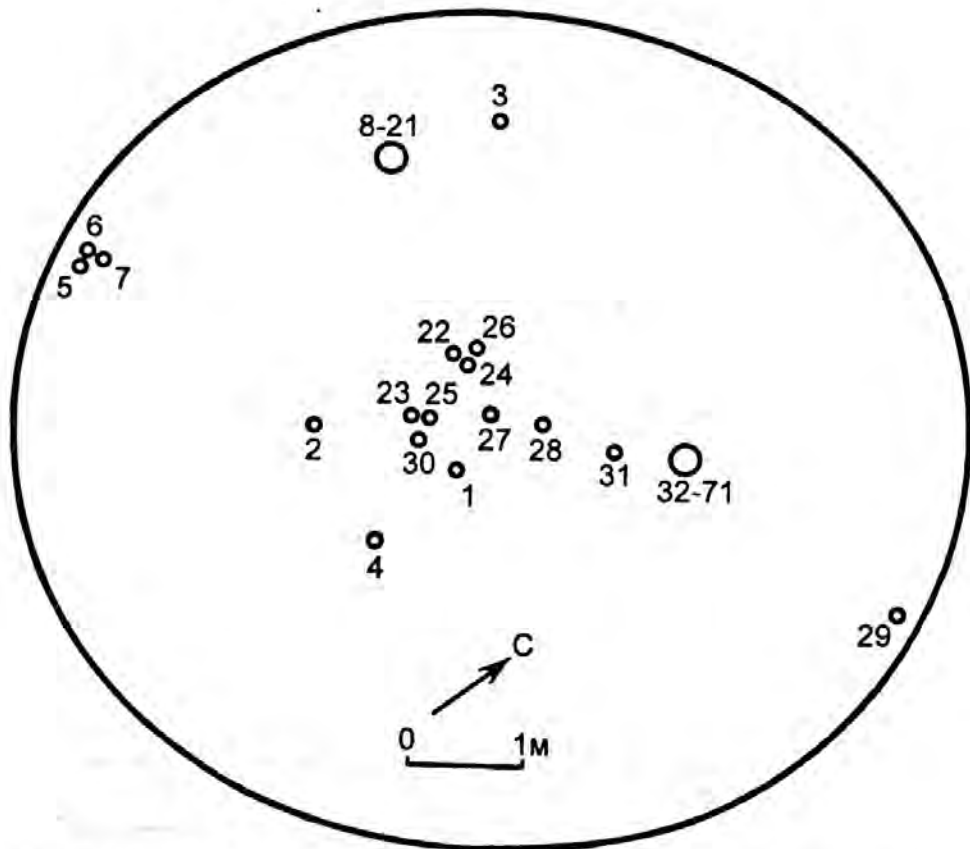

Таблица V. Могильник Эйлиг-Хем III, курган 3. План размещения местонахождений вещей.

Ц А Ц Г - Х О Р У М

курган 4

СТЭАН

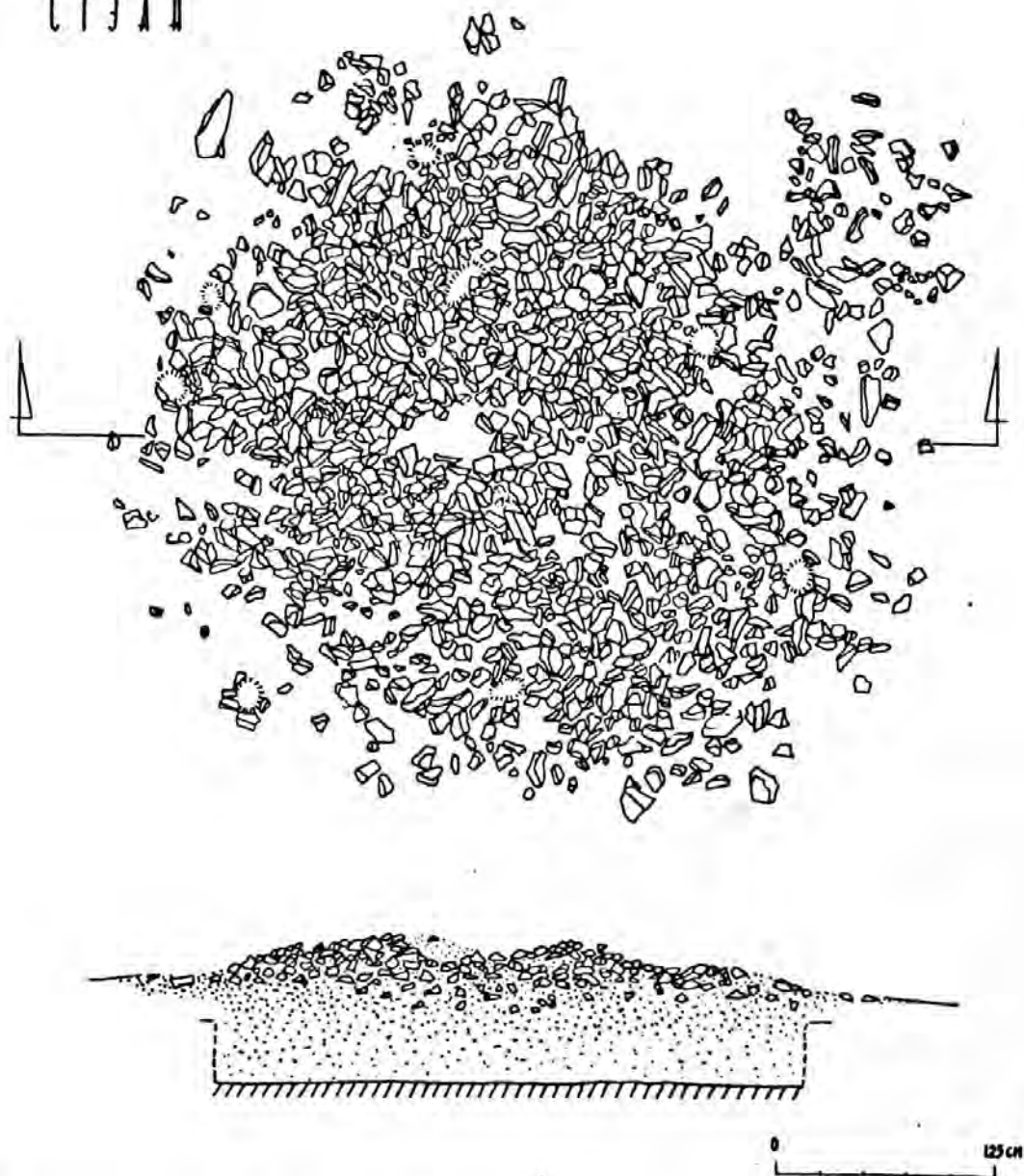

Таблица VI. Могильник Эйлиг-Хем III, курган 4. План наземного сооружения, разрез.

Наземные части ритуально-поминальных выкладок (табл. VII) округлой в плане формы диаметром 3–4 м, высотой 0,3–0,5 м. Выкладка № 5 имела вид кольца, слегка вытянутого по линии северо-запад—юго-восток, и меньшую, чем остальные, высоту — 0,2 м. Как уже говорилось, эта выкладка вплотную примыкает к кургану № 3, чем напоминает принципы планиграфии названных памятников Саянского ущелья и Центральной Тувы и отдельные случаи на других могильниках, например Тора-Тал-Арты, кург. 4 [Нечаева, 1966, с. 109, рис. 1]. Для памятников позднего этапа (конца X–XII вв.) также отмечены случаи размещения к северо-западу от погребальных сооружений ритуально-поминальных выкладок (Новый Эйлиг-Хем, Улуг-Бюк I). Это

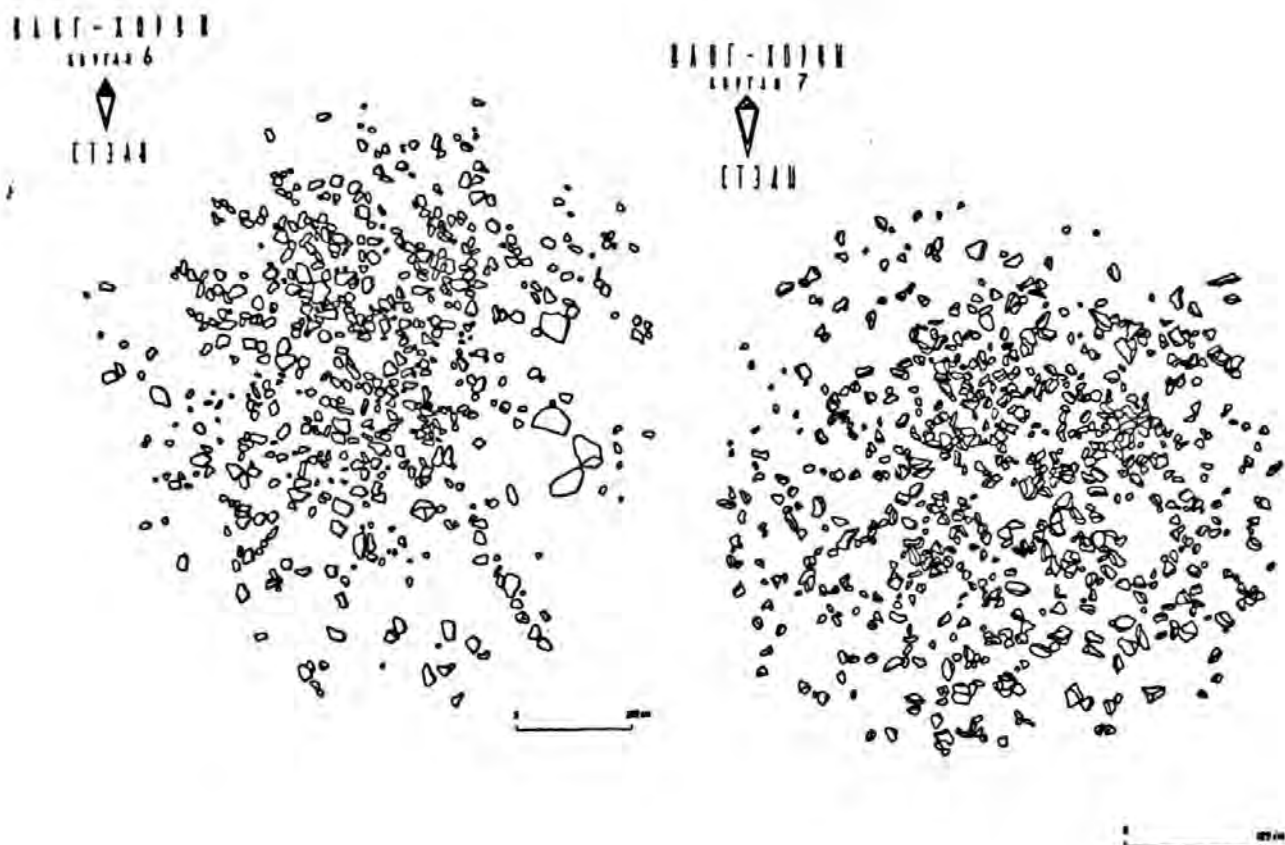

Таблица VII. 1 — Могильник Эйлиг-Хем III, курган 6. План наземного сооружения, разрез; 2 — могильник Эйлиг-Хем III, курган 7. План наземного сооружения, разрез.

кольцевидные однослойные выкладки диаметром до 1 м. Сооружения такого же типа изучены А.В.Адриановым на могильнике Чинге [Кызласов, 1983, с. 157], между курганами 18 и 19 — цепочка из 8 сооружений, отстоявших друг от друга на расстоянии "4–5 шагов". Датировка последних серединой IX–X вв. н.э. устанавливается по изделиям, найденным в кургане 18 [Кызласов, 1983, рис. 2, 1–6], но общая ситуация размещения и соотношения отдельных сооружений, а также способ захоронения в значительной мере напоминают мог. Эйлиг-Хем III.

Стелы установлены в центре оградок, типологически сходных с поминальными оградками древнетюркского времени, — подквадратной в плане формы из вертикально вкопанных плит, по одной-две на каждую сторону. Ориентировка оградок — сторонами по странам света. Одиночно стоящие оградки со стелой или валуном в центре крайне малочисленны, единичные случаи зафиксированы в Туве [Грач, 1961, с. 18, 28; Вайнштейн, 1966, с. 318] и на Алтае [Кубарев, 1979, с. 154–156]. Стелы с тюркскими руническими надписями, установленные в оградках, обнаружены в Кызыл-Чыраа, в долине р. Демир-Суг, на могильниках Йур-Сайыр и Хемчик-Бом II, Алды-Бель I. Все они датируются в пределах конца IX–X вв. [Кызласов, 1965 а, с. 46–47]. По-видимому, и эйлиг-хемские стелы в оградках близки им хронологически. В отчете А.Д.Грача указывается, что в непосредственной близости от стелы № 10 найден фрагмент третьей стелы. Вероятно, ранее здесь находилась еще одна стела, а погребально-поминальный комплекс включал "курган–выкладку–стелу".

Способ захоронения был единым для всех курганов могильника Эйлиг-Хем III — трупосожжение на стороне с перенесением остатков погребального костра на место захоронения через определенный промежуток времени. Обычай сожжения человека в

одежде, с луком и колчаном со стрелами, подвешенным к поясу ножом и другими бытовыми предметами, а также с предметами снаряжения верхового коня — одного, двух и более (седло, стремяна, удила с псалиями, сбруя) существовал в кыргызской среде и зафиксирован письменными источниками и материалами археологических исследований, по крайней мере начиная с VI в. н. э. [Бичурин, 1950, т. 1, с. 353; Кызласов, 1981, с. 46–52; Кызласов, 1981 а, с. 54–59; Длужневская, 1995]. Такой же способ погребения можно предполагать и для могильника Эйлиг-Хем III. Остатки погребального костра — зола, угли, кальцинированные кости человека, предметы сопроводительного инвентаря были принесены в долину р. Эйлиг-Хем, которую соплеменники избрали для возведения погребальных сооружений. Где производилось сожжение, сказать невозможно, во всяком случае не на месте будущих наземных сооружений, так как здесь нет следов длительно или мощно горевшего костра. Здесь, по-видимому, были зажжены небольшие костры во время церемониала захоронения остатков (табл. III, IV, 1 — зольные пятна).

В абсолютном большинстве курганов позднего этапа культуры енисейских кыргызов на территории Тувы остатки трупосожжений размещены на горизонте, иногда в пределах каменных обкладок (например, Улуг-Бюк I, кург.1), чаще в зольниках большой площади (диаметром 2–3 и более метров). Вещи со следами пребывания в огне уложены вместе с остатками трупосожжений на уровне древней поверхности отдельными скоплениями.

В курганах долины Эйлиг-Хем имеются некоторые отступления или, точнее, дополнения к общепринятому, освященному традицией погребально-поминальному обряду. Это прежде всего яма неясного назначения, выбранная в центре кург. 1 (табл. III) и перекрытая зольным слоем, в которой не обнаружено каких-либо культурных остатков. В центре кург.2 (табл. IV, 1), судя по отчету А.Д.Грача, находились "обугленный древесный ствол и не носящие следов пребывания в огне кости лошади". Следует отметить, что необожженные кости животных довольно часто находятся в могилах середины IX–X вв., являясь остатками поминальной пищи, помещенной в ямы в момент захоронения. Обычно это кости мелкого рогатого скота, хотя иногда встречаются отдельные кости лошадей — черепа и кости конечностей [Кызласов, 1981, с. 55]. Отдельные кости лошадей находятся и в более поздних, чем Эйлиг-Хем III, памятниках на территории Минусинской котловины [Кызласов, 1975, с. 206].

Набор инвентаря. Сопроводительный инвентарь в курганах могильника Эйлиг-Хем III необычайно разнообразен и велик. По количеству предметов в каждом отдельном погребении он может сравниться с очень немногими однокультурными захоронениями на территории Тувы, например могильник Уюк-Тарлык, кург. 51 [Адрианов, отчет].

В кург. 1 найдено 92 предмета, кург. 2 — 67, кург. 3 — 70, кург. 4 — 19. Изделия, как отмечалось выше, размещались отдельными местонахождениями от 1 до 57 вещей в компактно уложенном скоплении: 3 (кург. 4), по 5 — кург. 1 и 2 (табл. III–IV) и 19 — кург. 3 (табл. V).

Наименьшее число предметов и местонахождений — под курганом 4, где они занимают центральную часть площади. В местонахождении вещей № 1–12 собраны бронзовые бляхи уздечного набора, пара стремян и удила с псалиями, то есть предметы убранства одного коня (табл. XXI, 1, 4, 7 ; табл. XII, 5, 6 ; табл. XVII, 1). В местонахождении вещей № 13–16 — пряжка и обойма от того же набора, наконечник копья (табл. XXI, 2, 8, 9) и в последнем (№ 17–19) — округлая железная пряжка, пинцет и аргилитовая трубочка (табл. XXI, 3, 6, 5). Таким образом, под кург. 4 помещены остатки сожжения одного человека с убранством одного коня.

Курган 1 насчитывает 5 местонахождений, расположенных как бы двумя рядами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток. Один из них проходит через центр, второй

смещен к северу. Зольное пятно находится между крайними юго-западными скоплениями.

Рассмотрим набор вещей каждого местонахождения в отдельности. № 1–6 — удила с псалиями (табл. XVI, 1); наконечник стрелы (табл. IX, 12); две округлые железные пряжки (табл. XVIII, 1); фрагмент кольчуги (табл. XVIII, 35) и сложносоставной предмет (табл. XIX, 13). № 72–91 (центральное) — удила с псалиями (табл. XV, 3); 13 наконечников стрел (табл. IX, 6, 11; табл. VIII, 26); четыре округлые пряжки (табл. XVIII, 2, 3, 6, 7); нож (табл. XVIII, 34); крюк на пластине и кресало (табл. XVIII, 31).

№ 7–48 — удила с псалиями (табл. XVI, 6); 27 наконечников стрел (табл. IX, 3–5, 9, 14, 18); две округлые пряжки (табл. XVIII, 8); нож (табл. XVIII, 32); кроме того — 2 наременных наконечника с цельноковаными колечками (табл. XVIII, 10, 11); 2 пряжки на удлинённых щитках (табл. XVIII, 17, 18); 2 кольца с подвесными крюками (табл. XVIII, 21, 28); крюк на пластине (табл. XVIII, 9); 4 наременных наконечника; фрагмент массивной пластины с отверстием (табл. XVIII, 30); полусферическая орнаментированная бляшка (табл. XVIII, 15) и сложносоставной предмет — блок-застежка (табл. XVIII, 13).

№ 49–71 — удила с псалиями (табл. XVII, 2); 9 наконечников стрел (табл. IX, 8, 18; табл. VIII, 5, 25, 28, 24); две округлые пряжки (табл. XVIII, 4, 5); нож (табл. XVIII, 33); помимо этих вещей — 3 пряжки на удлинённых щитках (табл. XVIII, 16, 19, 20); 3 кольца на щитках (табл. XVIII, 23–25); 3 наременных наконечника (табл. XVIII, 26, 27) и сложносоставной предмет — пряжка, соединённая с кольцом на щитке (табл. XVIII, 22).

№ 92 — последнее "скопление" состоит из одного предмета — удила без псалий с дополнительными внешними кольцами (табл. XV, 2).

На вопрос о количестве захороненных в кург. 1 людей — одного или четырех — ответить трудно: в трех местонахождениях присутствуют ножи и однотипные пряжки; в четырех — наконечники стрел; в каждом скоплении имеются удила, что дает основания предполагать здесь захоронение упряжи от пяти коней. Следует отметить, что в данном комплексе совершенно нет стремян.

Курган 2 (табл. IV) — включает тоже пять местонахождений вещей, но иного, чем в кург. 1, характера и расположения относительно друг друга. 4 местонахождения расположены в центре — три из них состоят из одного предмета — № 65 — фрагмент копья (табл. XIX, 18); № 66 — нож; № 67 — серебряный кувшинчик на поддоне (табл. XIX, 28). Четвертое (центральное) включает 56 предметов, в том числе "меч Багыра".

В местонахождении вещей № 1–56 сосредоточена основная масса предметов данного комплекса: сабля арабской работы с остатками ножен (табл. X, 1, 3–8), при ней мусат (табл. X, 2); двое удил с псалиями (табл. XVII, 3, 4); две пары стремян (табл. XIII, 1, 2; табл. XIV, 1, 3); 21 наконечник стрел (табл. IX, 1, 15–17; табл. VIII, 1–3, 6, 11, 12, 19–21, 27, 29; табл. XIX, 19); 8 пряжек на удлинённых щитках (табл. XIX, 1–6, 11, 12); 5 колец (табл. XIX, 10, 24–27); фрагменты двух панцирных пластин (табл. XIX, 22); основа наременной бляхи крупных размеров (табл. XIX, 21); фрагменты различных по форме железных пластин, в том числе 2 длинных наременных наконечника (табл. XIX, 16, 17); обойма (табл. XIX, 8); цепочка из трех звеньев (табл. XIX, 15); железная скоба (табл. XIX, 23); фрагмент пробоя седельного кольца (табл. XIX, 20) и 2 сложносоставных предмета (табл. XIX, 14).

Местонахождение вещей № 57–64 находилось у северо-восточного края кургана и содержало всего 8 изделий, в том числе: двое удил с псалиями (табл. XVI, 3); две пары стремян (табл. XIII, 5, 6; табл. XIV, 2, 4); бронзовую орнаментированную обойму и сложносоставной предмет в виде пряжки на длинном щитке с крюком (табл. XIX, 9, 7). Таким образом, в этом скоплении находилась упряжь двух коней и два предмета, которые могли принадлежать упряжи как коня, так и человека. Можно предполагать, что в кург. 2 был похоронен один человек с предметами упряжи от четырех коней (по числу удил и пар стремян).

Курган 3¹ — предметы сопроводительного инвентаря в основном занимают центр площади сооружения, причем они как бы "разбросаны"; кроме того, отдельные предметы встречены с западной и восточной сторон. Два местонахождения вещей находятся на северо-западе и северо-востоке.

Отдельно в центре лежат: № 4 — фрагмент подпружной пряжки (табл. XX, 14); № 22 — 3 шарнирные бляхи (табл. XX, 16–18); № 24 — округлая пряжка (табл. XX, 5); № 23, 27–28 — крупная орнаментированная бронзовая бляха и два фрагмента более мелких подобных изделий (табл. XX, 2–4); № 30 — сложносоставной предмет в виде пряжки на удлиненном щитке с крюком (табл. XX, 15); у восточной полы — № 29 — фрагмент пинцета (табл. XX, 20); у западной — № 5, 7 — ножи (табл. XX, 24, 25); № 6 — округлая пряжка (табл. XX, 6).

Местонахождение вещей № 8–21 включает 14 предметов (расположено в северо-западной части площади кургана): трое удил, двое с псалиями (табл. XVI, 2, 4) и одни без псалий, с дополнительными внешними кольцами (табл. XV, 1); 3 пары стремян (табл. XII; табл. XIII, 3, 4); согнутый пополам палаш с двумя обоймами (табл. XI) и обоймой-наконечником от ножен (табл. XX, 8); фрагменты чугунного котла; бронзовое кольцо (табл. XX, 1) и орнаментированный сложносоставной предмет (табл. XX, 12).

Местонахождение вещей № 32–71 находится в северо-восточной части кургана и включает следующие предметы: железный предмет неясного назначения (табл. XX, 22); сложносоставной предмет (табл. XX, 11); второй сложносоставной предмет, аналогичный найденному в северо-западном скоплении (табл. XX, 13); орнаментированный сложносоставной предмет в виде пряжки на удлиненном щитке с крюком (табл. XX, 9); 21 наконечник стрел разных типов (табл. IX, 2, 7, 10, 13; табл. VIII, 4, 9, 10, 14, 16, 18, 23, 31); фрагменты двух панцирных пластин (табл. XX, 21); длинный наременный наконечник (табл. XX, 19), крюк на орнаментированной пластине (табл. XX, 10); орнаментированную обойму (табл. XX, 7); пинцет с кольцом (табл. XX, 26) и топор-тесло (табл. XX, 23).

Судя по категориям инвентаря и его распределению на площади кургана, можно предполагать, что здесь также был похоронен один человек с предметами упряжи от трех коней.

Таким образом, рассмотрение предметов сопроводительного инвентаря по категориям в каждом захоронении позволяет сделать вывод о том, что курганы 2–4 создавались для одного человека, судя по масштабам сооружений и количеству найденных в них вещей, высокого социального ранга. С каждым из них на погребальный костер была положена упряжь от коней: 4 в кург. 2, 3 — кург. 3 и 1 — кург. 4. По имеющимся данным в кург. 1 могильника Малиновка (сер. XI–нач. XII вв.) с одним погребенным было найдено снаряжение от пяти коней [Кызласов, 1969, с. 110–112].

Последовательность возведения курганов, вероятно, была следующей: кург. 2 и стела 9 (объекты, связанные с именем Багыра), затем кург. 3 и относящаяся к нему выкладка 5. Позже — кург. 4 для одного человека, возможно Кара Йаша, которому поставлена стела 10. Кург. 1 был возведен позже кург. 2. Выкладки 6–8 сложены как поминальные уже после создания курганов 3 и 4.

1 В коллекции № 399 Тувинского республиканского краеведческого музея им. Алдан-Маадыр в г. Кызыле отсутствуют удила № 62 из кург. 2, погр. 1, а также как в коллекции, так и в тексте отчета отсутствуют № 1–3, 26, 31, 33, 63–66, 68 из кург. 3 могильника Эйлиг-Хем III.

II. Сопроводительный инвентарь

Материалы могильника Эйлиг-Хем III еще не подвергались специальному анализу в археологической литературе. Отдельные вещи были опубликованы Д.Г.Савиновым — 15 предметов из разных местонахождений — удила, наконечники стрел, ременные накладки, поясные бляхи, стремяна [Савинов, 1972, табл. 1, № 10–24], И.Л.Кызласовым — стремя из кург. 2 [Кызласов И., 1978, рис. 1, № 3; 1981, рис. 74, № 3] и Ю.С.Худяковым — сабля ("меч Багыра") из кург. 2, наконечник копья из кург. 4 и несколько наконечников стрел [Худяков, 1980, табл. VII, 4 ; XI, 8 ; XXXIV]. Кроме того, имеются упоминания (без ссылки на источник) о находках стремени с кольцом для упора древка копья и сабли с арабской надписью [Кызласов И., 1981, с. 204–205], происходящих из могильника Эйлиг-Хем.

Несмотря на отмеченную выше предполагаемую последовательность сооружения эйлиг-хемских курганов, происходящий из них комплекс предметов сопроводительного инвентаря в пределах одного хронологического этапа может рассматриваться как одновременный. Во всех четырех курганах найдены вещи типологически близких форм: наконечники стрел, стремяна, удила с псалиями, пряжки, различного рода украшения и т.д. По своему назначению они могут быть разделены на несколько групп:

1) предметы вооружения (наконечники стрел, сабли, наконечники копий, детали защитного вооружения — панцирные пластины и фрагменты кольчуги);

2) предметы снаряжения верхового коня (стремени, удила с псалиями, подпружные пряжки, сбруйные наборы, остатки седел);

3) бытовые предметы (топор-тесло, ножи, кресало, детали поясных наборов, серебряный сосуд);

4) различного рода пряжки, детали двусоставных застежек, крюки, сложносоставные предметы, которые мы, пользуясь этнографической терминологией, условно называем "приклад".

I. Предметы вооружения

Наконечники стрел — наиболее массовый материал эйлиг-хемских курганов. Всего их было найдено здесь около 90 экземпляров (из них 50 в кург. 1). По особенностям оформления ударной части пера они могут быть разделены на несколько типов.

1) Трехперые наконечники с треугольной (табл. VIII, 5, б), вытянуто-ромбической (табл. VIII, 4) или пятиугольной (табл. VIII, 1–3) формой пера. Некоторые из них имеют круглые отверстия в лопастях (табл. VIII, 5, б), а на трех сделаны цельнокованные металлические шарики-свистунки (табл. VIII, 2, 3, б). Наконечники стрел этого типа были широко распространены в Южной Сибири в древнетюркское время, особенно часто они встречаются в алтайских курганах конца I тыс. н.э. [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 54; Киселев, 1951, табл. XLVIII, 2 ; Савинов, 1982, рис. 5]. В это время они, как правило, использовались с костяными шариками-свистунками. Цельнокованные металлические шарики-свистунки, очевидно, появляются позже. Единственный такой наконечник известен в Хакасии из кургана XI–XII вв. могильника Кизек-Тигей [Кызласов, 1975, рис. 6].

2) Трехгранно-трехлопастные наконечники с треугольной (табл. VIII, 7–9), вытянуто-ромбической (табл. VIII, 10, 11, 15–17), пятиугольной (табл. VIII, 13) и ярусной (табл. VIII, 14) формой пера. Наконечники стрел этого типа (по А.Ф.Медведеву — килевидные, тип 18) датируются в Восточной Европе VIII–IX вв. [Медведев, 1966, табл. 12, с. 60]. Близкие по форме наконечники встречены в Туве в кыргызских погребениях IX–X вв. — мог. Хемчик-Бом II (раск. А.Д.Грача и Г.В. Длужневской, 1971–1972 гг.), Шанчиг [Кызласов, 1969, рис. 35, 37]; X–XI вв. — Аймырлыг II, гр. III (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.). В Минусинской котловине — в кургане с

трупосожжением (№ 5) могильника Капчалы II — также IX–X вв. [Левашова, 1952, рис. 5, 14, 15]. В Монголии — в одном из курганов (№ 11) могильника Орхон-Дель — IX в. [Евтюхова, 1957, рис. 14], который некоторые исследователи по обряду погребения и орнаментации керамики считают возможным связывать с уйгурами [Худяков, Цэвэндорж, 1982, с. 93, 94]. Редкая для этого времени форма ярусных наконечников известна в материалах Сросткинского могильника на Северном Алтае (раск. М.Н.Комаровой, 1925 г.; ГЭ, кол. 4381, № 7, 66).

3) Уплощенные асимметрично-ромбические наконечники (табл. VIII, 25–31). Неоднократно встречены в Туве в памятниках начала II тыс. н. э. — Алды-Бель (раск. А.Д.Грача, 1966 г.), Демир-Суг I (раск. И.У.Самбу, 1970 г.; Длужневская, 1983, рис. на с. 44), Уюк-Тарлык, кург.51 (раск. А.В.Адрианова, 1916 г.) и др. Известны они и в погребениях Минусинской котловины этого времени — Означенное (раск. Ю.И.Трифонов, 1971 г.), Терен-Хол [Худяков, 1982, рис. 78, 79], где доживают до монгольского времени — Кокорево (раск. Г.П.Сосновского, 1929 г.; ГЭ, кол. 1550, № 4–7). В восточноевропейских материалах подобные наконечники характерны для XI в. [Медведев, 1966, табл. 19, с. 81]. По классификации Ю.С.Худякова, они входят в группу VI (плоские асимметрично-ромбические) и датируются IX–XII вв. [Худяков, 1980, с. 95, табл. XXVI, 1–6].

4) Мелкие уплощенные наконечники, ромбические и пятиугольные, с цельноковаными шариками-свистунками (табл. VIII, 19–21). По-видимому, форма достаточно редкая. Кроме приведенного выше наконечника из Кизек-Тигей аналогов себе не имеют.

5) Четырехгранные бронзовые наконечники (табл. VIII, 22–23). В Восточной Европе (тип 95) датируются в широких хронологических пределах VIII–XIV вв. [Медведев, 1966, табл. 12, с. 84]. В Туве появляются в IX–X вв. — Шанчиг, кург. 18 [Кызласов, 1969, рис. 35, 7]. Наиболее характерны для предмонгольского времени. По классификации Ю.С.Худякова — группа IV, тип 3 — IX–X вв. [Худяков, 1980, с. 92–94]. Аналогичные эйлиг-хемским наконечники найдены в Минусинской котловине в д. Черной, XI–XII вв. (раск. Г.П.Сосновского, 1929 г.; ГЭ, кол. 1548, № 6) и в Киргизии на городище Ак-Бешим во втором строительном горизонте вместе с монетами караханидского времени второй четверти и середины XI в. [Кызласов, 1969, рис. 46, 4, 5; с. 227]. Последние находки имеют для данного типа наконечников стрел определенное датирующее значение.

6) Сильно уплощенные и плоские наконечники стрел с различными вариантами оформления пера: ромбическим (табл. VIII, 1–5, 14) и асимметрично-ромбическим (табл. IX, 9, 10); пятиугольным с прямыми (табл. IX, 6, 13) и вогнутыми (табл. IX, 7, 8, 11, 12) сторонами; пятиугольным с прямым верхним краем типа срезней (табл. IX, 17, 18); лопаткообразным на длинном стержне (табл. IX, 15, 16). Сильно уплощенные и плоские наконечники стрел появляются в Южной Сибири не ранее IX в. и в этом отношении служат важным хронологическим признаком [Савинов, 1973, с. 345].

С самого начала II тыс. н.э. они становятся господствующей формой по всему поясу степей Евразии. Типология их до настоящего времени окончательно не разработана. Ромбические наконечники этого времени (типа эйлиг-хемских) отличаются от предшествующих большими размерами. Асимметрично-ромбические явно продолжают традицию уплощенных асимметрично-ромбических наконечников (тип 3). Плоские пятиугольные наконечники во второй половине I тыс. н.э. были наиболее характерны для памятников восточных районов — борхотуйской культуры в Восточном [Кириллов, Ковычев, Асеев, Зубов, 1978, рис. 4, 6] и хойцегорской культуры в Западном [Кызласов, 1981, рис. 35] Забайкалье. В Прибайкалье они продолжают жить вплоть до монгольского времени — могильник Усть-Талькин [Седякина, 1965, рис. 2, 14, 15]. Подобный эйлиг-хемским наконечник с прямым верхним краем (типа срезня) найден в кург.12 могильника Шанчиг — середина X в. [Кызласов, 1978, рис. 7, 7].

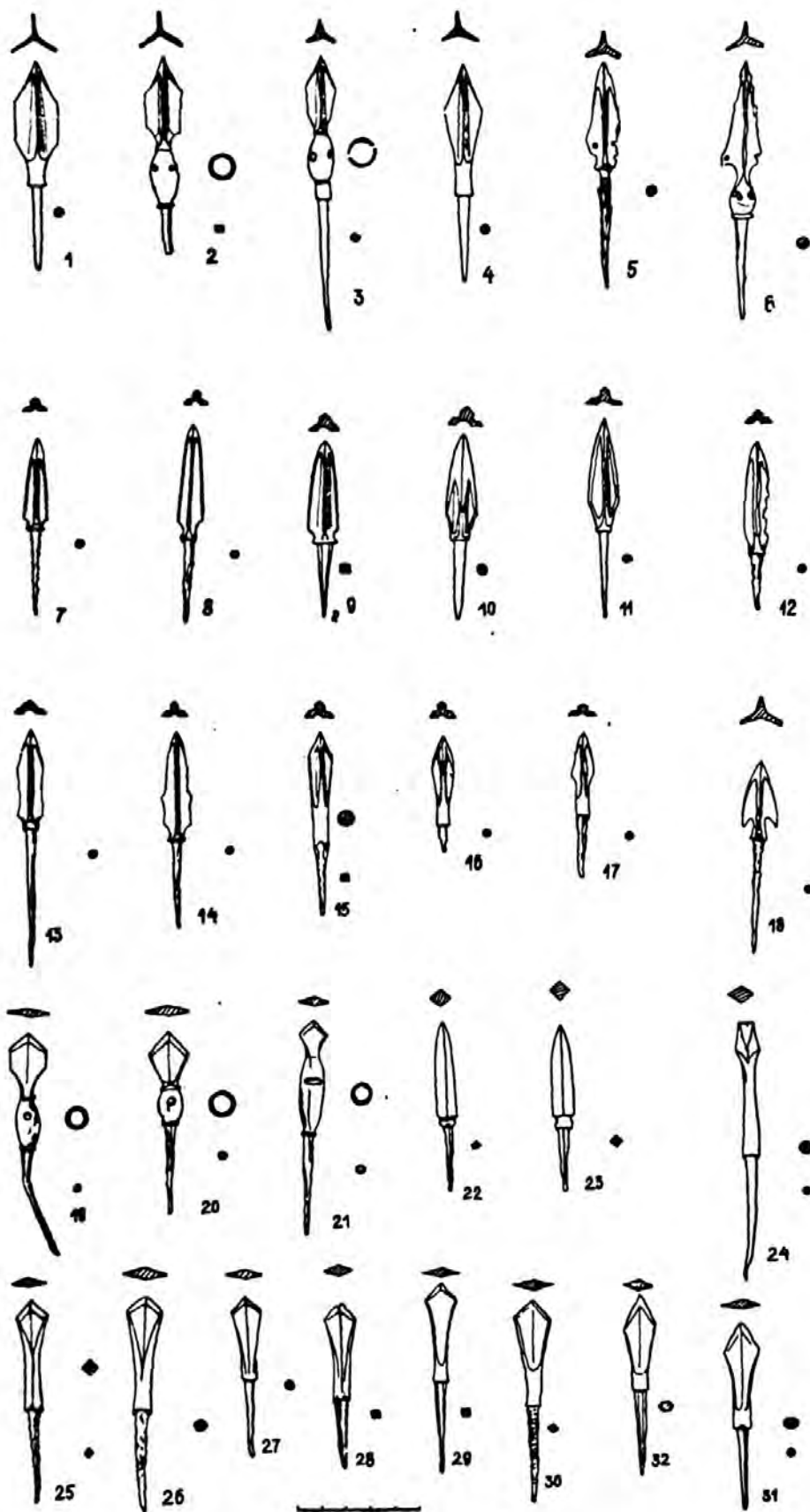

Таблица VIII. Наконечники стрел железные: 1-3, 6, 11, 12, 19-21, 27, 29 — курган 2; 4, 9, 10, 14, 16, 18, 23, 31 — курган 3; 5, 7, 8, 13, 15, 17, 22, 24-26, 28, 30, 32 — курган 1.

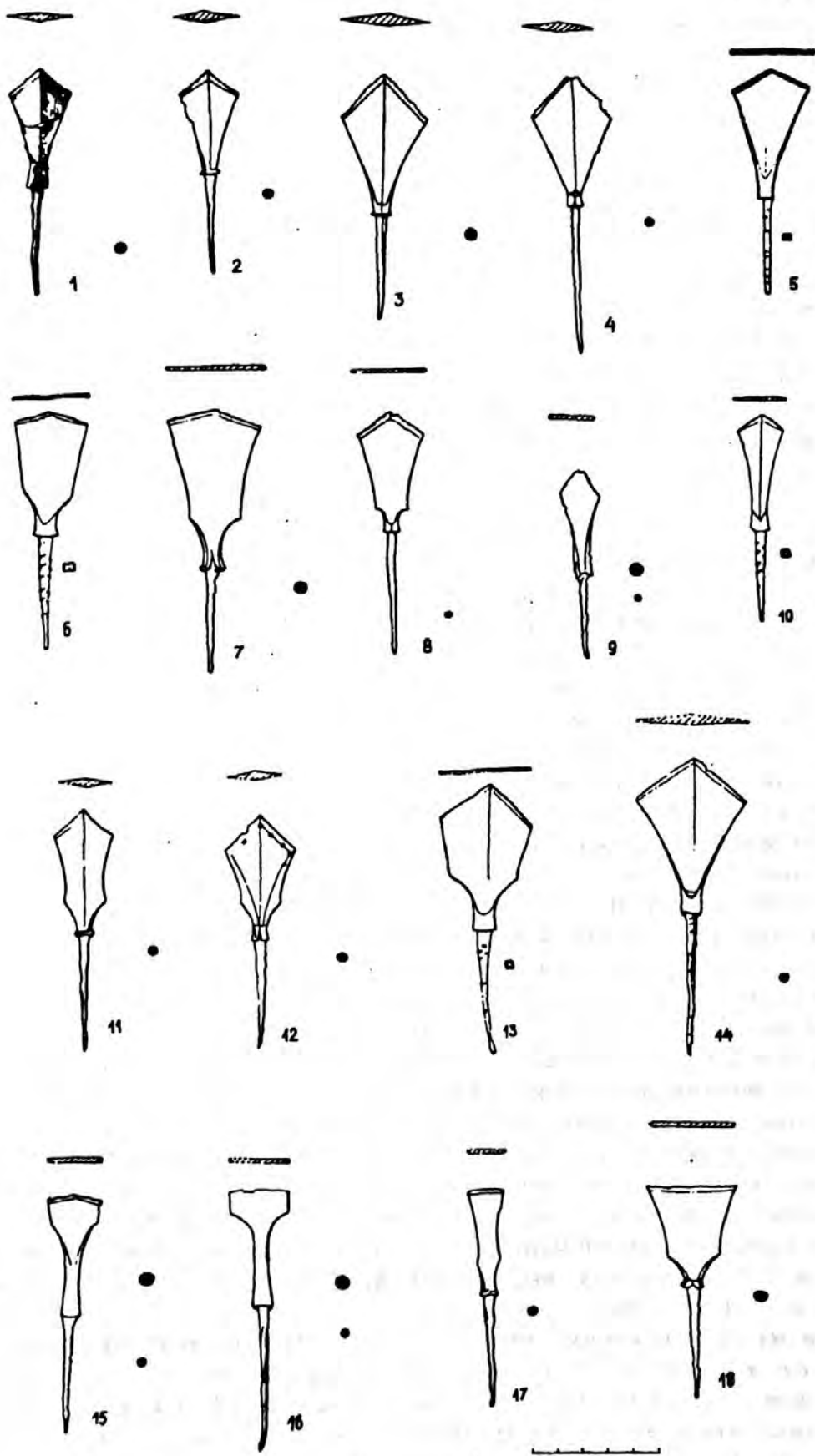

Таблица IX. Наконечники стрел железные плоские: 1, 15-17 — курган 2; 2, 7, 10, 13 — курган 3; 3-6, 8, 9, 11, 12, 14, 18 — курган 1.

Помимо выделенных шести типов наконечников стрел в материалах эйлиг-хемского комплекса имеется несколько наконечников, представленных единичными экземплярами. 1) Бронебойный наконечник со скошенными гранями ударной части на длинном веретенообразном стержне — кург. 1 (табл. VIII, 24). Последняя особенность характерна для сросткинских бронебойных наконечников IX–X вв. (раск. С.М.Сергеева, 1930 г.; ГЭ, кол. 1285, № 3, 5). Аналогичный эйлиг-хемскому наконечник найден в Минусинской котловине — Означенное, XI–XII вв. (раск. Ю.И.Трифонов, 1971 г.). 2) Трехперый наконечник с шипами — кург. 3 (табл. VIII, 18). По классификации Ю.С.Худякова, входит в группу 1, тип 6, IX–X вв. [Худяков, 1980, с. 83, табл. XXVI, 1]. 3) Пулевидный наконечник — кург. 2 (табл. XVIII, 19). Для восточноевропейских и южносибирских памятников такая форма не характерна. Во второй половине I тыс. н.э. встречаются на востоке — в материалах борхотуйской культуры [Кириллов, Ковычев, Асеев, Зубов, 1978, рис. 4] и у мохэ [Дервянко, 1969, рис. 2, 13].

Сабли найдены в двух эйлиг-хемских курганах. Одна из них (кург. 2), известная как "меч Багыра", подробно описана Ю.С.Худяковым: "Длина клинка 90, высота рукояти 9 см. Прямая узкая полоса с лезвием, параллельным спинке, полого сужается к остроугольному острию. Острие клинка расковано на два лезвия. По обе стороны клинка вдоль спинки отчеканено по одной куфической надписи. Гарда с опущенными в сторону шаровидными концами, с язычком в сторону рукояти, богато украшена растительным орнаментом. На черене рукояти, изогнутой в сторону лезвия, проделано отверстие для крепления обкладки; шляпка заклепки на нем имеет вид крестообразной розетки с четырьмя концами" [Худяков, 1980, с. 42]. К этому следует добавить наличие фигурной оковки в верхней части клинка и растительный орнамент на обеих сторонах клинка, обращенных к лезвию (табл. X, 1). Вместе с саблями были найдены напильник-мусат для правки лезвия (табл. X, 2), обоймы (табл. X, 3–7) и гладкий наконечник с кольцом от ножен (табл. X, 8). По мастерству исполнения, сохранности и художественной ценности декоративного оформления "меч Багыра", сделанный из дамасской стали, не имеет себе равных среди всех остальных находок подобного рода в Центральной Азии и Южной Сибири.

Особое значение ему придают арабские куфические надписи, выгравированные по обеим сторонам клинка. Хотя погребение датируется концом X–началом XI вв., характерные особенности эфеса позволяют датировать "меч" IX-м веком. Палеографический анализ позволяет выявить некоторую графическую стилизацию, продуманную композицию надписи и профессиональные навыки гравера, оставившего на клинке благословляющую оружие сентенцию. Особенности надписи также позволяют отнести ее к ранним куфическим вариантам не позднее второй половины IX в. Текст является весьма характерным для надписей на клинках, изготовленных в мусульманских областях, подвластных арабам. Скорее всего палаш был захвачен после одной из побед в период "великодержавия", когда границы владений енисейских кыргызов, пользуясь образным выражением В.В.Бартольда, "вплотную подошли к пределам мусульманского мира" и затем передавался из поколения в поколение в среде знатных кыргызских воинов, пока не оказался в одном из погребений в далекой Туве.

На одной из сторон клинка тонкой глубокой гравировкой нанесена часть фразы "...помощь от Аллаха". Продолжение фразы на другой стороне клинка — "... и близкая победа". Фраза представляет собой фрагмент 13-го айата 61-й суры Корана "Ряды". Полный текст айата гласит: "(Еще преуспевание) другое, которое вы любите, — помощь от Аллаха и близкая победа. Сообщи же благую весть верующим" [Коран, 1995, с. 356]. Судя по композиции надписи на клинке и сохранности эпиграфического текста, маловероятно, что айат был выгравирован полностью. Кроме того, именно этот фрагмент имеет аналоги. Например, по сообщению

И.Ю.Крачковского, это выражение стало надписью на знаменах мусульманского воинства [Коран, 1990, с. 623]².

Другая сабля (кург. 3), согнутая пополам, с крестообразным перекрестием, украшенным вертикальными бороздками и кружковым орнаментом, с двумя обоями с круглыми щитками и кольцом для крепления ремней португепи (табл. XI), вероятно, местного производства. Сабли, по классификации Ю.С.Худякова, относятся к группе прямых (группа I, тип 1, 4), для которых характерно "наличие прямой полосы и изгиба рукояти в сторону лезвия", и датируются X–XII вв. [Худяков, 1980, с. 40, табл. 3]. Не исключено, что в кургане 3 находились ножны еще от одной сабли, от которых сохранилась обойма с кольцом, украшенная растительным орнаментом (табл. XX, 8). Обойма от ножен найдена также в кург. 4 (табл. XXI, 8).

Типологически близкая эйлиг-хемским сабля, согнутая в четыре раза, с фигурной гардой, оковкой и обоями от ножен, была найдена в Туве в могильнике XI–XII вв. Демир-Суг I (раск. И.У.Самбу, 1970 г.; Худяков, 1980, табл. VI, 2). В Минусинской котловине в это и более позднее время, судя по имеющимся находкам, были распространены сабли с ладьевидным перекрестием — Черная (раск. Г.П.Сосновского, 1929 г.; ГЭ, кол. 1548, № 1; Худяков, 1980, табл. VI, 1); Самохвал [Кызласов И., 1980, рис. 7] и др. Для предшествующего времени (IX–X вв.) в Туве, на Северном Алтае и в Восточном Казахстане была характерна форма однолезвийного палаша. Наиболее яркие находки этого рода на территории Тувы — палаши с крестообразным и ладьевидным перекрестием из могильника Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 2].

Вопрос о времени и месте появления сабли остается дискуссионным. В погребениях Южной Сибири они находятся не ранее X в., причем какой-то период сосуществуют с предшествующей формой рубящего оружия — однолезвийным палашом. В Средней Азии сабли, по-видимому, появились несколько раньше, как это следует из описания их изготовления в сочинении ал-Джахиза, IX в. [Мандельштам, 1956, с. 241]. Ю.С.Худяков полагает, что у енисейских кыргызов сабли появились под влиянием "военного искусства Центральной и Средней Азии", в результате их походов в Восточный Туркестан и "расширения сферы торговых связей" [Худяков, 1980, с. 45].

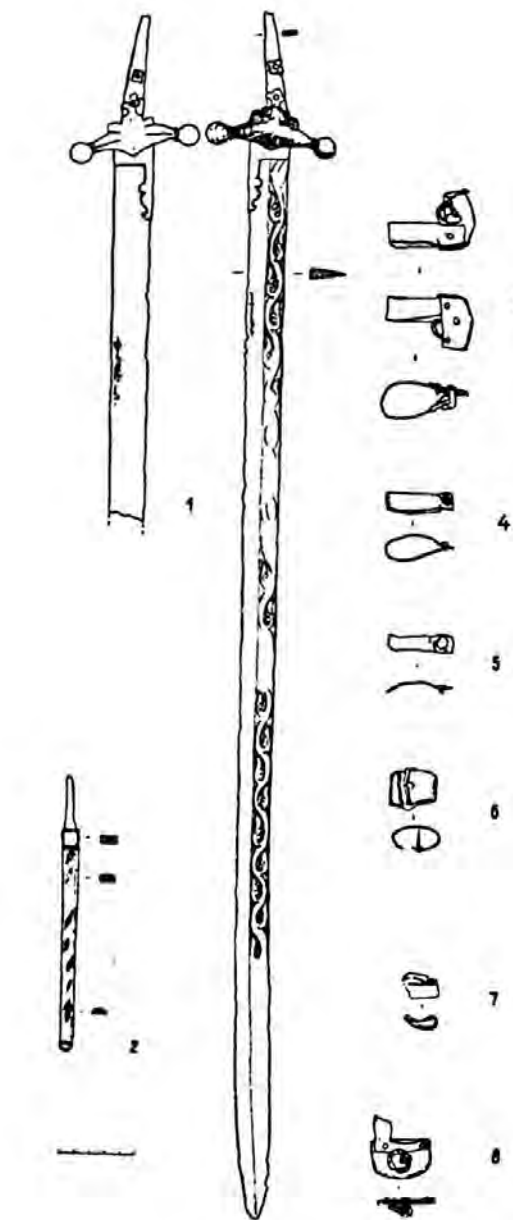
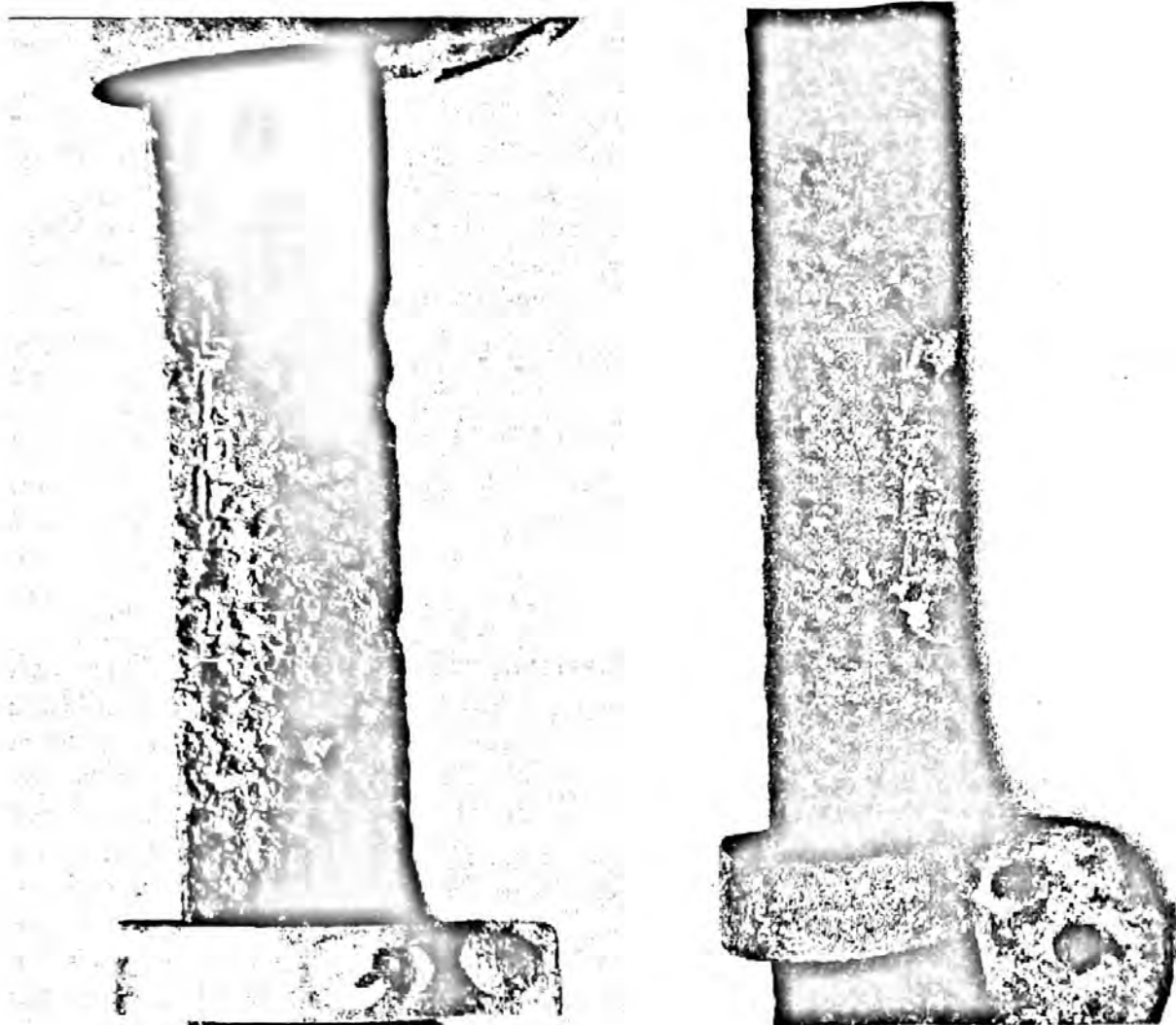

Таблица X. "Меч Багыра" из кург. 2 могильника Эйлиг-Хем III: 1 — сабля; 2 — мушкет; 3–8 — обоймы от ножен.

2 Сведения о переводе арабских надписей получены от Д.Д.Васильева, пользовавшегося консультациями З.М.Буниятова и В.М.Крюкова. Пользуемся случаем выразить им за это самую глубокую благодарность. — Д.Г.Савинов, Г.В.Длужневская.

داعل وكيه رار

تار اار ل

Сабля из кург. 2 — надписи на клинке и их прорисовки.

Привозная сабля с арабскими надписями из кург. 2 могильника Эйлиг-Хем III как будто подтверждает это предположение.

Наконечники копий — довольно редкая находка в погребениях енисейских кыргызов. Втульчатый наконечник копья с ободком по нижнему краю втулки и трехгранным сечением пера был найден в кург. 4 (табл. XXI, 9). Обломок верхней части такого же наконечника происходит из кург. 2 (табл. XIX, 18). Точных аналогов себе они не имеют. По классификации Ю.С.Худякова, трехгранные наконечники копий датируются

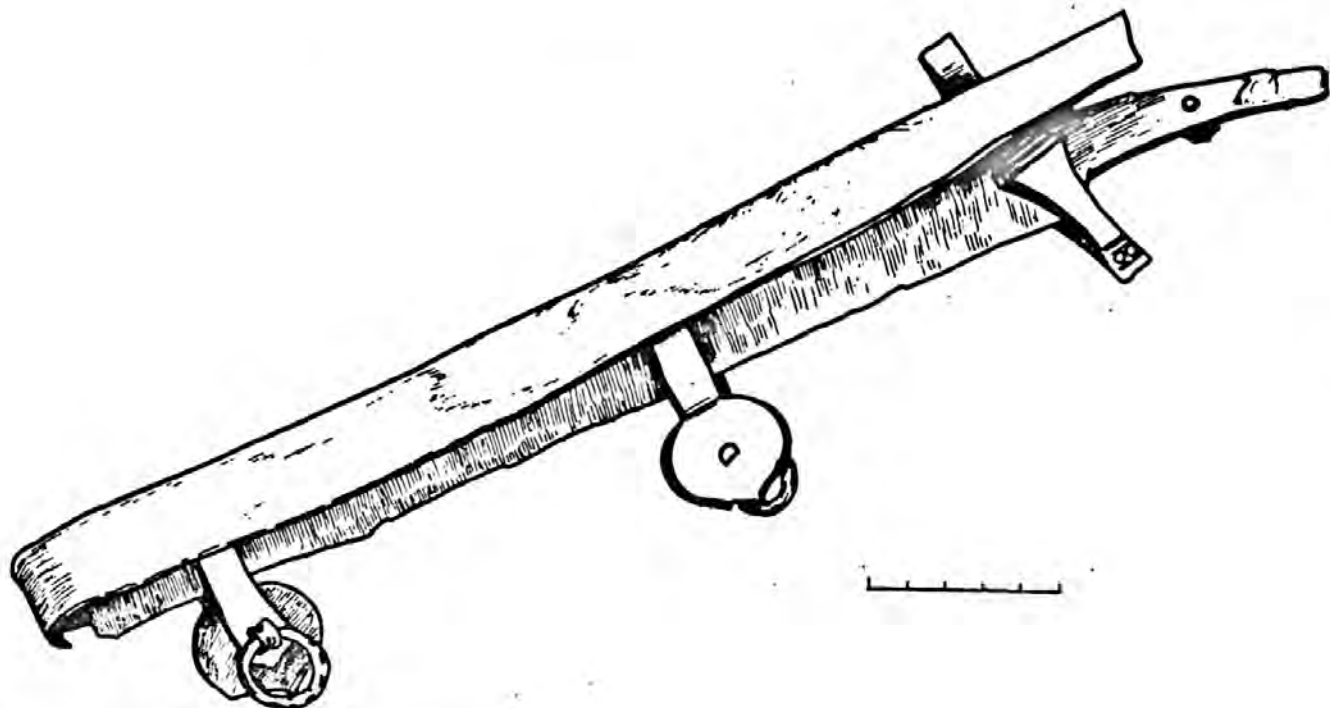

Таблица XI. Сабля железная из кургана 3.

XI–XII вв. [Худяков, 1980, с. 55, табл. 4]³. Можно предполагать, что наконечники копий у енисейских кыргызов употреблялись на длинном древке, о чем свидетельствует специальное кольцо для удержания древка копья на одном из стремях из кург. 2 (табл. XIV, 1). По своим боевым свойствам трехгранные (или однолезвийные) наконечники копий напоминают пальму — известное оружие ближнего боя у многих, в первую очередь тунгусоязычных, народов Сибири.

Детали защитного вооружения представлены в материалах могильника Эйлиг-Хем III отдельными панцирными пластинами (табл. XIX, 22 ; XX, 21) и фрагментом кольчуги (табл. XVII, 35). Если панцирные пластины довольно часто встречаются в памятниках древнетюркского времени, в том числе и у енисейских кыргызов, то крупный фрагмент кольчуги — находка редкая. Ближайшая аналогия ей находится в Прибайкалье, в одном из курыканских погребений Куркутского могильника [Асеев, 1980, табл. II, 2].

2. Предметы снаряжения верхового коня

Стремена найдены в трех эйлиг-хемских курганах: четыре пары в кург. 2, три пары в кург. 3 и одна пара в кург. 4 (всего 16 экз.). Они четко делятся на два типа.

1) Стремена округлой формы с выделенной подквадратной пластиной и овальной подножкой с проходящей с нижней стороны нервюрой (табл. XII). На двух стремях верхний край пластины имеет фигурное оформление (табл. XII, 3, 4). На трех стремях в подножках сделаны серповидные прорезы — на двух по три пары (табл. XII, 5, 6) и на одном две пары (табл. XII, 4).

Стремена с выделенной подквадратной, подпрямоугольной или высокой пластиной и овальной подножкой — один из ведущих типов стремях во второй половине I тыс. н.э. Такие стремяна были наиболее характерны для культуры саяно-алтайских тюрков и

3 Прорисовка копья из кург. 4 мог. Эйлиг-Хем III в работе Ю.С.Худякова дана не точно [Худяков, 1980, табл. XI, 8].

енисейских кыргызов в VIII–X вв. С.В.Киселев считал их типологически более поздними, чем стремена с петельчатой дужкой и отмечал, что они отличаются "своеобразной изогнутостью нижней части боковых дуг при переходе в подножие" [Киселев, 1951 а, с. 49]. Эйлиг-хемские стремена, очевидно, могут считаться самыми поздними в этом ряду. Фигурное оформление верхнего края пластины имеют стремена из Уйбатского чаа-таса в Хакасии [Евтюхова, 1938, рис. 8] и Аймырлыг II, группа III, кург. 15 в Туве (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.). Те и другие — IX–X вв.

Стремена с круглыми и серповидными прорезями встречены в памятниках IX–X вв. в Минусинской котловине — Тюхтятский клад [Евтюхова, 1948, рис. 135], Уйбатский чаа-тас [Евтюхова, 1938, рис. 8; 1948, рис. 20], курганы около ст. Минусинск [Николаев, 1972, рис. 5]; на юге Красноярского края — Ладейский комплекс [Жарцов, 1929, с. 51, № 26]; в Туве — Шанчиг [Кызласов, 1969, рис. 33, 3], Аймырлыг II, группа III (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.), Дагылганныг [Маннай-оол, 1968, табл. 1, 1, 2, 4, б]; на Горном Алтае — Курай III, кург. 2 [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 103, рис. 28]; в Восточном Казахстане — Зевакинский могильник [Арсланова, 1972, табл. V, 3], Славянка, кург. 3 (раск. С.С.Черникова, 1953–1955 гг.). Во всех этих случаях стремена с прорезной подножкой найдены в погребениях енисейских кыргызов или населения, несомненно, находившегося под их влиянием, что позволяет считать эту особенность оформления стремян в Южной Сибири этнически показательной для культуры енисейских кыргызов.

Типологически ближе всего эйлиг-хемским находкам стремена с выделенной пластиной из могильников Дагылганныг; Аймырлыг II, группа III; Уюк-Тарлык, кург. 51 [раск. А.В.Адрианова, 1916 г.; Кызласов, 1969, табл. III, № 123]. Близкие по форме стремена были известны у киданей — X в. ["Каогу", 1954, № 8, рис. 27; 1959, № 2, рис. 12; 1960, № 2, рис. 2].

2) Стремена трапецевидной формы с низкой невыделенной пластиной и узкой прямой (или близкой к прямой) подножкой (табл. XIII, XIV). В некоторых случаях очертания пластины сливаются с абрисом стремени. Три стремени имеют нечеткую нервюру (или следы от нее) с нижней стороны подножки (табл. XIII, 5, б; XIV, 2). На одном стремени сбоку прикреплено кольцо для удержания древка копья (табл. XIV, 1). На четырех стременах в основании пластины сделаны парные отверстия (табл. XIV). Два стремени имеют следы починки (табл. XIII, 5; XIV, 2).

Стремена с низкой невыделенной пластиной не характерны для культуры енисейских кыргызов предшествующего времени. В IX–X вв. они встречаются в памятниках сrostкинской культуры на Северном Алтае — Большая Речка, БЕ VIII, кург. 2 [Грязнов, 1956, табл. LV, 22, 24] и в Восточном Казахстане — Совхоз 499 [Агеева, Максимова, 1959, рис. 4], Славянка (раск. С.С.Черникова, 1953–1955 гг.). Одно стремя известно на Горном Алтае — Яконур, кург. 1, мог. А (раск. М.П.Грязнова, 1939 г.; ГЭ, кол. 1554, № 16). Назначение парных отверстий у основания пластин неизвестно. Кроме могильника Эйлиг-Хем III, они встречены в трех случаях: на Горном Алтае — Курай VI, кург. 1 [Евтюхова, Киселев, 1935, рис. 26], в Туве — Аймырлыг II, группа III, кург. 15 (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.) и в Минусинской котловине — Тунчух-Хая I, кург. 1 [Худяков, 1980 а, рис. 6, с. 103]. Последнее стремя по всем признакам больше всего соответствует эйлиг-хемским.

Стремена с низкой невыделенной пластиной с полным основанием можно рассматривать как типологически предшествующую форму для стремян с отверстием для путлища в самой дужке, получивших чрезвычайно широкое распространение начиная с XI–XII вв. и вытеснивших все предшествующие формы. Приблизительно тот же путь развития — "от обособленной дужки через небольшой прямоугольный, треугольный, а затем круглый выступы — к простому расплющиванию верхней части дужки для прорези" — прослеживается для восточноевропейских стремян Г.А.Федоров-Давыдов

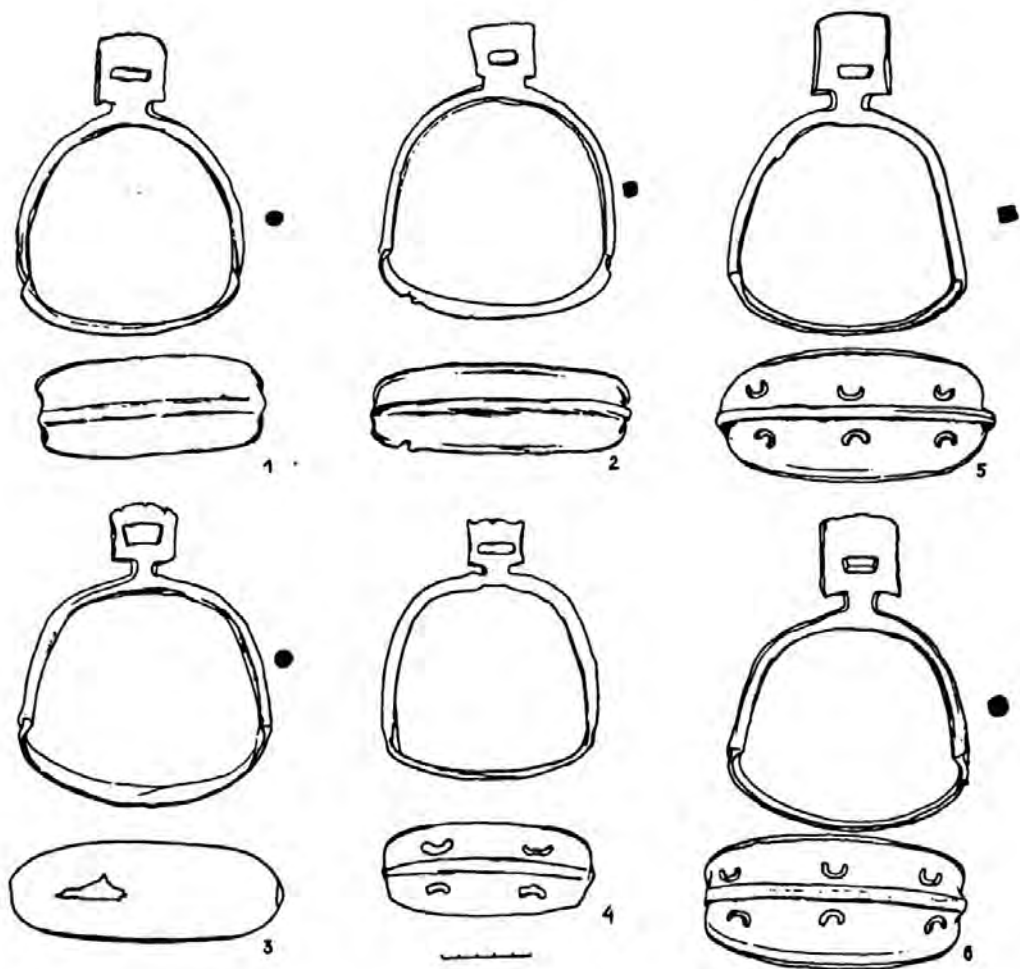

Таблица XII. Стремена с выделенной пластиной: 1-4 — курган 3; 5-6 — курган 4.

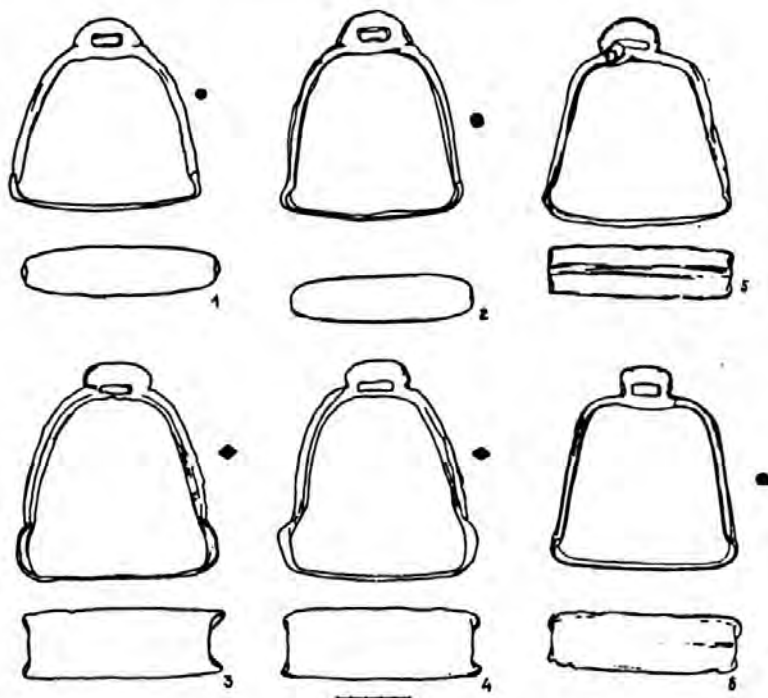

Таблица XIII. Стремена с низкой невыделенной пластиной: 1, 2, 5, 6 — курган 2; 3, 4 — курган 3.

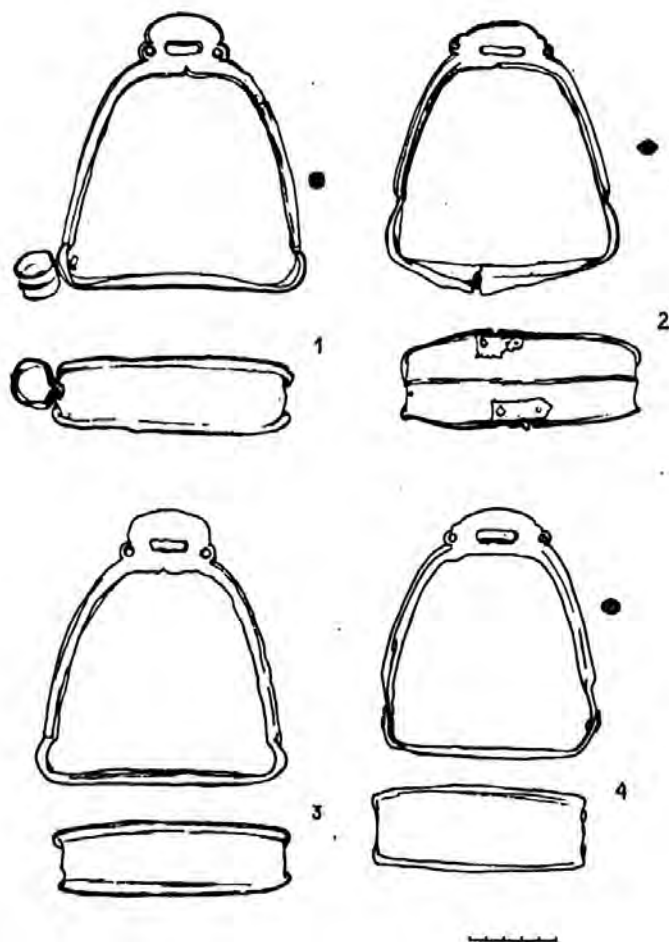

Таблица XIV. Стремена с невыделенной пластиной: 1-4 — курган 2.

[Федоров-Давыдов, 1966, с. 15].

Удила и псалии, найденные в могильнике Эйлиг-Хем III, разнообразны как по конструктивным особенностям, так и по декоративному оформлению. Функционально они могут быть разделены на две неравные группы: удила без псалий (табл. XV) и удила с псалиями (табл. XVI, XVII).

Удила без псалий трех типов.

1) Двусоставные однокольчатые удила из толстой проволоки, конец которой завернут вокруг стержня удила, с одним дополнительным кольцом (табл. XV, 1,2). Аналогии этим удилам известны только в погребениях XI-XII вв. в Туве — Малиновка, кург. 1 [Кызласов, 1969, рис. 46, 3] и Алды-Бель I (раск. А.Д.Грача, 1966 г.).

2) Двусоставные удила с большими внешними кольцами, зажатými в окончаниях звеньев удила (табл. XV, 3). Повсеместно, как и стремена с отверстием для путлища в дужке, такие удила распространяются с начала II тыс. н.э. Раньше всего, в IX-X вв. они встречаются в памятниках сросткинской культуры на Северном Алтае — Большая Речка, БЕ VIII, кург. 2 [Грязнов, 1956, табл. LV, 23], Сростки (раск. М.Н.Комаровой, 1925 г.; ГЭ, кол. 4381, № 7) и в Кемеровской области — Ур-Бедари (раск. М.Г.Елькина). В Туве они известны несколько позже — в могильниках Аймырлыг II, гр. III, кург. 4 (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972-1976 гг.) и Дагылганныг (раск. М.Х.Маннай-оола, 1967 г.).

3) Трехсоставные удила в виде соединенных цепочкой перевитых проволочных петель (табл. XIX, 15). Такие же удила были найдены в Уюк-Тарлык, кург. 51 (раск. А.В.Адрианова, 1916 г.). Конструктивно им близки трехсоставные удила из коллекции О.Б.Згерского-Струмилло (ГИМ, кол. 49439, № 482).

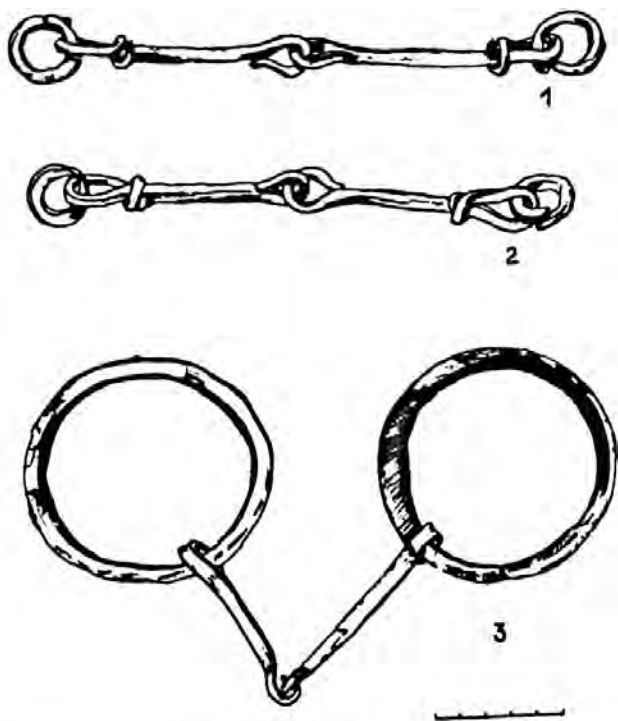

Таблица XV. Удила без псалий: 1 — курган 3;
2, 3 — курган 1.

Удила с псалиями ввиду их сложности и разнообразия целесообразно рассмотреть отдельно — по типам удил и типам псалий.

Типы удил. 1) Двусоставные удила с гладкими стержнями и "8" - образными внешними кольцами, расположенными в перпендикулярных плоскостях (табл. XVI, 4-6). Витые стержни удил в сочетании с "8"-образными внешними кольцами, расположенными в одной плоскости, были широко распространены в IX-X вв., особенно в среде енисейских кыргызов или других племен, находившихся под их влиянием. Территория их распространения совпадает с распространением стремян с прорезной подножкой. Рассматриваемый тип эйлиг-хемских удил, вероятно, складывается на основе удил с гладкими стержнями и "8"-образными окончаниями звеньев, расположенными в перпендикулярных плоскостях (тип 1), и удил с витыми стержнями IX-X вв. Ближайшие аналогии

им находятся в материалах Уйбатского чаа-таса [Евтюхова, 1938, рис. 9].

3) Двусоставные удила "с упором" (табл. XVI, 1, 2 ; XVII, 2-4) представляют собой новый конструктивный вариант удил, где псалии находятся не в кольчатых окончаниях звеньев, а помещаются на стержне и ограничиваются выступами в основании раскованного конца удил с одним внешним кольцом. Удила "с упором" не имеют себе предшественников в материалах I тыс. н.э. Они появляются неожиданно, явно связаны с какой-то иной культурной (или технологической) традицией, получают широкое распространение в начале II тыс. н.э. и не встречаются позже монгольского времени. Вопросы типологии и происхождения удил этого типа рассматриваются в специальной статье И.Л.Кызласова, который считает их "характерной особенностью аскизской культуры" [Кызласов И., 1980 а, с. 155].

Отдельные экземпляры эйлиг-хемских удил "с упором" отличаются известными архаизмами: например, сам "упор" у них недостаточно четко выражен (табл. XVI, 1, 2), стержни удил в одном случае витые (табл. XVII, 2), что позволяет относить их к самому началу типологического ряда в развитии удил данного типа.

Псалии из эйлиг-хемских курганов (10 пар) представляют собой самую многочисленную серию находок подобного рода, происходящих из одного комплекса. По конструктивным особенностям они могут быть подразделены на два основных вида — стержневые "S"-видные (табл. XVI) и пластинчатые (табл. XVII) псалии.

Стержневые "S"-видные псалии — ведущая форма на протяжении всего древнетюркского времени, во всяком случае начиная с VII-VIII вв. По характеру оформления петли для крепления ремней оголовья они могут быть разделены на три типа.

1) Псалии с простыми скобами (табл. XVI, 4-6). Повсеместно распространены в Южной Сибири с катандинского этапа, VII-VIII вв. [Гаврилова, 1965, с. 81, 82, рис. 16].

2) Псалии с фигурными петлями (табл. XVI, 1-2). Встречаются только в памятниках енисейских кыргызов IX-X вв. в Туве: Красноярровка, кург. 28 [Кызласов, 1969, табл. III, № 40], Сарыг-Хая II, кург. 2 (раск. Г.В.Длужневской, 1980 г.); в Минусинской котловине — Уйбатский чаа-тас [Евтюхова, 1938, рис. 9; 1948, рис. 29], кург. у ст.

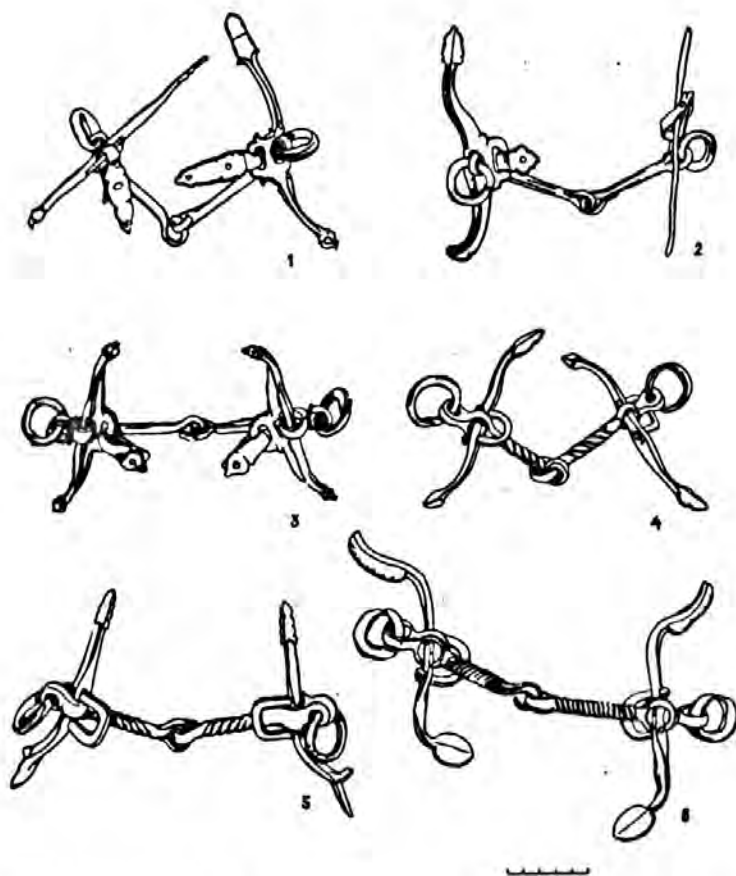

Таблица XVI. Удила со стержневыми "S"-видными псалиями: 1, 6 — курган 1; 2, 4, 5 — курган 3; 3 — курган 2.

Минусинск [Николаев, 1972, рис. 6] и др. Как и прорезные подножки у стремян, фигурные петли на "S"-видных псалиях могут считаться этнически показательными для культуры енисейских кыргызов.

3) Псалии с петлей-пластиной (табл. XVI, 3). Представляют собой, по-видимому, дальнейшее развитие фигурных петель [Савинов, 1977, рис. 8] и встречаются значительно реже, чем все остальные. В Туве — Уюк-Тарлык, кург. 51 (раск. А.В.Адрианова, 1916 г.); в Минусинской котловине — в уникальном по степени сохранности предметов сопроводительного инвентаря скальном захоронении, исследованном А.Н.Липским в 1970 г. у с.Усть-Есь (материал хранится в Абаканском музее).

Пластинчатые псалии, как и удила "с упором", распространяются в начале II тыс. н.э. Значительное их количество представлено в сериях случайных находок из Минусинской котловины, хранящихся в музейных собраниях Москвы, Петербурга и Минусинска. Некоторые из них (12 экз.) сведены в таблицу в работе Д.Г.Савинова [Савинов, 1977, рис. 9]. Найдены они в погребениях XI–XII вв. в Туве — Малиновка, кург. 1 [Кызласов, 1969, рис. 46] и Минусинской котловине — Черная (раск. Г.П.Сосновского, 1929 г.; ГЭ, кол. 1548, № 31). Отдельные аналогии имеются на Алтае [Уманский, 1964, табл. XII, 36]. Пластинчатые псалии из Эйлиг-Хема имеют различную форму — прямые (табл. XVII, 3, 4), изогнутые (табл. XVII, 1), "S"-видные (табл. XVII, 2). По характеру оформления петли они также могут быть разделены на два типа.

1) Псалии с петлей-пластиной (табл. XVII, 1). Аналогичны типу 3 "S"-видных стержневых псалий, но имеют несколько иную конфигурацию. К ним полностью относится все сказанное выше относительно этого варианта петель.

2) Псалии с цельноковаными выступающими петлями (табл. XVII, 2–4). Наиболее характерны для начала II тыс. н.э. Круг аналогий им столь же многочислен, как и для пластинчатых псалий вообще.

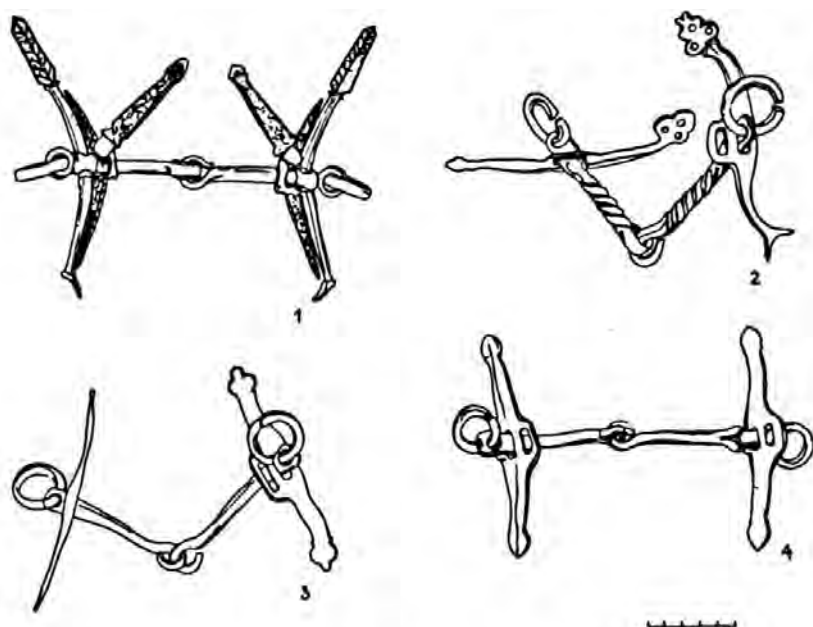

Таблица XVII. Удила с пластинчатыми псалиями: 1 — курган 4; 2 — курган 1; 3, 4 — курган 2.

Все эйлиг-хемские псалии декоративно оформлены. Обычай украшать концы псалий различного рода фигурами — зооморфными, растительными, геометрическими — имеет очень большую древность и был свойствен всем скотоводческим обществам Центральной Азии и Южной Сибири начиная со скифского времени. Но в определенные периоды получают распространение разные приемы оформления концов псалий, и в этом отношении они могут служить культурным и хронологическим признаком.

В древнетюркское время наибольшее распространение получило оформление нижних концов псалий в виде "сапожка". Данью этой традиции является "сапожковое" завершение и некоторых эйлиг-хемских псалий (табл. XVI, 5; XVII, 1, 2), но в целом их оформление отлично от древнетюркских.

Основной отличительной особенностью оформления концов эйлиг-хемских псалий является то, что все они раскованы для придания им фигурных очертаний: простых листовидных (табл. XVI, 6; XVII, 4), листовидных с вырезными краями (табл. XVI, 6; XVII, 4), серповидных (табл. XVI, 6); вытянуто-трапецевидных (табл. XVII, 1), в виде трилистника (табл. XVII, 3), трилистника со сквозными отверстиями (табл. XVII, 2), двуступенчатой башенки (табл. XVI, 1), "коронки" (табл. XVI, 3), "птичьего клюва" (табл. XVI, 1) и т.д. Подобные приемы декоративного оформления широко распространяются в начале II тыс. н.э. вместе с пластинчатыми псалиями и удилами "с упором". Наиболее близкие аналогии мы имеем в Туве: Аймырлыг II, гр. III, кург. 15 (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.); Уюк-Тарлык, кург. 51 (раск. А.В.Адрианова, 1916 г.); Дагылганныг (раск. М.Х.Маннай-оола, 1967 г.; Маннай-оол, 1968, табл. 1, 3, 7); Шанчиг, кург. 12 [Кызласов, 1978, рис. 7, 1]. Близкая тувинским по декоративному оформлению серия удил с псалиями неизвестного происхождения хранится в Красноярском музее (кол. 211).

Истоки происхождения данного оформления концов псалий не совсем ясны. Листовидные окончания на псалиях в IX–X вв. встречаются у енисейских кыргызов в Минусинской котловине — Тюхтятский клад [Евтюхова, 1948, рис. 123] и в Восточном Казахстане — Ново-Камышенка [Арсланова, 1972, табл. V, 9]. Из Стросткинского могильника на Северном Алтае происходит обломок костяного псалия с широким окончанием, явно имитирующего форму металлического (раск. М.Д.Копытова, 1925 г.; Бийский музей, кол. 849). В могильнике Пчела этого же времени в Восточном

Казахстане С.С.Черниковым найдены удила с псалиями, имеющими расплющенные окончания в виде двуступенчатой башенки [Археологическая карта Казахстана, табл. IX, № 253]. Возможно, эти параллели следует рассматривать в одном контексте с другими аналогиями эйлиг-хемским материалам в памятниках сросткинской культуры (удила с большими внешними кольцами и стремена с невыделенной пластиной).

Подпружная пряжка найдена только в одном из эйлиг-хемских курганов (кург. 3). Это обломок крупной железной пряжки, относящейся к типу "подпружных пряжек с язычком на вертлюге" (табл. XX, 14). В VIII–IX вв. на Алтае, в Туве и в Минусинской котловине встречаются подобные пряжки небольших размеров с прямой вертлюгой и прямоугольной рамкой. В IX–X вв. на их основе складывается два основных типа пряжек: массивные с прямой вертлюгой и подквадратной рамкой (алтайские) и более легкие, с вогнутой вертлюгой и трапецевидной рамкой (кыргызские). Эйлиг-хемская пряжка (язычок, к сожалению, не сохранился) больше напоминает кыргызские, но значительно массивнее их, а по вогнутым сторонам рамки сближается с подпружными пряжками, известными в культуре мохэ на Амуре [Деревянко, 1977, табл. VIII, 2; X, б].

Сбруйные наборы — обязательный элемент конской упряжи — представлены в материалах Эйлиг-Хема немногочисленными, но достаточно выразительными находками.

В кург. 4 найдены несколько крупных бронзовых блях с высоким бортиком и "Т"-видный тройник с антропоморфными изображениями (табл. XXI, 1, 4, 7). Различного рода бляхи сбруйных наборов и "Т"-видные тройники существовали в Южной Сибири повсеместно начиная с VII–VIII вв. Однако такого рода крупные изделия, украшенные богатым растительным орнаментом, были характерны только для позднего этапа культуры енисейских кыргызов. Большое их количество найдено при случайных обстоятельствах в Минусинской котловине [Клеменц, 1886, табл. XI, 1, 3; Тальгрэн, 1917, табл. X; Левашова, 1945, рис. 5, 6]. Известны они и в более западных районах, находившихся в IX–X вв. под контролем кыргызов [Миллер, 1937, рис. 22]. В Туве аналогичные бляхи найдены в могильнике Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 2]. Эйлиг-хемский набор, очевидно, является самой поздней находкой подобного рода на территории Тувы.

Совсем другой круг аналогий имеет сбруйный набор из кург. 3. Это плоские подвесные бляхи на щитках с шарнирным креплением, украшенные простым растительным орнаментом (табл. XX, 16–18). Принцип шарнирного крепления впервые зафиксирован в материалах могильника Кудыргэ на Горном Алтае, VI–VII вв. [Гаврилова, 1965, табл. XIX, б] и затем исчезает в Южной Сибири на несколько столетий. В то же время он становится характерным для аварских древностей Подунавья [Арнольд, Феттих, 1936, рис. 25, 34, 39; Хампель, 1, 1905, рис. 137, 138, 81, 122, 153 и др.]. В VIII–IX вв. отдельные подвесные бляхи с шарнирным креплением известны в Приуралье [Генинг, 1962, табл. IV, 27]. Позже они появляются в Туве. Обращает на себя внимание, что эйлиг-хемские бляхи, также как и их западные аналоги, имеют как бы несколько укороченные пропорции. В этом отношении с ними сближаются некоторые подвесные шарнирные бляхи, найденные в Минусинской котловине — Хара-Хая [Кызласов, 1975, рис. 8, 5, 10] и в Туве — Кара-Тал VI (раск. Ю.И.Трифенова, 1970 г.). Впоследствии подвесные шарнирные бляхи приобретают более удлиненные пропорции, украшаются геометрическим орнаментом и становятся наиболее излюбленным видом сбруйных украшений у населения Южной Сибири в начале II тыс. н.э.

Остатков седел в эйлиг-хемских курганах не обнаружено. О том, что они были, позволяет судить только обломок пробоя от седельного кольца в кург. 2 (табл. XIX, 20). Факт отсутствия металлических оковок и кантов от седел весьма примечателен в хронологическом отношении — находки подобного рода становятся обычными в южносибирских курганах начиная с XI–XII вв.

3. Бытовые предметы

Бытовых предметов, относящихся к человеку, в эйлиг-хемских курганах найдено несравненно меньше, чем предметов вооружения или конского убранства, что наиболее ярко демонстрирует дружинный характер этих погребений.

Топор-тесла из кург. 3 (табл. XX, 23) представляет собой обычную находку в погребениях Южной Сибири от хуннского до монгольского времени. Несмотря на внешнее однообразие, топоры-тесла несколько отличаются друг от друга по размерам, пропорциям и внешнему оформлению. Эйлиг-хемский экземпляр, по классификации С.П.Нестерова, относится к типу топоров "с плечиками" [Нестеров, 1981, с. 170–171]. Ближайшие аналогии его в Туве — топоры-тесла из курганов IX–X вв. могильников Шанчиг [Кызласов, 1969, рис. 34, 1; 1978, рис. 8, 21] и Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 20, 2]. Судя по этнографическим параллелям (алтайское "керги"), орудие это было полифункциональным. Однако, пишет С.П.Нестеров, "не исключая универсального применения тесла, следует отметить, что в погребениях с конем (как и в трупосождениях. — Д.С., Г.Д.) оно встречается вместе с набором вооружения легковооруженного всадника и, вероятно, служило рубящим оружием ближнего боя" [Нестеров, 1981, с. 172]. Из того же кург. 3 происходит предмет, не имеющий себе аналогий, — склепанный из двух пластин металлический футляр (табл. XXIV, 22), возможно, служивший для хранения этого топора, что в принципе подтверждает точку зрения С.П.Нестерова.

Ножи (5 экз.) найдены в двух курганах (№ 1, 3). Все они черешковые однолезвийные с четко выраженными уступами (табл. XVIII, 32–34; XX, 24, 25). Такие ножи живут на протяжении всего I тыс. н.э., типология их не разработана, и хронологического значения находки эти пока не имеют.

Пинцеты (3 экз.) найдены в двух курганах (№ 3, 4). Два из них простые, в виде тонких пружинящих пластин (табл. XX, 20; XXI, 6), а один крупных размеров с расширенными концами и кольцом для подвешивания (табл. XX, 26). Простые пинцеты в составе сопроводительного инвентаря встречаются начиная с IX–X вв. — Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 24, 5]; Куй-Бар, кург. 104 [Кызласов, 1969, табл. III, № 50] и продолжают жить до монгольского времени — Каменка V, кург. 3 [Кызласов И., 1978, рис. 4, 3]. Пинцеты с расширенными концами пластин для Южной Сибири не характерны. В предшествующее время они встречаются в аварских древностях Подунавья [Хампель, 1, 1905, рис. 264, 266 и др.], в Поволжье [Генинг, Халиков, 1964, табл. X, 7] и в Приуралье [Генинг, 1962, табл. VIII, 10]. Таким образом, ареал их распространения как будто совпадает с подвесными сбруйными бляхами с шарнирным креплением.

Кресало найдено только в одном кургане — № 1 (табл. XVIII, 31) и точных аналогий не имеет.

Детали поясных наборов найдены во всех курганах могильника Эйлиг-Хем III. Это накладные орнаментированные бляхи — кург. 3 (табл. XX, 2–4); пряжки со щитком — кург. 2 (табл. XIX, 5, 6), кург. 4 (табл. XXI, 2); длинные наременные наконечники — кург. 1 (табл. XVIII, 26, 27), кург. 2 (табл. XIX, 16, 17), кург. 3 (табл. XX, 19); наременные обоймы — кург. 2 (табл. XIX, 8, 9), кург. 3 (табл. XX, 7).

Наиболее яркой находкой из поясных наборов является крупная позолоченная бляха, украшенная растительным орнаментом, с фестончатым краем и прорезью для ремешка из кург. 3 (табл. XX, 2). Поясные бляхи такой формы впервые появляются в памятниках катандинского типа, VII–VIII вв. — Кокэль, кург. 22 [Вайнштейн, 1966, табл. V, 6–8; VI, 12]. В окончательно сложившемся виде, но без орнаментации, они широко распространяются начиная с VIII–IX вв. и хорошо определяются находками в датированных слоях Пенджикента [Распопова, 1965, рис. 1, 7; 1980, рис. 63, 8, 10, 11]. Пояс с крупными позолоченными бляхами такой же формы, по характеру орнаментации очень близкий эйлиг-хемскому, был найден в погребении IX–X вв. на Горном Алтае — Узунтал I, кург. 2 [Савинов, 1982, рис. 6]. Обращает на себя внимание, что к концу I тыс. н.э.

поясные бляхи с фестончатым краем по сравнению с предыдущими не только богато декорируются, но и значительно увеличиваются в размерах. Типологически близкие бляхи найдены в погребениях IX–X вв. в Туве — Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 7, 1] и Хемчик-Бом II (раск. А.Д.Грача и Г.В.Длужневской). Самая крупная из них — эйлиг-хемская. Такие же крупные поясные бляхи с фестончатым краем существовали в X в. у киданей, о чем можно судить как по предметным находкам [Каогу, 1954, № 8, рис. 7], так и по скульптурам чиновников династии Восточное Ляо [Тори, 1936, табл. IV, рис. 323].

Из кург. 3 происходят также более мелкие поясные накладки, крыловидное оформление верхней части одной из которых (табл. XX, 3) близко напоминает находки из могильника Шанчиг [Кызласов, 1969, рис. 35, 3].

Длинные ременные наконечники от подвесных ремешков (табл. XVIII, 26, 27; XIX, 16, 17; XX, 19) наиболее характерны для поясов сrostкинской культуры IX–X вв., где аналогии их достаточно многочисленны. В свою очередь населением сrostкинской культуры они были восприняты от уйгуров. "Особенности сrostкинского пояса, — отмечает А.А.Гаврилова, — указывают на уйгурское влияние: пояса с украшенными подвесными ремешками с наконечниками изображены на росписях из Турфана, на уйгурах, обосновавшихся там в VIII–IX вв." [Гаврилова, 1965, с. 72].

Пряжки со щитками и наременные обоймы обычны для поясов древнетюркского времени. Ближайшая аналогия крупной бронзовой пряжке с орнаментированным щитком из кург. 4 (табл. XXI, 2) происходит из могильника Дагылганниг [Маннай-оол, 1968, табл. II, 2, 7]. Орнаментированные обоймы (табл. XX, 7) найдены в Кара-Тале (раск. Ю.И.Трифорова, 1970 г.) и в Малиновке, кург. 1 [Кызласов, 1969, рис. 43, 10].

Серебряный сосуд из кург. 2 сохранился не полностью, но форма его реконструируется совершенно определенно: низкий поддон, округлое тулово, уступчик на плечиках, отогнутый венчик (табл. XIX, 28). Сосуды этого типа найдены в погребениях конца I тыс. н.э. на Горном Алтае — Катанда, малый курган [Смирнов, 1909, табл. XII], Туэкта, кург. 3 [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. II, рис. 2], Юстыд [Кубарев, 1979, рис. 8]; в Туве — МТ-58-IV [Грач, 1960, рис. 88], Калбак-Шат [Маннай-оол, 1963, табл. II, рис. 12], Хемчик-Бом II — поддон (раск. А.Д.Грача и Г.В.Длужневской, 1971 г.); в Минусинской котловине — Уйбатский чаа-тас [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, рис. 28, № 15]. Из них кыргызскими могут считаться найденные в Калбак-Шат, Хемчик-Бом II и в Уйбатском чаа-тасе. Эйлиг-хемский сосуд, очевидно, завершает серию находок подобного рода в погребениях Южной Сибири.

4. "Приклад"

В эту группу предметов входят вещи, способ использования которых не совсем ясен, главным образом различного рода приспособления для крепления (или соединения) частей одежды (обуви) или деталей конской упряжи — пряжки, застежки, крюки и т. д.

Пряжки из эйлиг-хемских курганов все с подвижным язычком. Кроме явно поясных, о которых говорилось выше, они могут быть разделены на несколько типов.

1) Круглые пряжки с округлым сечением рамки (табл. XVIII, 1, 8). Живут без существенных изменений на протяжении всего I тыс. н.э.

2) Округлые пряжки с пластинчатой рамкой (табл. XVIII, 2–7; XX, 5, 6; XXI, 3). Появляются, по-видимому, в Туве в X в. — Шанчиг, кург. 20, 25 [Кызласов, 1978, рис. 11], продолжают жить в XI–XII вв. — Кокзель, кург. 17 [Вайнштейн, 1966, табл. XII, 1] и встречаются в одновременных памятниках Минусинской котловины — Означенное (раск. Ю.И.Трифорова, 1971 г.), Терен-Хол, кург. 3 [Худяков, 1982, рис. 82, 2], Хара-Хая, кург. 9 [Кызласов, 1975, рис. 10, 4].

3) Мелкие овальные пряжки с выступающим носиком на удлиненных щитках

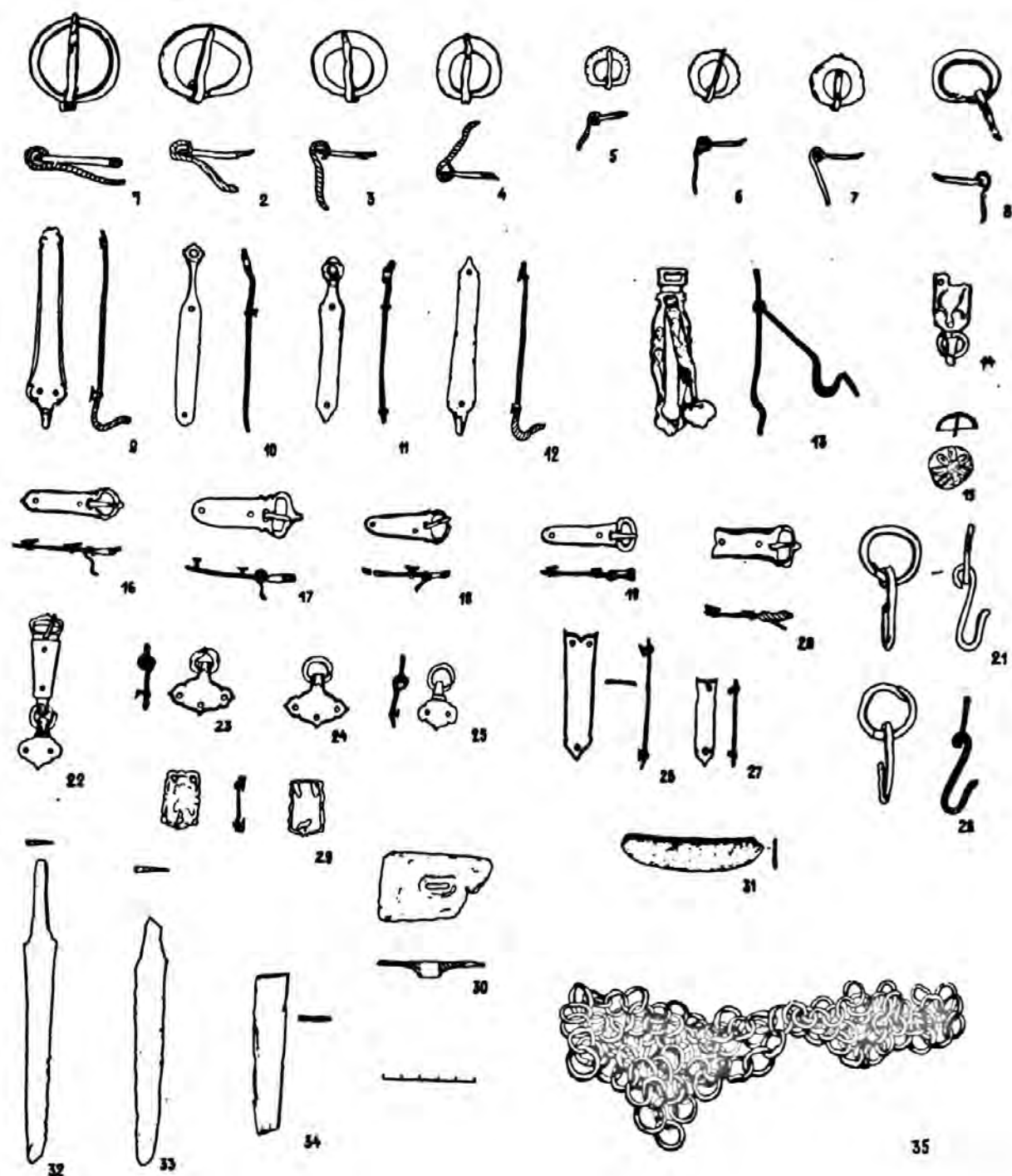

Таблица XVIII. Сопроводительный инвентарь из кургана I могильника Эйлиг-Хем III: 1-8 — пряжки круглые пластинчатые; 9, 12 — крюки на пластинах; 10, 11 — накладки; 13 — сложносоставной предмет — застежка; 14 — кольцо на орнаментированной пластине; 15 — бляха полусферическая орнаментированная; 21, 28 — крюки с подвижными кольцами; 16-20 — пряжки со щитками; 22 — сложносоставной предмет; 23-25 — фигурные щитки на кольцах; 26, 27 — наконечники наременные; 29 — бляха наременная; 32-34 — ножи; 30 — пластина с отверстием; 31 — кресало; 35 — фрагмент кольчуги. Все — железо.

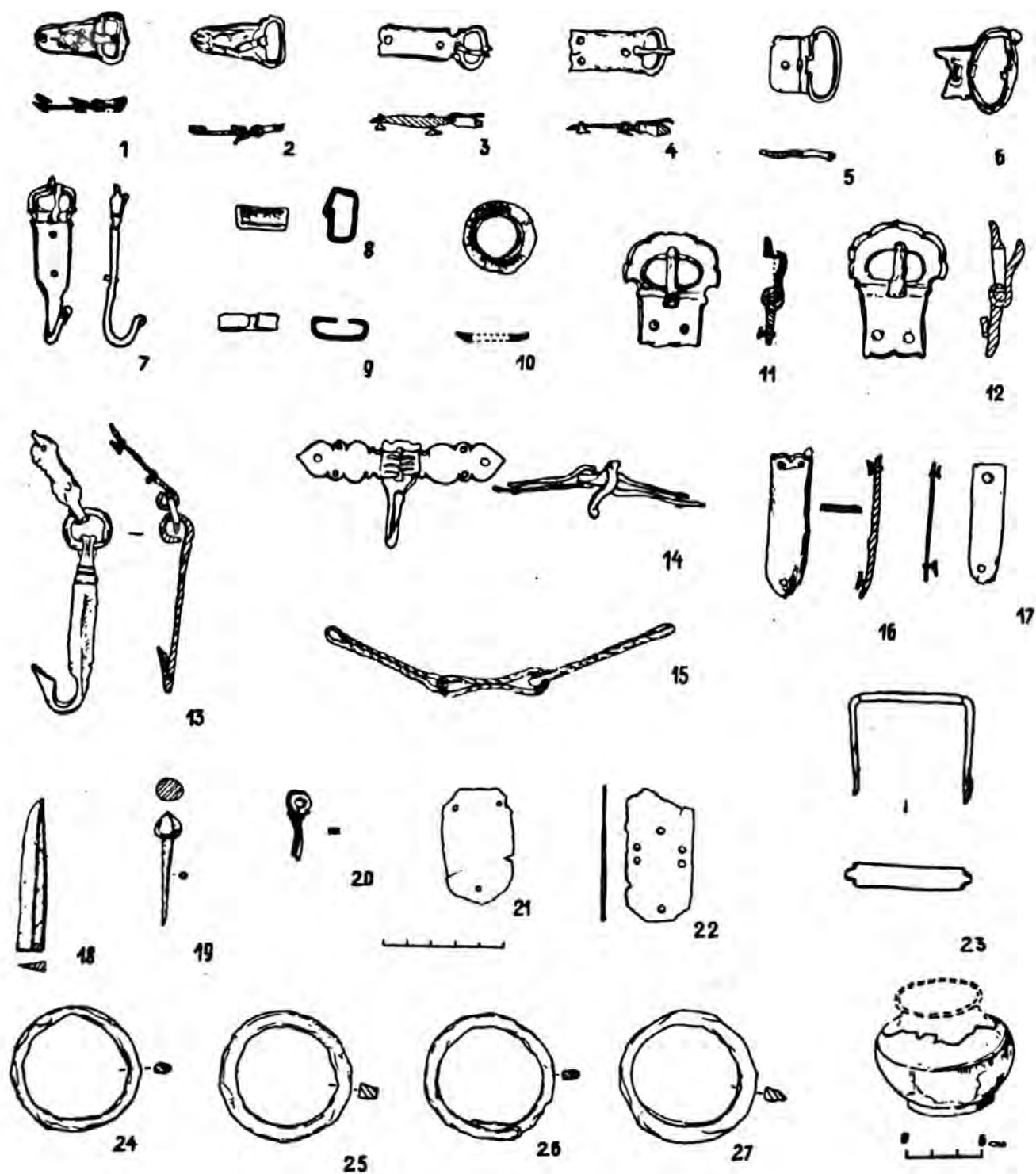

Таблица XIX. Сопроводительный инвентарь из кургана 2 могильника Эйлиг-Хем III: 1-6, 11, 12 — пряжки со щитками; 7 — крюк на пластине с пряжкой; 8, 9 — обоймы; 10 — кольцо; 14 — сложносоставной предмет; 15 — трехсоставные удила; 16, 17 — наконечники наременные; 18 — фрагмент копья; 19 — наконечник стрелы; 20 — фрагмент пробоя от седельного кольца; 21 — бляха-основа; 22 — панцирная пластина; 23 — скоба; 24-27 — кольца; 28 — серебряный сосуд. 13 — сложносоставной предмет из кургана 1 могильника Эйлиг-Хем III. 9 — бронза; 28 — серебро; остальное — железо.

округло-трапециевидной (табл. XVIII, 16–19; XIX, 1, 2) или прямоугольной (табл. XVIII, 20; XIX, 3, 4) формы. Явно продолжают традицию мелких кыргызских пряжек на коротких щитках, широко представленных в материалах IX–X вв. — Тюхтатский клад [Евтюхова, 1948, рис. 131], Шанчиг [Кызласов, 1969, рис. 35, 8; 1978, рис. 8, 3, 12, 13, 28, 29], Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 9, 4] и др. В то же время отдельные пряжки на удлиненных щитках встречаются в памятниках сросткинской культуры на Северном Алтае [Грязнов, 1956, табл. IV, 3; V, s19].

4) Крупные пряжки на прямоугольных щитках с пластинчатой рамкой с фестончатым краем (табл. XIX, 11, 12). В культуре енисейских кыргызов в конце I тыс. н.э. неизвестны. Наиболее близкие аналогии им — бронзовые пряжки с фигурно оформленным приемником — встречаются в памятниках сросткинской культуры на Северном Алтае — Большая Речка, БЕ VIII [Грязнов, 1956, табл. LIV, 1; LV, 18; LVI, 11; LVII, 15], Сростки (раск. М.Н.Комаровой, 1925 г.; ГЭ, кол. 4381, № 1) и в Кемеровской области [Кузнецова, 1930, табл. IV, 1, 7]. Одна очень близкая эйлиг-хемским пряжка имеется в собрании Минусинского музея (№ 8022).

Крюки также делятся на несколько типов.

1) Крюки с подвижными крупными кольцами (табл. XVIII, 21, 28) в IX–X вв. встречаются в памятниках сросткинской культуры на Северном Алтае — Сростки (раск. М.Н.Комаровой, 1925 г.; ГЭ, кол. 4381) и в Кемеровской области — Ур-Бедари (раск. М.Г.Елькина). В Туве в начале II тыс. н.э. они найдены в могильниках Алды-Бель I (раск. А.Д.Грача, 1966 г.), Аймырлыг II, гр. III, "клад" (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.), Малиновка, кург. 1 [Кызласов, 1969, рис. 43, 12]; в Минусинской котловине — Самохвал III, кург. 10 [Кызласов И., 1980, рис. 2, 7]. Некоторые крюки с подвижными кольцами употреблялись вместе с обоймами (табл. XX, 11–13). Точные аналогии им неизвестны. Самые поздние находки подобного рода относятся уже к монгольскому времени — Басандайка, кург. 1, погр. 3 [Басандайка, 1947, табл. 33, 78, 59, 83].

2) Крюки на пластинках (табл. XVIII, 9, 12; XX, 10). В некоторых случаях на верхнем конце пластины находится небольшая пряжка (табл. XIX, 7; XX, 9). Иногда крюк расположен в одной плоскости с пластиной (табл. XIX, 13; XX, 15). Крюки на пластинах, различным образом оформленные, встречаются не раньше начала II тыс. н.э. в Туве — Уюк-Тарлык, кург. 51 (раск. А.В.Адрианова, 1916 г.), Ортаа-Хем II, кург. 8 (раск. И.У.Самбу, 1967 г.), Малиновка, кург. 1 [Кызласов, 1969, рис. 43, 1] и в Минусинской котловине — Хара-Хая II, кург. 8 [Кызласов, 1975, рис. 8], Усть-Табат и Терен-Хол [Худяков, 1982, рис. 36, 86] и др. Значительное количество их представлено в сериях случайных находок из Минусинской котловины. Близких аналогий в кыргызских памятниках предшествующего времени эти предметы не имеют. Назначение их могло быть различным. Крюки на пластинах, расположенные перпендикулярно к ним, могли использоваться для крепления колчана и как детали двусоставных застежек. В пользу последнего предположения говорят находки их в сочетании с приемником, имеющиеся в коллекциях О.Б.Згерского-Струмилло (ГИМ, кол. 49439, № 65; Кызласов И., 1978, рис. 9, 3) и П.Е.Островского (МАЭ, кол. 252, № 119, 120). Использование двусоставных застежек, правда иначе оформленных, в IX–X вв. было характерно для сросткинской культуры. Крюки на пластинах расположенные в той же плоскости могли использоваться в качестве поножей [Савинов, 1979, с. 65, 66], как это показано на некоторых половецких каменных изваяниях [Плетнева, 1974, рис. 10, № 54–59].

3) Цельнокованные крюки с обоймами (табл. XIX, 14). В предшествующее время один такой крюк (без обойм) найден в Тора-Тал-Арты [Нечаева, 1966, рис. 4, 1]. Другие аналогии неизвестны.

Фигурные щитки на кольцах (табл. XVIII, 23–25). В конце I тыс. н.э. встречаются очень широко: в памятниках салтово-маяцкой культуры на Дону [Плетнева, 1967,

рис. 44], в Поволжье [Генинг, Халиков, 1964, табл. XVII, 13], Приуралье [Памятники ломоватовской культуры, 1970, табл. 40, 13–15, 21] и Прикамье [Генинг, 1962, табл. IV, 18]. Распространение их совпадает с распространением подвесных шарнирных блях и пинцетов с расширенными концами. В Туве самая ранняя находка подобного рода происходит из могильника Тора-Тал-Арты, причем, что особенно интересно, с шарнирным соединением частей [Нечаева, 1966, рис. 9, 1]. В дальнейшем фигурные щитки на кольцах встречаются в Туве — Малиновка, кург. 1 [Кызласов, 1969, рис. 44, 13] и в Минусинской котловине — Черная (раск. Г.П.Сосновского, 1929 г.; ГЭ, кол. 1548, № 18), Означенное (раск. Ю.И.Трифоновой, 1971 г.), Терен-Хол [Худяков, 1982, рис. 35, 16, 19], Самохвал II, кург. 11 [Кызласов И., 1980, рис. 12, 13, 17, 18]; на юге Красноярского края — р. Кан [Савельев, Свинин, 1978, рис. 6]. Все эти находки датируются XI–XII вв. Назначение фигурных щитков на кольцах неясно. В эйлиг-хемской серии в одном случае этот предмет соединен с крюком на пластине с пряжкой на другом конце (табл. XVIII, 22).

Накладки, длинные тонкие с отверстием на одном конце (табл. XVIII, 10, 11). Найдены также в Ортаа-Хем II, кург. 8 (раск. И.У.Самбу, 1967 г.) и в Алды-Беле I (раск. А.Д.Грача, 1966 г.). Другие аналогии неизвестны.

Из других находок из эйлиг-хемских курганов можно отметить своеобразную застежку в виде орнаментированной рамки и соединенной с ней пластины со шпеньком (табл. XVIII, 13), полусферическую пуговицу с розеткой на внешней стороне (табл. XVIII, 15), отдельные мелкие наременные накладки (табл. XVIII, 29), бляху-основу (табл. XIX, 21), массивную металлическую основу с продольной прорезью (табл. XVIII, 30), аргилитовую трубочку (табл. XXI, 5), железные кольца (табл. XIX, 10, 24–27); кольцо из бронзы (табл. XX, 1), прямоугольную скобу (табл. XIX, 23), кольцо на обломанной пластинке (табл. XVIII, 14), предмет неизвестного назначения в виде железного стержня с куском оплавленного серебра (табл. XX, 27). Датирующего значения все эти находки не имеют.

В заключение краткого обзора предметного комплекса из эйлиг-хемских курганов следует отметить, что многие вещи были украшены простым орнаментом в виде растительных побегов или виноградной лозы (табл. XVII, 1; XVIII, 13, 14; XIX, 1, 2; XX, 7–10, 13, 16, 17). Более сложный узор из переплетенных растительных побегов, распускающихся бутонов и трилистников на фоне обработанных пуансоном поверхностей украшает детали поясного набора из кург. 3 (табл. XX, 2–4). Таким же образом украшены внешняя поверхность перекрестия (гарды) сабли из кург. 2. На клинке сабли с обеих сторон выгравирован узор из "бегущих" пальметообразных листьев, представляющий прекрасный образец средневекового декоративно-прикладного искусства (табл. X, 1). Круглая полусферическая пуговица украшена семилепестковой розеткой (табл. XVIII, 15). Ближайшая аналогия ей как по форме, так и по орнаментации встречена среди восточноевропейских кочевнических древностей, X–XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 8, А IV]. Сбруйный набор из кург. 4 украшают антропоморфные изображения — сюжеты буддийского происхождения, о которых будет сказано ниже. Внешняя поверхность всех орнаментированных предметов была покрыта в прошлом золотым или серебряным листком, расплавившимся в огне погребального костра; от них остались капли расплавленного металла — корольки. Показательно, что во всем эйлиг-хемском комплексе ни разу не встречены мотивы геометрической орнаментации, получившие наиболее широкое распространение в XI–XII вв.; отсутствие их — так же как, например, отсутствие металлических оковок седел в погребениях, может служить хронологическим признаком.

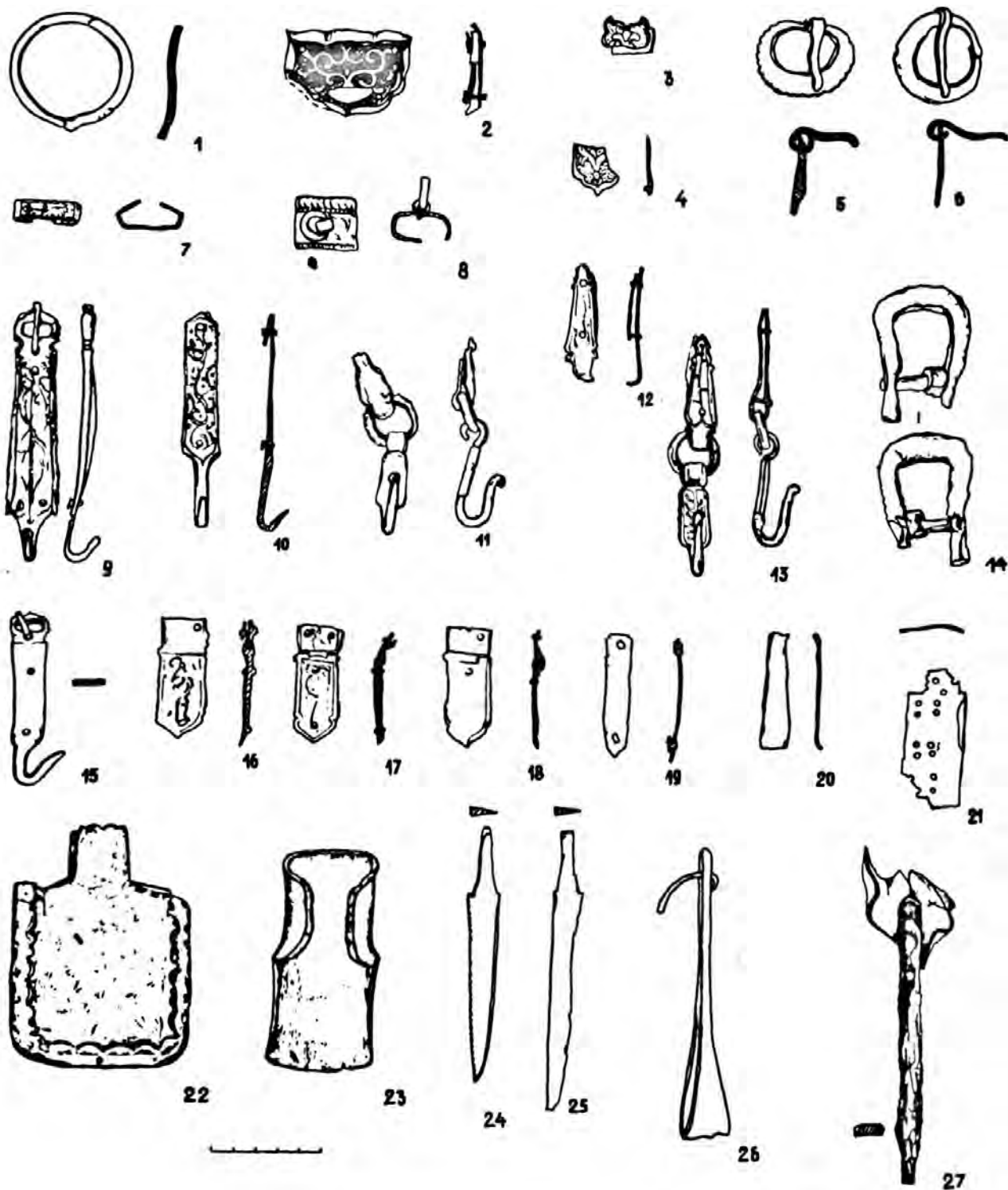

Таблица XX. Сопроводительный инвентарь из кургана 3 могильника Эйлиг-Хем III: 1 — кольцо; 2-4 — бляхи орнаментированные; 5, 6, 14 — пряжки круглые пластинчатые; 7, 8 — обоймы; 9, 15 — сложносоставные предметы — крюки на пластинках с пряжками; 10 — крюк на орнаментированной пластине; 11, 13 — крюки на подвижных кольцах с обоймами; 12 — фрагмент обоймы; 16-18 — подвесные бляхи с шарнирным креплением; 19 — наконечник наременный; 20 — фрагмент пинцета; 21 — панцирная пластина; 22 — "металлический футляр"; 23 — топор-тесло; 24, 25 — ножи; 26 — пинцет с кольцом; 27 — "штандарт". 1-4 — бронза; 5, 6, 11, 14, 15, 18-26 — железо; 7, 9, 10, 12, 13, 16, 17 — железо, серебро или золото; 27 — железо, серебро.

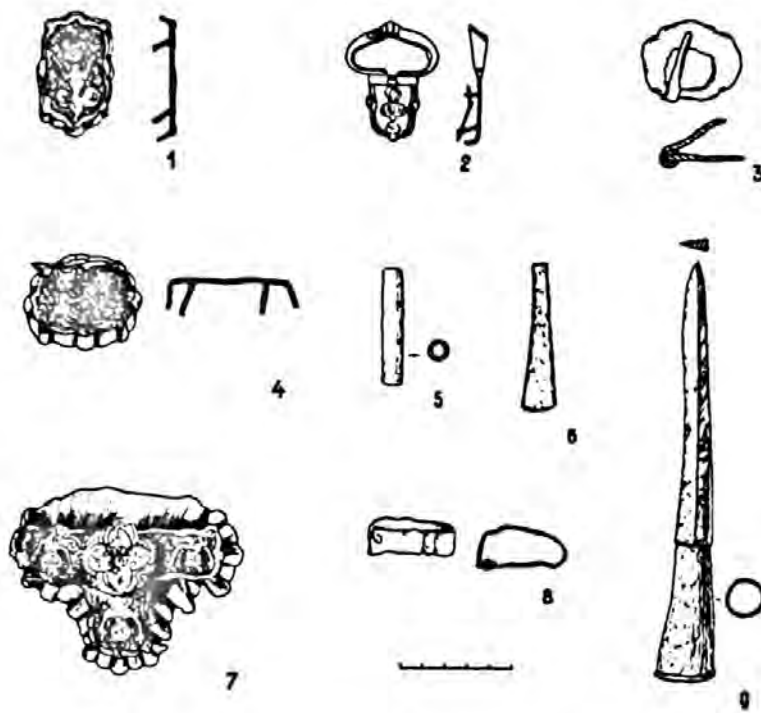

Таблица XXI. Сопроводительный инвентарь из кургана 4 могильника Эйлиг-Хем III: 1, 4 — орнаментированные бляхи сбруйного набора; 2 — пряжка на щитке; 3 — круглая пластинчатая пряжка; 5 — цилиндрическая трубочка; 6 — пинцет; 7 — "Т"-видный тройник; 8 — обойма от ножен; 9 — наконечник копья. 1, 2, 4, 7, 8 — бронза; 5 — аргилит; 3, 6, 9 — железо.

III. Историко-культурная интерпретация

Проведенный сравнительно-типологический анализ погребального обряда и предметов сопроводительного инвентаря курганов могильника Эйлиг-Хем III позволяет ответить на вопросы о времени сооружения данного памятника, месте его среди других памятников эпохи раннего средневековья в Туве, основных компонентах, участвующих в сложении эйлиг-хемского комплекса и в целом оценке его как источника по истории центральноазиатских племен на рубеже I и II тыс. н.э.

Время сооружения памятника определяется по: 1) наличию целого ряда элементов, связанных с культурой енисейских кыргызов IX–X вв. — витые удила с "8"-образным окончанием звеньев, "S"-видные псалии, стремяна с выделенной пластиной, фигурное оформление петель на псалиях и пластин на стремянах, прорезные подножки у стремян, трехперые наконечники стрел, детали сбруйных и поясных наборов, "Т"-видные тройники, серебряный сосудик в "тайнике", преимущественная система растительной орнаментации; 2) наличию ряда инноваций, характерных для культуры населения Южной Сибири XI–XII вв. и более позднего времени, — сабли, трехгранно-трехлопастные и плоские наконечники стрел, пластинчатые псалии, декоративное оформление концов псалий, удила "с упором", подвесные шарнирные бляхи, крюки на пластинах, пряжки с пластинчатой рамкой, различного рода пряжки и застежки на длинных щитках и в сложносоставных предметах; 3) отсутствию металлических оковок и кантов от седел и предметов с геометрической орнаментацией, наиболее характерных для культуры XI–XII вв.

По всем этим данным датировка эйлиг-хемских курганов может быть определена концом X — началом XI вв. Что касается приведенной выше последовательности их сооружения, исходя из планиграфии могильника (сначала кург. 2, затем кург. 3, 4 и кург. 1 позже, чем кург. 2), то на основании выделения кыргызского компонента, возможна и иная последовательность — от кург. 4 к кург. 1, то есть по мере роста цепочки с юга на север (табл. II).

Кыргызская основа культуры населения, оставившего могильник Эйлиг-Хем III, несомненна. Она выразилась как в особенностях погребально-поминального обряда, так и в предметных сериях сопроводительного инвентаря. С точки зрения погребально-поминального обряда это: 1) трупосожжение, служащее в настоящее время основным этническим показателем при определении памятников енисейских кыргызов; 2) нахождение остатков погребения на уровне древней поверхности (или в неглубоких ямках), расположение предметов сопроводительного инвентаря на широкой площади; 3) обычай создания "тайников" с наиболее ценными вещами, устойчиво повторяющийся в памятниках енисейских кыргызов в Туве и Минусинской котловине (Копенский и Уйбатский чаа-тасы; Шанчиг, кург. 19; Демир-Суг I; Аймырлыг II, гр. III; Черная; Самохвал II, кург. 1; Сарыг-Хая II, кург. 2 и др.); 4) сочетание погребальных и поминальных сооружений, характерное для предшествующего периода IX—X вв. (Хемчик-Бом II, Каат-Ховак I, Тора-Тал-Арты, Шанчиг и др.); 5) наличие стел в оградках с руническими надписями и тамговыми знаками, характерных также для кыргызских памятников IX—X вв.

С точки зрения предметного комплекса кыргызскими можно считать "S"-видные псалии, удила с "8"-образным окончанием звеньев, витые стержни удил, фигурные петли на псалиях, "сапожковое" и листовидное оформление концов псалий, трехперые наконечники стрел, наконечники стрел с пирамидально оформленной верхней частью, бронебойные наконечники, стремена с выделенной пластиной с фигурным оформлением верхнего края пластины, прорезные подножки у стремян, сабли, высокие сбруйные накладки, "Т"-видные тройники, пряжки с орнаментированными щитками, крупные поясные бляхи с фестончатым краем, серебряный сосуд, преобладание растительной орнаментации.

В то же время в предметном комплексе могильника Эйлиг-Хем III может быть выделен целый ряд инноваций, не имеющих себе аналогий в памятниках енисейских кыргызов предшествующего времени. Именно присутствие этих инноваций выделяет его среди материалов IX—X вв. и служит важным этнокультурным и хронологическим признаком. По своему происхождению они могут быть определены как сросткинские, западные, восточные и "неопределенные".

1) Сросткинские — стремена с невыделенной пластиной, удила с большими внешними кольцами, бронебойный наконечник на длинном веретенообразном стержне, крюки на подвижных кольцах, длинные наременные накладки, пряжки с удлинненными щитками, пряжки с фигурно оформленным приемником.

2) Западные — подвесные плоские бляхи с шарнирным соединением, пинцеты с расширенными концами, фигурные щитки на кольцах.

3) Восточные — вогнутые стороны рамки на подпружной пряжке (?), пулевидный наконечник стрелы, пятиугольная форма плоских наконечников стрел.

4) "Неопределенные" — декоративное оформление концов псалий, проволочные однокольчатые удила с одним внешним кольцом, удила "с упором", пластинчатые псалии, круглые пластинчатые пряжки, крюки на пластинах, крюки на пластинах с пряжками, крюки с обоймами, длинные накладки с отверстием, железные кольца, обоймы и т.д.

В целом компонентный состав предметного комплекса могильника Эйлиг-Хем III может быть представлен в виде следующей таблицы (табл. 2), из которой следует, что, несмотря на кыргызскую основу, в его сложении принимали участие и другие компоненты: в большей степени сросткинский и какой-то "неопределенный", в значительно меньшей степени представлены отдельные западные и восточные аналогии. Именно этот "неопределенный" компонент, вытеснив традиционную основу, становится господствующим в культуре енисейских кыргызов XI—XII вв. Этнокультурная специфика его пока не поддается определению.

Таблица 2. Компонентный состав эйлиг-хемского предметного комплекса.

кыргызские формы	инновации			
	сросткинские	западные	восточные	неопределенные
"S"-видные псалии, удила с "8"-образными окончаниями, витые удила, фигурные петли на псалиях, "сапожковое" и листовидное оформление концов псалий, трехперые и броневой наконечники стрел, стремена с выделенной пластиной, фигурное оформление пластины, прорезные подножки у стремян, сабли, высокие сбруйные накладки, "Т"-видные тройники, пряжки с орнаментированными щитками, поясные бляхи с фестончатым краем, серебряный сосуд, растительная орнаментация	стремена с невыделенной пластиной, удила с большими кольцами, крюки на кольцах, длинные ременные накладки, пряжки с фигурным приемником	бляхи с шарнирным креплением, пинцеты с расширенными концами, щитки на кольцах	пулевидный наконечник, пятиугольная форма плоских наконечников стрел	оформление концов псалий, удила "с упором", пластинчатые псалии, пластинчатые пряжки, крюки на пластинах, крюки на пластинах с пряжками, железные накладки, обоймы

Вопросы культурной и этнической принадлежности, место могильника Эйлиг-Хем III среди других памятников средневековой Тувы уже привлекали внимание исследователей.

Сразу же после раскопок А.Д.Грач определял Эйлиг-Хем III как "первоклассный древнекыргызский могильник" [Грач, 1966, с. 31]. Памятник фигурирует в числе "погребений кыргызских воинов" в Центральной Туве и в более поздней статье А.Д.Грача [Грач, 1969, с. 52–53]. Наиболее полная характеристика материалов этого могильника дана в статье 1971 г.: "Погребения древних кыргызов, раскопанные на могильнике Эйлиг-Хем III... дали многочисленный инвентарь, поражающий отличной сохранностью. На бронзовых бляхах зафиксированы буддийские сюжеты... Инвентарь имеет специфически кыргызские черты: характерные формы удил с "S"-видными псалиями, стремена с фигурными прорезами в подножиях, специфические по форме пряжки. Помимо чисто кыргызских по происхождению предметов обнаружены вещи привозные. Среди них выдающееся место занимает уникальная для Центральной Азии и Южной Сибири сабля работы искусных мастеров Арабского Востока — клинок дамасской стали с орнаментом и арабскими надписями на обеих сторонах. Вопрос об уточнении верхней хронологической границы кыргызских погребений сложен и нуждается в дополнительной разработке" [Грач, 1971, с. 102, 103].

В это же время в работах Л.Р.Кызласова были впервые выделены памятники XI–XII вв. в Туве [Кызласов, 1969, с. 110–112, табл. III, В], позднее получившие название памятников аскизской культуры [Кызласов, 1975]. При этом Л.Р.Кызласов отметил, что "в хакасских (кыргызских. — Д.С., Г.Д.) погребениях XI–XII вв. встречаются наборы предметов, сильно отличающиеся по материалу и форме от предметов раннего этапа, но связанные с ними в своем развитии" [Кызласов, 1969, с. 110].

В 1972 г. на основании материалов могильника Эйлиг-Хем III в Туве были выделены смешанные комплексы, "в которых прежние кыргызские формы IX–X вв. встречаются вместе с новыми XI–XII вв. в одних и тех же погребениях", причем "ни разу не наблюдалось появления каких-то промежуточных переходных форм". Время их

существования было определено рубежом X—XI вв. [Савинов, 1972, с. 260, табл. I, II]. В связи с этим было высказано предположение о существовании двух вариантов культуры XI—XII вв. — тувинском (более раннем, к которому относятся и памятники эйлиг-хемского типа) и минусинском, связанных между собой генетически [Савинов, 1974, с. 8, 9]. "В этническом отношении эта новая культура была, по-видимому, смешанной, состоящей из пришлых (монголоязычных?) и остатков местных тюркоязычных (телеских) и кыргызских племен" [Савинов, 1972, с. 263].

Позже И.Л.Кызласов выделил два этапа в развитии аскизской культуры — малиновский (конец X—начало XIII вв.) и каменский (XIII—XIV вв.) с разделением первого на три периода — эйлиг-хемский (конец X—начало XI вв.), оглахтинский (середина XI—начало XII вв.) и черновский (середина XII—начало XIII вв.). Таким образом, могильник Эйлиг-Хем III еще до публикации содержащихся в нем материалов получил эталонное значение при определении культуры рубежа I и II тыс. н.э. в Центральной Азии и Южной Сибири [Кызласов И., 1977]. Что касается конкретно памятников эйлиг-хемского периода, включающих, по данным И.Л.Кызласова, 16 погребений, то, по его мнению, "ранние курганы аскизской культуры расположены практически по всей территории древнехакасского (кыргызского. — Д.С., Г.Д.) государства, какой она сложилась к X в. (Алтай, Красноярско-Канский район, Хакасско-Минусинская котловина и Тува). Несомненно, что эта культура складывалась по всей территории, принадлежащей в то время древним хакасам" [Кызласов И., 1977, с. 16, 17]. Происхождение аскизской культуры, в первую очередь памятников эйлиг-хемского периода, связывается им только с тюхтятской культурой IX—X вв. [Кызласов И., 1979], хотя И.Л.Кызласов и допускает отдельные западные заимствования на каменском этапе ее развития [Кызласов И., 1977, с. 18, 19].

Говоря о значении рассматриваемого памятника в истории племен Центральной Азии и Южной Сибири, следует в первую очередь остановиться на вопросе терминологического определения культуры, к которой он относится. По Л.Р. и И.Л. Кызласовым — это аскизская культура; по Ю.С.Худякову — памятники "эпохи сууктэр" [Худяков, 1982, с. 114]. Однако, "учитывая близость археологических материалов, соотносимых с кыргызами, и непрерывную последовательность развития единства погребального обряда (трупосожжение), общих форм материального комплекса (конское убранство, предметы вооружения, орнамент и т.д.), а также свидетельства письменных источников об основных этапах политической истории этнической общности енисейских кыргызов, наиболее целесообразным представляется объединить археологические памятники VI—XII вв. на территории Тувы и Минусинской котловины под единым названием — "культура енисейских кыргызов" [Длужневская, 1982, с. 118].

С середины IX в. территория Тувы была заселена племенами енисейских кыргызов и в течение длительного времени входила в состав созданного ими каганата. В первую очередь ими были заняты районы на тувинских концах проходов через Саяны: южная оконечность Саянского каньона, Северная Тува (долина р. Хут) и правобережье Енисея. Изученные близ западных троп курганы тяготеют к концу периода "кыргызского великодержавия" и датируются, вероятно, X в. Перевалив через Западные Саяны, кыргызы, видимо, устремились на юг — через Танну-Ола в монгольские степи и на юго-запад — в район Монгун-Тайги. Раскопанные в Саглынской долине курганы с трупосожжениями А.Д.Грач относил к одной из "максимальных фаз экспансии кыргызов за Саяны" [Грач, 1980, с. 118]. Одновременно заселяется кыргызами Центральная Тува.

Вслед за отступающими уйгурами кыргызы занимают территорию Монголии, совершают походы в Джунгарию и Восточный Туркестан. Ставка кыргызского Ажо (кагана) была перенесена в Северо-Западную Монголию, южнее гор Ду-мань (Танну-Ола), "в 15 днях конной езды от прежнего хойхуского (уйгурского) стойбища" [Бичурин, 1950, с. 356]. В 841—842 гг. ими были захвачены крупные города Восточного

Туркестана — Бешбалык и Куча, в 843 г. — Аньси и Бэйтин [Кызласов, 1969, с. 94–95]. Ярким свидетельством вторжения кыргызов в оазисы Восточного Туркестана является "легендарная сцена" из Кум-Тура с изображением нападения кыргызских воинов в пластинчатых панцирях на "горожанина в его собственном доме", скорее всего уйгура [Худяков, 1979]. В 847–848 гг. экспансия енисейских кыргызов была направлена в сторону Забайкалья, на восток, против племен шивэй, у которых укрылись остатки разгромленных уйгуров. В результате этих событий енисейские кыргызы занимают территории Тувы и Монголии, отдельные их группы проникают на востоке вплоть до верховьев Амура, на западе — до восточных отрогов Тянь-Шаня [Савинов, 1973 а]. Родина енисейских кыргызов — Минусинская котловина становится самой северной окраиной этого обширного государства.

Число исследованных в Туве курганов енисейских кыргызов IX–XII вв. постоянно увеличивается [Длужневская, 1979, 1982 а]. В 55 могильниках обнаружено 450 каменных сооружений различного характера: погребальные, погребально-поминальные, поминальные, меморативные; ритуально-поминальные выкладки и курганы-кенотафы. Количественное преобладание памятников енисейских кыргызов на территории Тувы по сравнению с сопредельными областями (Монголия, Горный Алтай и даже собственно Минусинская котловина) очевидно. Это касается не только курганов, но и памятников рунической письменности [Васильев, 1983, с. 21–43], основная часть которых обычно группируется в центрах локальных регионов, близ важнейших в каждой местности водных артерий, свидетельствуя об активной социально-экономической и культурной деятельности оставившего их населения [Васильев, 1979, с. 230].

На первое место по концентрации памятников рунической письменности выдвигается район Центральной Тувы и прилегающей к нему части Саянского каньона, где обнаружены и исследованы своеобразные могильники енисейских кыргызов IX–X вв. (Хемчик-Бом II, Аймырлыг II, гр. III, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II, Каат-Ховак I и II), отличающиеся особой планиграфией, присутствием в их составе разнохарактерных сооружений, как бы "пристроенных" друг к другу, и т.д. Эти же черты присущи могильнику Эйлиг-Хем III. На стелах в низовьях р. Чаа-Холь, в Саянском каньоне и на правом берегу Енисея нанесены однотипные тамги, что дает возможность говорить об этнической общности оставившего их населения. Такие же тамги зафиксированы на стелах могильника Эйлиг-Хем III (табл. I). Таким образом, еще раз подтверждается местная кыргызская основа эйлиг-хемского комплекса.

Меньшее, но достаточно плотное скопление стел наблюдается в долине р. Элегест. Открытые здесь курганы (мог. Шанчиг, Чинге, Ир-Холь) представляют по несколько захоронений, поминальных ямок и ям-"тайников" под одним наземным сооружением, возводившимся единовременно, сразу же после завершения последнего сожжения, наиболее позднего для данного комплекса.

В Северной Туве найдены стелы с текстами рунической письменности и ряд разновременных курганов енисейских кыргызов. Относительная замкнутость и периферийность этого района свидетельствуют о сложности историко-культурных процессов, происходивших здесь на протяжении IX–XII вв. Можно предположить по крайней мере три волны перемещения населения в этом районе: 1) частичное отступление местных племен, занимавших Уюкскую и Бий-Хемскую долины до середины IX в. под натиском пришедших из-за Саян кыргызов; 2) освоение Северной Тувы и правобережья Енисея кыргызами в IX–X вв.; 3) отступление сюда во второй половине X в. группы кыргызов, занимавших ранее низовья долины р. Чаа-Холь. Последнее прослеживается и по перемещению тамг VI типа [Кызласов, 1960, с. 91–120].

В Западной, Юго-Западной и Южной Туве насчитывается незначительное число памятников енисейских кыргызов, как погребально-поминальных, так и рунической письменности. Обнаруженные здесь стелы маловыразительны (короткие тексты,

отсутствие тамговых знаков).

Таким образом, характер освоения кыргызами территории Тувы был различным для разных районов. Одни являлись постоянным местом обитания групп кыргызского населения, поселившихся в Туве; другие служили "торной дорогой" при перемещении кыргызского населения; заселенность третьих зависела от конкретных ситуаций, складывавшихся в Туве и на сопредельных с ней территориях Монголии и Горного Алтая. Концентрация курганных могильников середины IX–X вв. в сочетании с памятниками рунической письменности позволяет говорить об Улуг-Хемской котловине в целом как о центре расселения енисейских кыргызов в это время [Длужневская, 1983, с. 41–45].

Приведенные выше данные не позволяют согласиться с мнением И.Л.Кызласова о том, что формирование культуры эйлиг-хемского периода происходило на широкой территории, включавшей (помимо Тувы) районы Алтая, юга Красноярского края и Хакасии, — на всех этих территориях находки предметов эйлиг-хемского типа единичны, в то время как в Центральной и Северной Туве они представлены целыми могильниками, включающими десятки погребений. Это — Уюк-Тарлык, кург. 51 (раск. А.В.Адрианова, 1916 г.), Дагылганныг (раск. М.Х.Маннай-оола, 1967 г.; Маннай-оол, 1968), Аймырлыг II, гр. III (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.), Алдыы-Бель I (раск. А.Д.Грача, 1966 г.), Кара-Тал VI (раск. Ю.И. Трифонова, 1970 г.). Близки к ним по времени, хотя и занимают несколько обособленное положение, кург. 12, 14, 23 мог. Шанчиг, время сооружения которых Л.Р. Кызласов определяет серединой X в. [Кызласов, 1978, с. 45]. Из названных, по-видимому, самым поздним является Уюк-Тарлык, кург. 51; самым ранним — кург. 12 мог. Шанчиг. Наиболее яркий и представительный памятник в этом ряду — могильник Эйлиг-Хем III. Все вместе они образуют определенный культурный пласт или комплекс в раннесредневековой истории Тувы, который сложился на основе памятников предшествующего времени IX–X вв. (типа Тора-Тал-Арты, Хемчик-Бом II, Сарыг-Хая, Шанчиг, кург. 18, 19 и др.) и продолжает жить в XI–XII вв. (Малиновка, кург. I; Демир-Суг I; Кокэль, кург. 17; Улуг-Бюк I и другие).

Сложный характер эйлиг-хемского комплекса в целом соответствует тому облику, который должна была приобрести культура енисейских кыргызов к концу X в. В результате широкой экспансии кыргызы столкнулись не только с различными группами населения, но и с разными культурными традициями, отдельные элементы которых были восприняты ими и нашли свое отражение в материалах могильника Эйлиг-Хем III. Только таким образом можно объяснить появление в эйлиг-хемских материалах сросткинского и западного компонентов, связанных с проникновением кыргызов на запад и столкновениями их с кимако-кыпчаками и другими племенами юга Западной Сибири и Восточного Казахстана; восточного компонента, появившегося после походов кыргызов против племен шивэй в Забайкалье и пока неясного — "неопределенного". Не исключено, что ряд инноваций был воспринят енисейскими кыргызами в результате непосредственных контактов их с уйгурами и киданями. Отражением процессов аккультурации являются также находки в эйлиг-хемских курганах сабли из дамасской стали с арабскими надписями (кург. 2) и сбруйных украшений с антропоморфными изображениями (кург. 4).

На последних следует остановиться особо. Они представляют собой фигуры фантастических персонажей, в некоторых случаях соединенных между собой, рогатых или в коронах, как бы вырастающих из растительных побегов в позе адорации и, по мнению специалистов, связанных с сюжетами буддийской иконографии (табл. XXI, 1, 4, 7). Аналогичные антропоморфные изображения в коронах имеются на лировидной подвеске IX–X вв., найденной Ю.Д.Талько-Грынцевичем в одном из погребений Хойцегорского могильника в Западном Забайкалье [Талько-Грынцевич, 1902, рис. 60, 61]. О проникновении восточных религий в среду енисейских кыргызов свидетельству-

ют также находки тибетских защитительных надписей на бересте в одном из Саглыных курганов [Грач, 1980; Воробьева-Десятовская, 1980]. На зеркале из Восточного Казахстана знаками рунического алфавита была нанесена сентенция буддийского содержания, в связи с чем исследователи отмечают, что "буддийские мотивы появляются в кыргызских эпитафиях на енисейских стелах. находка в Прииртышье свидетельствует, что кимаки не избежали влияния буддийской миссии" [Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 315]. Все это вместе свидетельствует об определенном синкретизме в области не только материальной, но и духовной культуры енисейских кыргызов.

Очевидно, культура "эйлигхемского периода" сложилась не на широкой территории предполагаемого "древнехакасского государства", а на территории Тувы и специально — Центральной и Северной Тувы, где постепенно, в процессе сужения государственных границ, сконцентрировались все элементы кыргызского культурного комплекса, как традиционные, так и приобретенные в результате военных походов во второй половине IX в.

С конца X в. большая часть кыргызов возвращается на Средний Енисей. Причины этого могли быть различными: политические — столкновения с киданями [Бартольд, 1968, с. 103; Потапов, 1953, с. 99; Батманов, Грач, 1968, с. 122]; экономические — невозможность поддержания традиционного земледельческого хозяйства [Гумилев, 1970, с. 66; Савинов, 1978]; демографические — истощение людских ресурсов [Худяков, 1980, с. 162].

К этому времени в Туве складывается следующая картина расселения, определяемая по отношению количества памятников сер. IX–X и XI–XII вв. Оно резко сокращается с 406 известных погребально-поминальных сооружений для середины IX–конца X вв. (примерно 150 лет) до 44 для конца X–XII вв. (более 200 лет), из которых 28 погребальных, 10 поминальных, 5 ритуально-поминальных выкладок и 1 курган-кено-таф. Памятники, датируемые "эйлигхемским периодом" занимают в Туве правобережье Енисея (Эйлиг-Хем III, Алдыы-Бель I, Чинге II и др.) и Северную Туву (Уюк-Тарлык). Отдельные комплексы изучены в низовьях рек Чаа-Холь (Аймырлыг II, гр. III; Кара-Тал VI) и Каа-Хем (Дагылганныг), долине р. Элегест (Шанчиг). Интересно, что этим же временем в Минусинской котловине датируется всего один курган (Оглахты II, кург. 13) [Кызласов И., 1977]. Позднее (середина XI–начало XII вв.) в Туве продолжают сооружаться кыргызские курганы с трупосожжением, но к этому времени можно отнести уже только 6 комплексов, локализующихся там же — на правобережье Енисея, в Северной Туве, неподалеку от устья р. Элегест и в Западной Туве (в долине р. Хемчик). Это — упоминавшиеся Демир-Суг I, Малиновка, Салдам (раск. А.В.Адрианова, 1915 г.), Бай-Даг (раск. С.А.Теплоухова, 1926 г.), Кокэль и Улуг-Бюк I. По мнению И.Л.Кызласова, в Минусинской котловине для этого времени насчитывается 33 кургана [Кызласов И., 1977]. Наконец, концом XII в. можно датировать только курганы мог. Дыттыг-Чарык-Аксы III (раск. Ю.И.Трифорова, 1974 г.) и Ортаа-Хем II (раск. И.У.Самбу, 1968 г.), расположенные в низовьях р. Хемчик и на правом берегу Енисея у начала Саянского каньона. Судя по такому количественному распределению памятников, кыргызский культурный комплекс конца X–XII вв. складывается на территории Тувы и, как отмечалось выше, конкретно Центральной и Северной.

Перемещения населения в самом конце X в. можно представить таким образом: кыргызские группировки по указанным выше причинам оставляют плодородные земли левобережья Центральной Тувы и перекочевывают на правый берег, создавая естественную преграду в виде р. Енисей. Какая-то часть их отступает в Западную Туву, ближе к Саянским тропам. Вероятно, именно сюда отправились обитатели низовьев р. Чаа-Холь, хоронившие ранее на мог. Аймырлыг II, в материалах которого и мог. Тора-Тал-Арты ощущаются определенные связи. Примерно в это же время какая-то группа кыргызов продвигается по правому берегу, вероятнее всего по ущельям рек Эйлиг-Хем и

Демир-Суг, через Уюкский хребет в Турано-Уюкскую котловину. Не исключено, что это были два немногочисленных по составу потока, двигавшихся как бы параллельно по обоим берегам Енисея: один — на север по правому берегу, второй — по левому, к слиянию рек Бий-Хема и Каа-Хема. Судя по исследованным на настоящий момент памятникам как погребально-поминальной обрядности, так и тюркской рунической письменности, соединившись или каждый своими путями, они также отступают на правый берег Енисея и в Северную Туву. Несомненно, какая-то часть кыргызов продолжала оставаться в Туве и после массового отступления, происшедшего во второй половине X—начале XI вв.

Таким образом, в конце X в. происходит разделение кыргызского этноса — основная масса енисейских кыргызов возвращается в Минусинскую котловину, а какая-то их часть остается в Туве [Нечаева, 1966, с. 142; Сердобов, 1971, с. 98–111]. Складывается два варианта культуры енисейских кыргызов — тувинский и минусинский. Критикуя это положение, И.Л.Кызласов писал, что разница между ними хронологическая: "минусинский вариант" не тождествен тувинскому, так как первый представляет предметы XIII–XIV вв., действительно отличающиеся от инвентаря XI–XII вв., рассматриваемого в так называемом "тувинском варианте" [Кызласов И., 1978, с. 124]. На самом деле разделение на тувинский и минусинский варианты началось значительно раньше, не позднее XI в., что не исключает их хронологической последовательности: тувинский раньше, минусинский, отраженный от тувинского, позже.

Переселение кыргызов на Средний Енисей, очевидно, происходило двумя волнами. Первая волна связана с продвижением "эйлигхемцев" на север Минусинской котловины. Очевидно, этим объясняется преимущественное распространение предметов эйлиг-хемского типа в северных районах Хакасии и на юге Красноярского края. Среди исследованных здесь памятников наибольший интерес представляет погребение с трупосожжением на р. Кан, по предметам сопроводительного инвентаря (стремя с невыделенной пластиной, наконечники стрел кыргызского типа с пирамидально оформленной верхней частью, бронебойные наконечники, круглые пластинчатые пряжки, фигурный щиток с кольцом и др.) очень близкое эйлиг-хемским [Савельев, Свинин, 1978, рис. 3–7]. Факт первоначального продвижения кыргызов на север Минусинской котловины подтверждается сведениями Гардизи, автора первой половины XI в.

Вторая (основная) волна переселения охватила всю Минусинскую котловину и привела к сложению "минусинского варианта" культуры енисейских кыргызов XI–XII вв., представленного такими памятниками, как Кизек-Тигей, Хара-Хая, Све-тах, Оглахты, Черная, Самохвал и др. По данным Ю.С.Худякова, "в XI–XII вв. долина р. Табат испытала приток части кыргызского населения, хлынувшего под давлением монголоязычных племен из-за Саяна" [Худяков, 1982, с. 207]. В памятниках XI–XII вв. в Минусинской котловине иногда сохраняются reminiscences предшествующей кыргызской культуры. Так, например, высокие сбруйные накладки с растительным орнаментом были найдены в одном из курганов могильника Самохвал II, но в целом она приобретает совершенно иной этнографический облик и в таком виде существует вплоть до монгольского времени (Каменка V, кург. 3).

Оставшаяся в Туве часть кыргызского населения на основе памятников эйлиг-хемского типа создает "тувинский вариант" культуры енисейских кыргызов XI–XII вв., представленный такими памятниками, как Малиновка, кург. 1; Демир-Суг I, кург. 1; Ортаа-Хем II, кург. 8; Кокэль, кург. 17; Улуг-Бюк I, кург. 1, и др. Несмотря на общее сходство с материалами "минусинского варианта", между ними прослеживаются и некоторые отличия. Так, для "тувинского варианта" наиболее характерны крупные пряжки с фигурным приемником, подвесные шарнирные бляхи укороченных пропорций, различного рода сложносоставные предметы, украшенные преимущественно растительным орнаментом, а также круглые пластинчатые пряжки, круглые распределители

Карта размещения курганов и могильников IX-XII вв. енисейских кыргызов в Туве:

IX-X вв. — 1 — Хадынныг I; 2 — Йур-Сайыр; 3 — Сарыз-Хая, Сарыз-Хая II; 4 — Хемчик-Бом II; 5 — Перевалка II; 6 — Сары-гол; 7 — Аймырлыг II; 8 — Усть-Хадынныг III; 9 — Тора-Тал-Арты; 10 — р. Биче-Шуй — БТ-59-4; 10 а — р. Каргы; 10 б — Мугур-Аксы II; 11 — Саглы-Бажи I; 12 — Кюзленги II; 13 — Улуг-Хорум (впускное погребение 2); 14 — у оз. Амдайгы; 15 — Кезек-Хурээ; 16 — Каат-Хавак I, II; 17 — Сенек IV; 18 — Могай II; 19 — Шанчиг, Чинге; 19 а — Элегест; 20 — Ир-Холь; 21 — Малиновка; 22 — Уш-Кожээ; 23 — Хербис-Баары; 24 — у г. Турана; 25 — Ак-Хавак; 26 — р. Хут; 27 — Кок-Тей; 28 — Калбак-Шат; 29 — Салдам (раскопки Т.Ч.Норбу); 29 а — Салдам (раскопки А.В.Адрианова); 30 — устье р. Уюк; 31 — Кок-Тей I; 32 — Дагылганныг; 33 — Кускуннуг; 34 — Саргал-Аксы; 35 — Большой Ажык; 36 — Хадын-Бажи; 37 — Кезек-Дыт; 38 — Оорзак-Аксы; 39 — Чазы; 40 — Бай-Булу; 41 — р. Тапса; 42 — Уюк-Тарлык; 43 — Мунгаш-Чирик (р. Бегре); 44 — Дыттыг-Чарык-Аксы II; 45 — Чер-Чарык; 46 — Куй-Бар; 47 — р. Туран; 48 — Булук; 49 — Красноярровка; 50 — Танам; 51 — Пий-Хем; 52 — Сарыз-Булу; 53 — Морен; 54 — Чайлыг-Ховак; 55 — Хорум.

XI-XII вв. — 1 — Улуг-Бюк I; 2 — Дыттыг-Чарык-Аксы III; 3 — Чинге II; 4 — Ортаа-Хем II; 5 — Кара-Тал VI; 6 — Алдыы-Бель I; 7 — Эйлиг-Хем III; 8 — Новый Эйлиг-Хем; 9 — Демир-Суг I; 10 — Бай-Даг; 11 — Кокэль; 12 — Малиновка; 13 — Уюк-Тарлык; 14 — Шанчиг; 15 — Салдам; 16 — Бай-Булу; 17 — Мунгаш-Чирик; 18 — Ангар-Хову.

ремней, седельные кольца с фигурными прокладками, фигурные щитки на кольцах, крюки на пластинах, крюки на подвижных кольцах. Для "минусинского варианта" — крюки на пластинах, пластинчатые псалии, начельники на пластинах, украшенные преимущественно геометрическим орнаментом, а также железные вилочки, ножи с рогообразным навершием, крюки с зооморфным навершием, круглые пластинчатые псалии, стремена с отверстием в дужке, седельные кольца с "S"-видными прокладками и ажурным краем. Верхняя хронологическая граница существования "тувинского варианта" пока не может быть точно определена. Возможно, это связано с тем, что население Тувы, самого северного форпоста Центральной Азии, раньше других столкнулось с экспансией новых монголоязычных племен и впоследствии монгольского государства.

Приведенные выше материалы позволяют наметить следующую последовательность развития этапов культуры енисейских кыргызов на территории Тувы и Минусинской котловины в IX-XIII вв.: IX-X вв. — шанчигский (названный по наиболее представительному памятнику в Туве) и уйбатский (по наиболее яркому памятнику в Минусинской котловине); конец X-начало XI вв. — в Туве памятники эйлиг-хемского этапа (по могильнику Эйлиг-Хем III); XI-XII вв. — малиновский (по названию памятника в Туве) и черновский (по названию памятника в Минусинской котловине); XII-XIII вв. — каменский (по названию могильника Каменка V в Минусинской котловине). Названия "эйлиг-хемский", "малиновский", "черновский" и "каменский" (но в другом значении) заимствованы из работ И.Л.Кызласова. Выделение этапов культуры енисейских кыргызов имеет значение не только для хронологического определения того или иного памятника, но и показывает динамику развития ее от IX-X вв. (период широкого расселения кыргызов) к концу X-началу XI вв. (концентрация кыргызского этноса в Центральной и Северной Туве); затем к XI-XII вв. (переселение кыргызов на Средний Енисей и образование двух вариантов культуры енисейских кыргызов — "тувинского" и "минусинского") и, наконец, к XII-XIII вв. — преобладание памятников енисейских кыргызов на территории Минусинской котловины, где они продолжали жить на протяжении всех последующих поколений.

Таблица 3. Этапы развития культуры енисейских кыргызов в Туве и Минусинской котловине (IX-XIII вв.)

вв.	Тува	Минусинская котловина
XII - XIII		каменский
XI - XII	малиновский	черновский
конец X - начало XI	эйлиг-хемский	
IX - X	шанчигский	уйбатский

Глава III.

Орнамент металлических изделий и хронология памятников енисейских кыргызов в Туве

Различные вопросы истории и культуры енисейских кыргызов, как-то: вооружение, военное дело, древности, декор и технические приемы орнаментации металлических изделий, а также взаимоотношения с окружающими народами – неоднократно становились объектом специальных изысканий [Вайнштейн, 1974, с. 59–80; Кызласов, 1969; Кызласов, 1981 а, с. 54–59; Худяков, 1980 а, с. 193–205; Худяков, 1980 б; Король, 1981; Кызласов И., 1983; Кызласов, 1984; Длужневская, 1985; 1986; 1987; 1989; 1994; 1995]. Исследования при этом неизбежно опираются на одни и те же материалы, включающие памятники Саяно-Алтая, Минусинской котловины, Восточного Казахстана, реке – евразийских степей [Кызласов И., 1983; Савинов, 1984 а, с. 115–122].

Принятые датировки памятников культуры енисейских кыргызов отталкиваются от данных письменных источников, в которых 840 г. назван годом завершения длительной войны кыргызов с уйгурами и массового продвижения кыргызов в южном направлении. Исходя из этого особое значение приобретает датировка памятников, располагающихся на территории Тувы – первой страны на пути военных отрядов, двинувшихся со Среднего Енисея. Однако и в Туве, и в сопредельных с ней районах крайне мало комплексов, в которые входят датированные изделия (зеркала, монеты, металлические сосуды), отсутствуют и стратифицированные памятники типа многослойных поселений. Традиционно считается, что погребения останков человека по обряду трупосожжения на стороне, принадлежащие енисейским кыргызам, появились в Туве не ранее середины IX в., что и определяет нижнюю хронологическую границу подобных комплексов. Не исключено, однако, что погребально-поминальные сооружения на правом берегу Енисея возводились и на протяжении второй четверти IX в., в период позиционной войны, когда кыргызы заняли данную территорию, пройдя через Саяны восточными проходами.

Таким образом, задача датировки погребально-поминальных памятников кыргызов сводилась к двум вопросам: поиск опорных, надежно датированных комплексов и их корреляция по ряду признаков.

Изделия общетюркского облика, т.е. изделия характерных форм с декором определенного стиля (некоторые варианты пряжек и накладных блях), имеют прямые аналогии среди находок из Пенджикента, датируемых временем до середины–третьей четверти VIII в. [Распопова, 1980, с. 61–64]. Аналогии с согдийскими древностями позволяют в ряде случаев зафиксировать время зарождения типа вещи и бытование его вплоть до третьей четверти VIII в., но эти типы вещей продолжают существовать и позднее, в IX–X вв. (например, могильники Над Поляной [Гаврилова, 1968, с. 24–30] и Узунтал [Савинов, 1982, с. 102–122]). Большинство изделий, имеющих аналогии в Согде, обнаружено в так называемых "погребениях с конем"; наременные гарнитуры в основном лишены декора, а если он имеется, то представляет вариации изображения виноградной лозы.

Поиск надежно датированных аналогов изделиям тюхтятского облика привел к материалам из купольных гробниц представителей киданьской знати — юго-восточных соседей кыргызов. На сходство отдельных изделий из комплексов культур кыргызов и киданей периода Восточного Ляо (916–1125 гг.) ранее обращали внимание С.И.Вайнштейн и Д.Г.Савинов [Вайнштейн, 1966, с. 292–347; Савинов, 1984, с. 89–103; Савинов, 1994].

Сравнение ряда изделий позволило установить, что крайние даты выявленных аналогий укладываются в рамки 959–1046 гг., округленно 950–1050 гг. При построении хронологической шкалы комплексов енисейских кыргызов даты выявленных аналогий дали средние точки бытования вещей. Условно предполагаемая минимальная "жизнь" вещи по отношению к дате аналога ± 25 лет, что примерно соответствует "жизни" вещи у одного поколения людей. Следовательно, дата наиболее ранних аналогий (959 г.) лежит в пределах 925–975 гг. Комплексы, включающие изделия, аналогии которым найдены в киданьской гробнице 1002 г., имеют пределы 975–1025 гг. Более поздние аналогии относятся к 1026 и 1046 г. [Вэнь У, 1980, 12, с. 21–22; Каогу сюэбао, 1954, 8, с. 180, 196]. Наконец, хронологические рамки, определяемые нами для поздних комплексов — 1000–1050 гг., происходят из усредненной даты 1025 ± 25 лет. Важнейшим критерием при определении хронологических границ комплексов явилось их сопряжение с другими (по типам вещей, элементам обрядности, декору и абрису отдельных предметов). На табл. XXII–XXIV бытование комплексов, исходящее из датированных аналогий, показано сплошной утолщенной линией, которая включает, естественно, и минимальное бытование рассматриваемого элемента декора. Сопряжение кыргызских комплексов по тем или иным признакам показано пунктирной утолщенной линией.

В настоящее время в Туве исследовано более 450 погребально-поминальных комплексов IX–XII вв. Достаточно устойчивая корреляция типов вещей из 162 комплексов позволяет уменьшить хронологические ошибки [Длужневская, 1985, с. 9–11; 1994, с. 21–43].

Среди орнаментированных металлических изделий предметы разных категорий и типов: пряжки, бляхи с прорезями и без прорезей, наконечники, бляхи-решмы, "Т"-образные соединители ремней, пластины на сумочки-каптаргаки. Именно элементы декора, а не типы изделий, использованы в качестве выразительного средства при графическом построении хронологической шкалы (табл. XXII–XXIV). Арабские цифры (от 1 до 34) на таблицах означают номера памятников по перечню, прилагаемому к данным таблицам.

Большое разнообразие элементов декора и скомпонованных из них сложных фигур позволило выделить 8 орнаментационных групп, независимых от хронологических определений самих изделий из памятников Тувы, Минусинской котловины и Красноярского края (последние ограничены курганами 2 и 6 Копенского чаа-таса и Тюхтятским кладом).

Группа I (табл. XXII). Схематическое изображение бегущей лозы. Часть декора условно относится к орнаментально-абстрактной, так называемой геометрической форме. Материал несущих орнамент изделий — железо; орнамент выполнен инкрустацией или аппликацией серебром, реже — золотом.

Группа II (табл. XXII). Циркульные фигуры, розетки, плетенки. Данные изображения или являются центром более сложной композиции, или ограничены округлой формой вещи. Большинство предметов служило для соединения ремней. Они — железные, узор инкрустирован серебром. Такие предметы обнаружены вместе с изделиями, на которых нанесен декор группы I. Однако первый и последний мотивы в данной группе являются деталями композиций бронзовых предметов.

Большинство комплексов с декорированными предметами I-й и II-й групп найдено на правом берегу р.Енисей в пределах Тувы и в долине р.Хемчик. Декор в виде

бегущей лозы выгравирован на клинке сабли из кург. 2 мог. Эйлиг-Хем III, известной как "меч Багыра". Богатым растительным орнаментом с аналогичными элементами украшена гарда с шаровидными концами и фигурно оформленным язычком. Шляпки заклепок на черене рукояти выполнены в виде четырехлепестковых розеток (табл. X).

Среди предметов из кург. 3 изображением бегущей лозы орнаментированы железные изделия: два сложносоставных предмета – крюк на пластине и крюк на пластине, завершающейся пряжкой (табл. XIX, 9, 10), подвесной крюк (табл. XIX, 13) и обойма (табл. XIX, 7). Схематический растительный орнамент, также относящийся к группе I, нанесен на псалии с петлей-пластиной из кург. 4 (табл. XVI, 1).

Семилепестковая розетка выгравирована на железной полусферической бляшке, найденной в кург. 1 мог. Эйлиг-Хем III (табл. XVII, 15). Предмет с восьмилепестковой розеткой обнаружен в мог. Шанчиг (долина р.Элегест).

Группа III (табл. XXII). Изображения цветка в виде висящей кисти, плода округлой формы и языка пламени. Эти символы, так же как и фигуры группы II, представляют собой целостные изображения и часто бывают расположены в центре свободного поля. В организации его большую роль играет бегущая лоза. Цветок и плод иногда замыкают вертикальную цепочку из связанных трилистников. Нередко стиль декора с этими фигурами приближается к псевдоажурному с непросеченным фоном, в котором все линии элементов, изгибаясь, соприкасаются между собой.

Большинство вещей с этими декоративными символами отлито из бронзы и обнаружено в комплексах центральной Тувы и в долине р.Хемчик, а также в Тюхтятском кладе. Из кург. 4 мог. Эйлиг-Хем III происходит крупная бронзовая пряжка с мотивом в виде подвешенного округлого цветка или плода и трилистником под ним. Пряжка вместе с бляхами и "Т"-видным тройником с антропоморфными изображениями входит в состав сбруйного набора. Антропоморфные изображения определенно связаны с сюжетами буддийской иконографии. Трансформацией буддийского сюжета гирлянд из цветов и плодов является и орнамент на пряжке (подробнее о сбруйном наборе из кург. 4 см. главу II. - Г.Д.).

Группа IV (табл. XXIII). Пальметки в виде изображения островерхого или фестончато-округлого лепестка (обычно с незаштрихованной узкой срединной частью) трилистника или более сложной фигуры из листьев и лепестков. Как правило, эти элементы составляют часть более сложных композиций бегущей лозы, древообразных и роговидных фигур, а потому входят и в последующие выделенные группы. Иногда подобный мотив встречается на свободном поле, как, например, находки из могильников Тора-Тал-Арты, Бай-Булуи, Чинге.

Группа V (табл. XXIII). Изображения побега в виде древовидной фигуры с расходящимися вверх ветвями, на которых или висят различные "подвесы", или сами они образуют по сторонам замкнутые изобразительные поля для других смысловых, более существенных элементов. В качестве таковых выступают фигуры групп II, III, IV.

Группа VI (табл. XXIII). Изображения древовидного побега со сходящимися наверху ветвями, имеющими тенденцию к образованию или образующими сердцевидную фигуру. Их можно рассматривать в качестве варианта группы V. Внутри очерченного растительным побегом поля могут находиться элементы групп II, III, IV. Группы V и VI иногда смыкаются в одну фигуру, а в целносимметричном положении образуют группу изображений VII.

В мог. Эйлиг-Хем III предметы с изображениями древовидного побега обнаружены в курганах 1–3. В кург. 1 и 2 это изделия из железа с инкрустацией серебром: бляха с подвесным кольцом (табл. XVIII, 14) и пряжки с удлиненными щитками (табл. XIX, 1, 2). В кург. 3 обнаружена большая бронзовая бляха с рифлеными краями и орнаментом на кружковом фоне (табл. XX, 2). Бляха несколько необычная. Создается впечатление, что изначально на ней не было прорези для ремня, и орнамент покрывал всю лицевую

сторону. Не исключено, что отверстие прорезали позже, постаравшись при этом сохранить целостность орнаментальной композиции. Проверить эту догадку в настоящий момент сложно, так как все изделия из могильника Эйлиг-Хем III находятся в Республиканском музее в г. Кызыле. На фрагментах бляшек из кург. 3 на аналогичном кружковом фоне присутствуют орнаментальные мотивы группы V-VI.

Группа VII (табл. XXIV). Крестообразные изображения фигур из растительных древесных побегов с центральной розеткой или без нее.

Область их распространения — Центральная Тува, долины рек Хемчик и Элегест.

Группа VIII (табл. XXIV). Композиции с изображениями животных, птиц, антропоморфных фигур и их орнаментально-абстрактными подобиями. Основные виды этого декора происходят из памятников Шанчиг, Тора-Тал-Арты, Хемчик-Бом II и Эйлиг-Хем III, курган 4 (уже упоминавшиеся бляхи). В Минусинской котловине аналогом этих фигур могут служить находки из Копенского чаа-таса.

Стилем изображений и технологией изготовления изделий резко выделяется группа I, характеризующая комплексы с вещами аскизского облика. Под "обликом изделий" понимается, как упомянуто выше, единство характерных форм предметов и декора определенного стиля. Однако декор этой группы является упрощенным вариантом орнаментации изделий тюхтятского облика. В комплексе Демир-Суг I, курган 1 на одном из предметов обнаружена типологическая трансформация ясного изобразительного мотива лозы в ячеистый абстрактный орнамент. Сходство тюхтятской и аскизской декорировки хорошо показано И.Л.Кызласовым [Кызласов И., 1983, с. 42-44]. Остальные группы декора, за исключением мотивов отдельных предметов из железа, отражают стилистическое единство. В технологическом отношении это прежде всего бронзовое, иногда серебряное или даже золотое литье с последующими подправкой, чеканкой.

Бронзовые изделия тюхтятского облика, нередко с бесспорно буддийской символикой, неожиданно возникают и столь же внезапно исчезают, отмечая период расцвета лясской культуры и взаимоотношений лясцев с северо-западными соседями. До некоторой степени влияние можно назвать взаимным, если учесть находки стремлян с прорезями в подножках, удила с эсвидными скобчатыми псалями и блях "портальной" формы, известных в тюркской среде по крайней мере с VIII в. Стремляна и удила обнаружены в захоронениях в лясских купольных гробницах, конструктивное устройство которых в некоторой степени сходно с каменными сооружениями енисейских кыргызов на мог. Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II в Туве, а бляхи — с их аналогами на каменных статуях "дароносцев" на "дороге духов", датированных временем с 960 по 1086 г. [Poludan, 1983/84, p. 377-388]. Более того, в киданьских комплексах встречаются изделия аскизского облика, в том числе упоровые удила с напускными псалями [Каогу, 1987, с. 901].

При корреляции тувинских комплексов на основании классификации сопроводительного инвентаря с учетом иных элементов обрядности объекты были объединены в семь ассоциаций, упоминаемых и ниже — в главе IV данной книги. Первая из них (14 комплексов) отличается малым количеством сопроводительного инвентаря: по 1-2 вещи в комплексе, в основном, двухступчатые ножи. Курган 59 могильника Калбак-Шат датируется в пределах 850-925 (± 25) гг. Во второй ассоциации (18 комплексов) — единичные вещи разных категорий — наконечник копья, тесла, мусаты, пинцеты, черешковые кинжалы, подвесные бляхи, отсутствуют стремляна и удила с псалями, имеются металлические и керамические сосуды и их фрагменты. Датировка памятников — в пределах середины IX-первой четверти-середины X в. В инвентаре третьей ассоциации (15 комплексов) — в основном предметы конского снаряжения (стремляна петельчатые и пластинчатые с шейкой, удила с простыми скобчатыми и кольцевидными псалями). Отсутствуют пряжки и наременные гарнитур. Облик изделий из первых

трех группировок напоминает облик предметов из так называемых "погребений с конем", то есть общетюркский. Памятники в целом датируются серединой IX–первой четвертью-серединой X в.

Четвертая ассоциация (43 комплекса) характеризуется абсолютным преобладанием бронзовых пряжек, блях и наконечников без прорезей с декором. Полностью отсутствуют орнаментация серебром и сложносоставные предметы из железа. В пятую входит сопроводительный инвентарь: предметы конского снаряжения и вооружения человека, при этом отсутствуют орнаментация серебром и упоровые удила. Облик изделий двух последних группировок — тюхтятский, датировки — в пределах первой четверти X–середины XI в.

В комплексах шестой ассоциации (16 комплексов), так же как и в предыдущих двух, изделия имеют в основном тюхтятский облик, но в тех же курганах появляются железные предметы с серебряной орнаментацией. Сюда же вошли, например, предметы из курганов 3 и 4 могильника Сарыг-Хая II, среди них одни имеют общетюркский облик, другие — аскизский. Оформление фигурной скобы псалий, например, сходно с оформлением пластины стремян из кургана могильника Эйлиг-Хем III, где преобладают изделия аскизского облика. В этих же курганах мог. Сарыг-Хая II обнаружены предметы, абсолютно аналогичные найденным в кургане 30 мог. Пий-Хем, кургане 19 мог. Шанчиг, кургане 1 мог. Усть-Хадынных III и, наконец, в курганах могильника Эйлиг-Хем III. Это помимо упомянутого выше элемента оформления абриса изделий. Во всех перечисленных памятниках обнаружены изделия как тюхтятского, так и аскизского обликов. Памятники этой ассоциации возведены во второй половине X–первой четверти XI в.

Седьмая ассоциация (18 комплексов) представлена изделиями аскизского облика, сложносоставными предметами из железа, упоровыми удилами с напускными пластинчатыми псалиями; многие предметы орнаментированы серебром. Хронологические определения ряда курганов совпадают с определениями памятников предыдущей ассоциации.

В целом изделия аскизского облика появляются с середины X в., но становятся преобладающими в комплексах в XI–XII вв. Разработки по определению хронологии комплексов по декору металлических изделий показали, что первая и частично вторая группы орнаментации (табл. XXII) характерны для памятников седьмой ассоциации, где преобладают предметы из железа с серебряной инкрустацией и аппликацией. Другие группы декора, связанные с бронзовым литьем, характеризуют четвертую, пятую и шестую ассоциации памятников.

Таким образом, памятники культуры енисейских кыргызов на территории Тувы (и в зависимости от них — комплексы на сопредельных территориях) можно датировать более конкретно, нежели представлялось ранее (табл. XXV):

- памятники с преобладанием изделий общетюркского облика — середина IX– первая четверть X в., хотя верхняя граница существования изделий уходит в XI в.;
- памятники с преобладанием изделий тюхтятского облика — вторая четверть X–середина XI в. В свою очередь эти памятники подразделяются следующим образом: вторая-третья четверти X в., вторая половина X в. и первая половина XI в.;
- в памятниках XI–XII вв. преобладают изделия аскизского облика.

К первому периоду относятся в основном памятники 1–3 выделенных ассоциаций; ко второму — 4–6 и, наконец, к третьему — только памятники 7-й ассоциации с преобладанием в составе инвентаря изделий аскизского облика [Длужневская, 1994].

Опыт датировки памятников енисейских кыргызов в Туве по декору металлических изделий позволяет предположить, что кург. 4 могильника Эйлиг-Хем III был возведен в

950–1025 гг. н.э., кург. 2 — в 950–1025 гг., кург. 3 — в 975–1025 гг. и, наконец, кург. 1 — в 1000–1050 гг. н.э.

После подробного анализа материалов из эйлиг-хемских комплексов, изложенного в главе II данной книги, датировка их была определена концом X–началом XI вв. н.э.

Приведенные выше хронологические рамки сооружения курганов (950–1050 гг. н.э.) несколько шире, но совершенно не противоречат датировке — конец X–начало XI вв. н.э. Напомним, что предлагаемые абсолютные даты памятников исходят из "жизни вещей", а не конкретной исторической ситуации, складывавшейся на берегах Улуг-Хема.

Абсолютные датировки не противоречат и предполагаемой последовательности возведения сооружений: ни в варианте — сначала кург. 2, затем кург. 3, 4 и кург. 1 позже, чем кург. 2; ни в варианте — от кург. 4 к кург. 1, то есть по мере роста цепочки с юга на север.

Могильник Эйлиг-Хем III скорее всего формируется в 975–1025 гг. н.э. — в последней четверти X–первой четверти XI вв. н.э. При этом вероятно сначала погибает (или умирает) Багыр, с именем которого связаны стела 9 с тамговым знаком и самый значительный курган 2. Затем уходит из жизни воин высокого социального ранга, над захоронением которого возводят курган 3 и рядом с ним поминальную выкладку 5. Напомним, что на площади могильника был найден фрагмент стелы, надпись на котором не прочитывается. Если бы она сохранилась, ты, не исключено, могли бы узнать имя еще одного кыргыза.

Чуть позже, но в пределах последней четверти X в. н.э., для одного человека, возможно Кара Йаша, сооружают курган 4 и устанавливают стелу 10. Возглавивший последним данную группировку кыргызский воин захоронен под кург. 1 в первой четверти XI в. н.э. Поминальные выкладки 6–8 сложены, вероятно, в последней четверти X в. н.э.

Могильник Эйлиг-Хем III, исследованный в живописной долине на правом берегу Улуг-Хема, в самом центре Тувы, остается лучшим не только в археологическом отношении, но и как памятник, сооруженный енисейскими кыргызами в честь своих воинов.

Перечень исследованных объектов:

1 – Эйлиг-Хем III, курган 3; 2 – Демир-Суг I, курган 1; 3 – Дыттыг-Чарык-Аксы III, курган 1; 4 – Уюк-Тарлык, курган 51; 5 – Кокэль, курган 17; 6 – Тора-Тал-Арты, курган 4; 7 – Саглы-Бажи I, курган 9; 8 – Шанчиг, курган 19; 9 – Улуг-Бюк I, курган 1; 10 – Шанчиг, курган 18; 11 – Аймырлыг II, группа III, комплекс-"клад"; 12 – Тюхтятский клад; 13 – Бай-Булун, курган 21; 14 – Дагылганныг, курган 1; 15 – Эйлиг-Хем III, курган 4; 16 – Аймырлыг II, группа I, курган 29; 17 – Аймырлыг III, группа II, курган 5; 18 – Тора-Тал-Арты, курган 15; 19 – Тора-Тал-Арты, курган 19; 20 – Аймырлыг II, группа II, курган 3; 21 – Хемчик-Бом II, курган 25; 22 – Чинге, курган 18; 23 – Тора-Тал-Арты, курган 6; 24 – Копенский чаа-тас, курган 2, тайник 2; 25 – Шанчиг, курган 12; 26 – Пий-Хем, курган 30; 27 – Эйлиг-Хем III, курган 1; 28 – Аймырлыг II, группа I, курган 12; 29 – Ир-Холь, курган 1; 30 – Тора-Тал-Арты, курган 11; 31 – Усть-Хадынных III, курган 1; 32 – Сарыг-Хая II, курган 2; 33 – Калбак-Шат, курган 47; 34 – Копенский чаа-тас, курган 6.

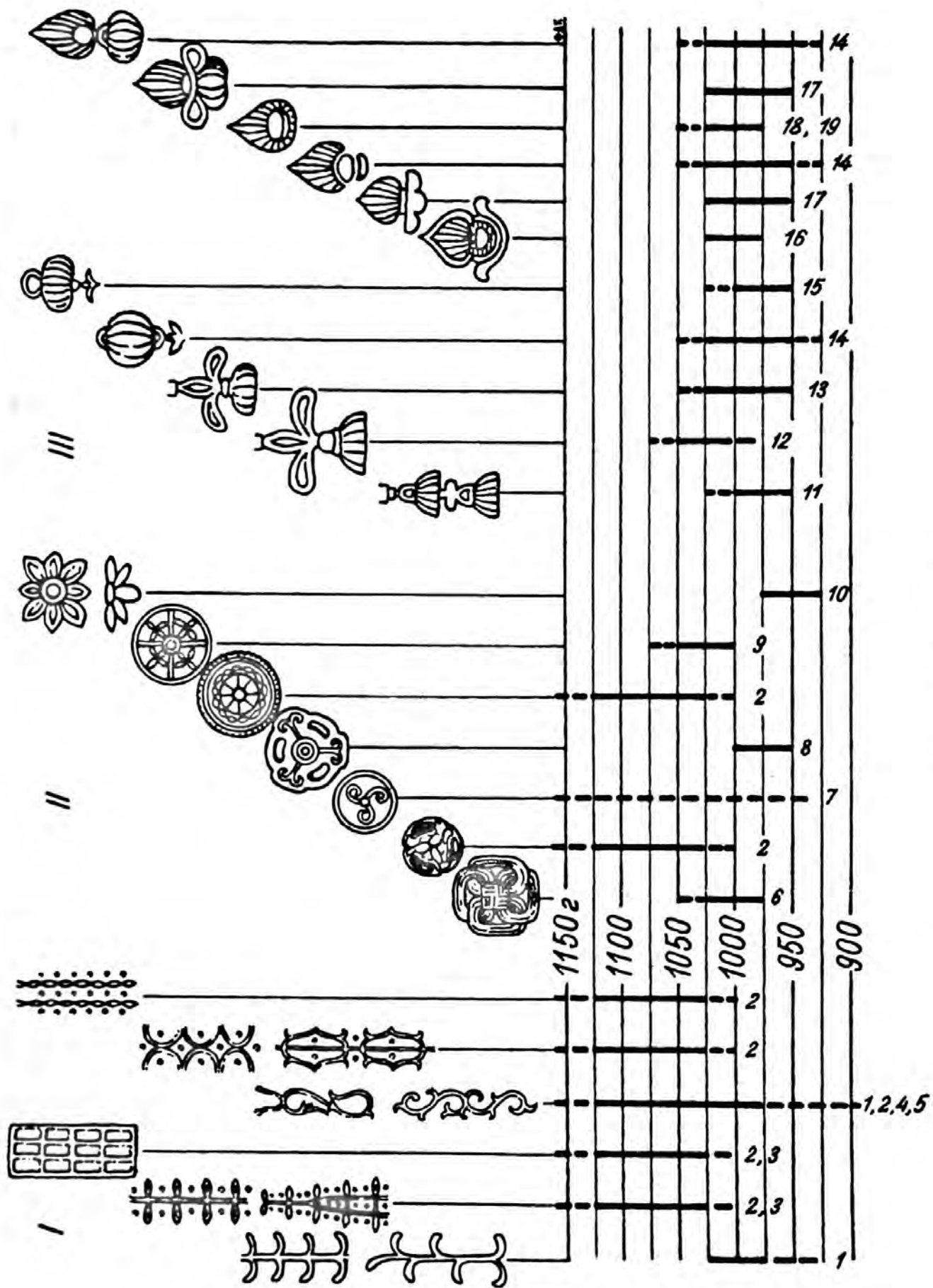

Таблица XXII. Группы I - III

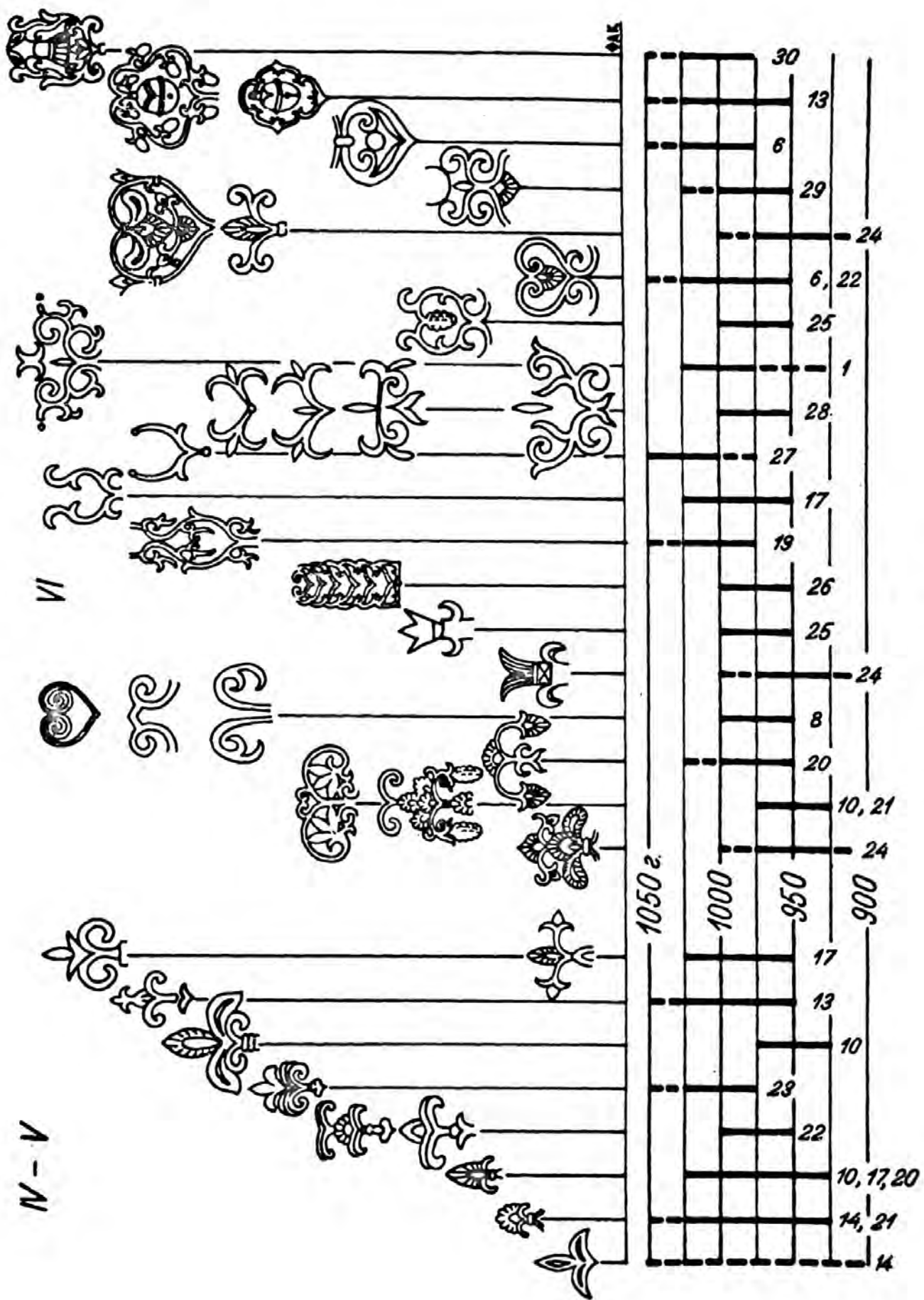

Таблица XXIII. Группы IV-VI.

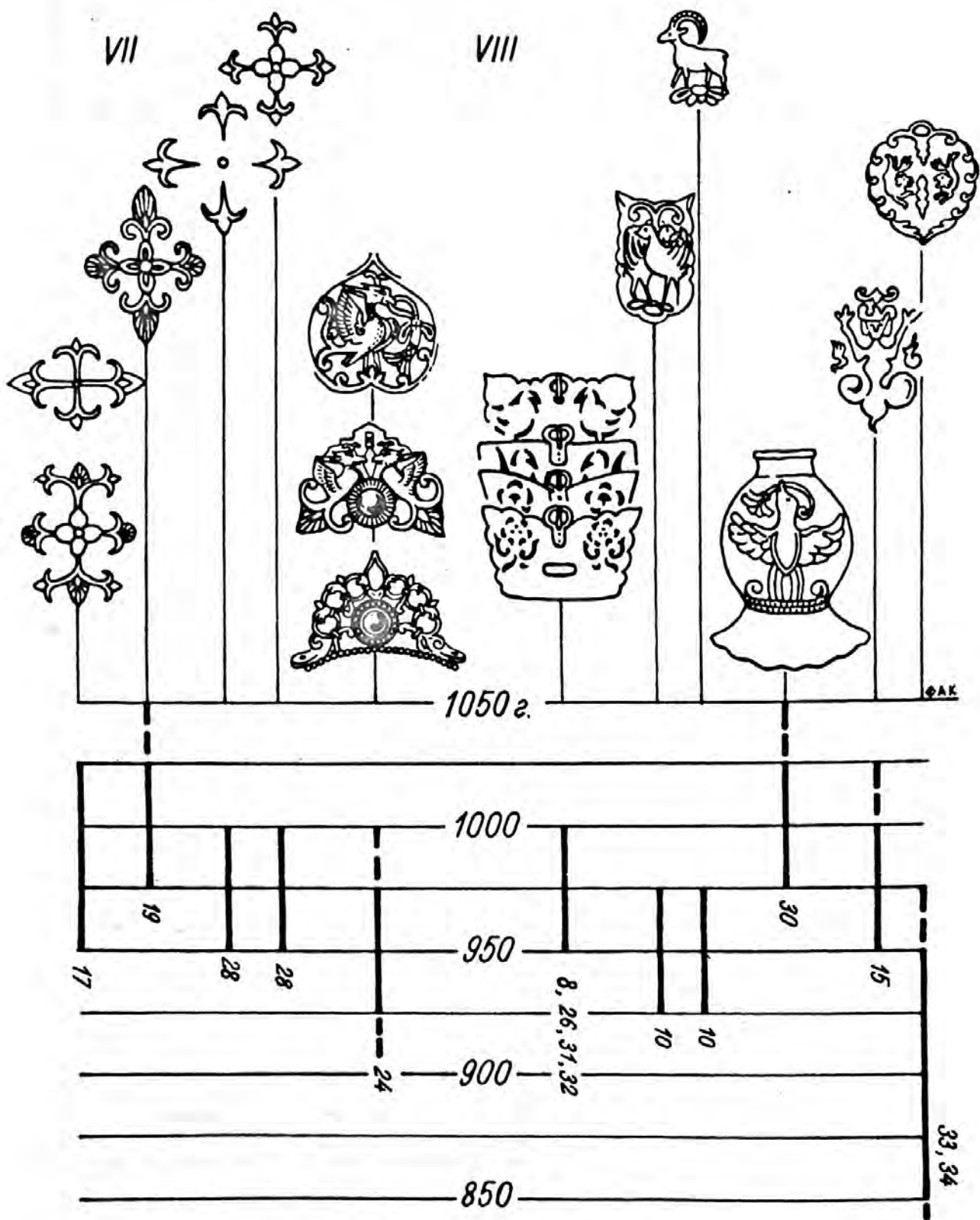

Таблица XXIV. Группы VII-VIII.

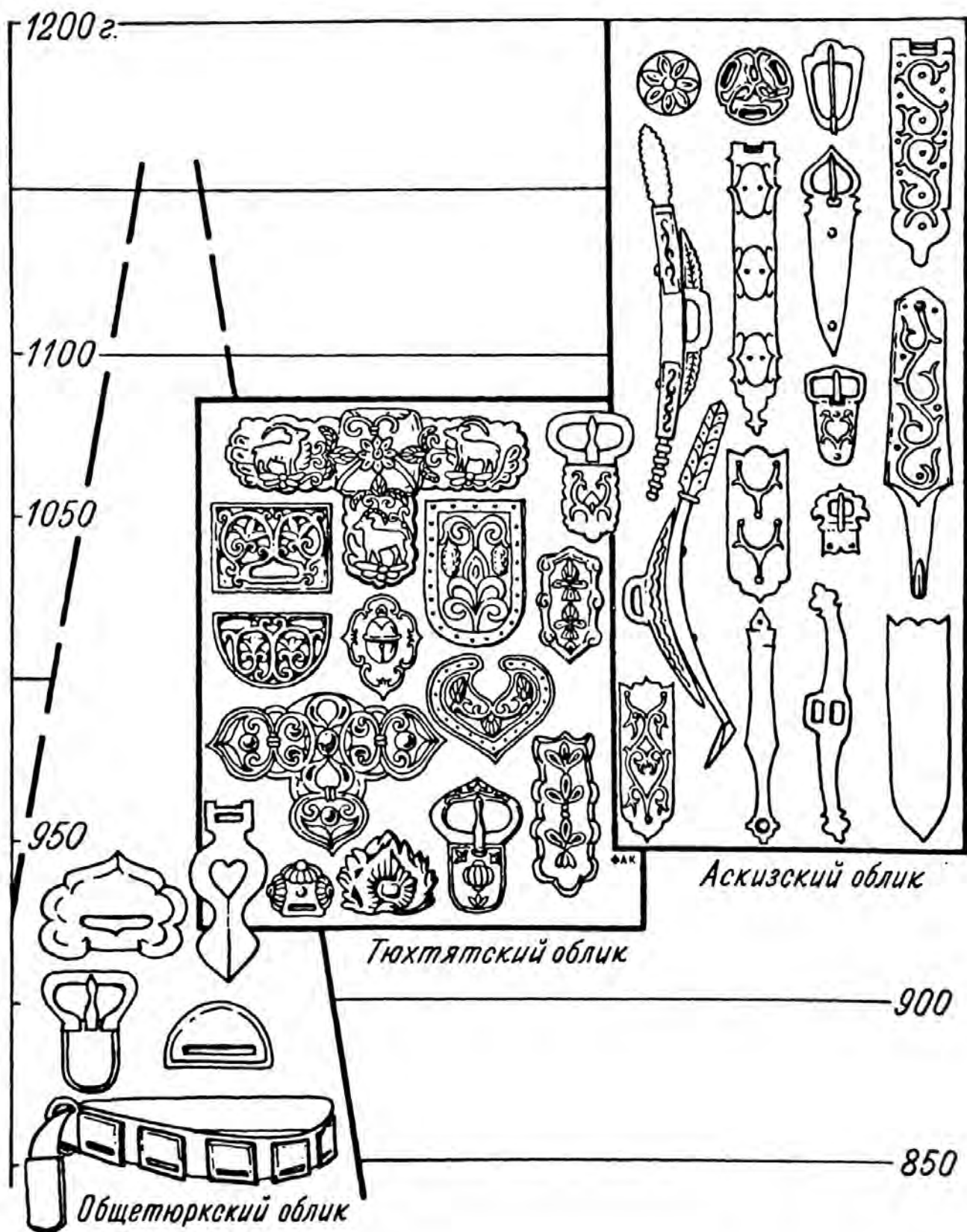

Таблица XXV. Соотношение изделий общeturкского, тюхтятского и аскизского облик.

Глава IV.

О местонахождении ставки кагана енисейских кыргызов в Центральной Азии

Письменные известия о северо-западной окраине центральноазиатского региона и енисейских кыргызах конца I—начала II тыс. н.э., как китайских, так и мусульманских авторов, весьма малочисленны. Поэтому многие историко-культурные вопросы, в частности о местонахождении ставки кыргызского кагана, необходимо рассматривать с привлечением археологических источников, памятников тюркской рунической письменности, а также тамговых знаков, находимых на каменных стелах с текстами или скалах.

В настоящее время в Туве исследовано 450 разнохарактерных комплексов енисейских кыргызов, датируемых IX—XII вв., и более ста памятников тюркской рунической письменности. Этот огромный материал и послужил основой для выделения локальных вариантов культуры кыргызов второй половины IX—X вв. и, в конечном счете, определения предположительных мест нахождения ставки кагана (или его наместника).

В качестве признаков, позволивших выделить локальные варианты, были определены: 1) топография могильников, наиболее ярко проявляющаяся в "пристраиваемости" объектов друг к другу, в сочетании с другими особенностями составляющих их комплексов (конструктивными, обрядовыми и др.); 2) элементы поминальной обрядности: положение в ямы мяса большими кусками в сочетании с набором вещей или наличие деревянных столбиков — остатков наземных, надкурганых сооружений; 3) элементы сложной погребально-поминальной обрядности: наличие нескольких захоронений, поминальников и ям-"тайников" под одним наземным сооружением; 4) наличие стел, участвующих в погребально-поминальной обрядности.

Особая топография могильников, присутствие в их составе разнотипных комплексов, "пристраиваемость" сооружений, дающая возможность установления внутренней хронологии памятников, и относительно более ранний набор сопроводительного инвентаря присущи могильникам Центральной Тувы и Саянского ущелья р. Енисей, объединяющимся в 1-й локальный вариант (табл. XXVI). Курганы поминального характера с положением в грунтовые ямы мяса большими кусками и отдельных предметов, среди которых особо выделяются кувшинчики на поддонах и черешковые листовидные кинжалы небольших размеров, расположены на правобережье Енисея и в Северной Туве. Единичные случаи имеются в Юго-Западной и Центральной Туве, но в таком количестве и при такой устойчивости проявления признака они найдены только в указанных районах, объединяемых во 2-й локальный вариант культуры IX—X вв.

По элементам сложной погребально-поминальной обрядности выделяется долина р. Элегест. Открытые здесь курганы представляют наличие нескольких захоронений, поминальных ямок и ям-"тайников" под одним наземным сооружением, что практически не наблюдается в иных местах, за исключением отдельных случаев в Северной Туве. По этому признаку долина р. Элегест выделена в особый 3-й локальный вариант. Курганы

в долине р. Элегест, послужившие основой для выделения локального варианта, были исследованы согласно господствовавшей в археологии до 1970-х гг. методике раскопок каменных насыпей "на снос" [Кызласов, 1978, с. 38–58]. Скорее всего, и это показали исследования памятников енисейских кыргызов Саяно-Тувинской экспедицией, могильник Шанчиг имел планиграфию подобную могильникам Хемчик-Бом II (раск. А.Д.Грача, Г.В.Длужневской, 1971–1972 гг.), Сарыг-Хая [Длужневская, 1990 а, с. 86–102], Аймырлыг II, группа III (раск. Б.Б.Овчинниковой, 1972–1976 гг.) или Каат-Ховак у подножья горы Хайыракаан [Мандельштам, Шаровская, Бестужев, 1979, с. 246–247], объединенных нами в 1-й локальный вариант.

Под одним сооружением Ир-Холь и Чинге, а также в памятниках юго-восточной части Тувы отмечены остатки деревянных столбиков, расположение которых наводит на мысль о былом наличии надкурганых конструкций. Обычно они фиксируются под поминальными сооружениями. Выделение юго-восточной части Тувы в качестве особого локального варианта культуры не может быть пока достаточно серьезно обосновано. Однако не исключено, что этот вариант существовал и занимал обширный район Юго-Восточной Тувы, включая некоторые памятники в долине р. Элегест.

4-й локальный вариант культуры IX–X вв. занимал Западную Туву, где на могильниках наблюдается отсутствие стел, участвующих в обрядности. Районы Западной и Южной Тувы, вероятно, оказались "проходными" для кыргызских группировок на пути в Монголию в первой половине этого периода. Подавляющее большинство памятников 4-го локального варианта относится к X–началу XI вв.

Локальное своеобразие проявляется не только в погребально-поминальных памятниках, но и памятниках тюркской рунической письменности. Отличаются не только сами надписи, но и форма стел (стелы с реки Барык; шесть надписей с реки Уюк, в том числе три Уюк-Оорзак, выполнены на однотипных оленных камнях) и композиция, и оформление (бустрофедон в двух памятниках с реки Чаа-Холь), а также порядок традиционной эпитафийной формулы. Основная часть памятников группируется в центрах регионов, близ важнейших в каждой местности водных артерий. Зоны функционирования "школ письма" практически совпадают с местностями, где обильно добывался археологический материал, свидетельствующий об активной социально-экономической и культурной деятельности людей. Неординарные текстовые моменты, фиксируемые в большинстве надписей, документируют также расселение определенных этнических групп населения вблизи от памятников [Васильев, 1979, с. 230–231].

На первое место по концентрации стел с текстами и тамгами выдвигаются Центральная Тува и Саянское ущелье — 1-й локальный вариант. На стелах в основном нанесены однотипные тамги, т.е. имеется реальная возможность говорить и об узкоэтнической близости оставившей их группы людей. Подобные знаки обнаружены также в западной части правобережья Енисея, на стелах близ курганов с изделиями аскизского облика. Меньшее, но достаточно плотное скопление стел наблюдается в долине р. Элегест. Выделение этого, 3-го варианта также подтверждается, но здесь не удастся проследить типологического единства тамговых знаков (табл. XXVII). Тамговый знак на стеле Хербис-Баары в восточной части правобережья Енисея является типологическим развитием зафиксированного на одной из элегестских стел (Е-10). Анализ археологического материала 3-го и 2-го локальных вариантов и характер тамговых знаков позволяют предположить движение групп кыргызов из долины Элегеста на правобережье Енисея.

В Северной Туве найдены шесть рунических текстов на оленных камнях и ряд курганов. Здесь исследованы разновременные в пределах периода памятники. Его относительная замкнутость и периферийность свидетельствуют о сложности историко-культурных процессов, происходивших в Северной Туве на протяжении по крайней мере трех столетий (IX–XI вв.). Можно предположить две или даже три волны

перемещений населения из этого района — частичное отступление населения, занимавшего долину до середины IX в., под натиском пришедших из-за Саян кыргызов; освоение Турано-Уюкской котловины кыргызами в IX—X вв. и, наконец, отступление сюда в середине-второй половине X в. группировки кыргызов, занимавшей долину р. Элегест.

Комплексы 7 ассоциаций, выделенных на основании датировок памятников с преобладанием изделий того или иного облика изделий, показывают картину расселения и возможные направления передвижения кыргызов в IX—XII вв. (табл. XXVI). Курганы с изделиями общетюркского облика (1–3-я ассоциации) распространены в Центральной Туве и Саянском ущелье (1-й локальный вариант), а также в Северной Туве и восточной части правобережья Енисея (2-й локальный вариант). В долинах рек Хемчик и Элегест (4-й и 3-й локальные варианты) их практически не имеется. Комплексы с преобладанием изделий тюхтятского облика (4-я и 5-я ассоциации), оставленные населением X в., находятся в Центральной Туве и Саянском ущелье и появляются в долинах рек Хемчик и Элегест. На правом берегу Енисея и в Северной Туве такие памятники единичны. Отдельные комплексы 6-й ассоциации — тюхтятско-аскизские примерно в равном количестве обнаружены во всех локальных вариантах. Памятники с изделиями аскизского облика (вторая половина X—XII вв.) единичны в Центральной Туве, Саянском ущелье и долине р. Элегест. Основное количество их находится на правобережье Енисея и в Северной туве. В Западной Туве они найдены только в низовьях р. Хемчик, ближе к долине Улуг-Хема, что говорит об отступлении основной массы кыргызов в этот период на правый берег Енисея и за Уюкский хребет, ближе к пределам Минусинской котловины [подробнее об ассоциациях комплексов см. Длужневская, 1994, с. 21–43].

Таким образом, одни районы в IX—X вв. являлись постоянным местом обитания кыргызских группировок, поселившихся в Туве; другие служили "торной" тропой при передвижках населения; заселенность третьих зависела от тех или иных ситуаций, складывавшихся на территориях Тувы и сопредельных с ней Монголии и Горного Алтая. Размещение курганных могильников в сочетании с памятниками рунической письменности позволяет говорить об Улуг-Хемской котловине в целом как о центре данного региона и, возможно, центре государственного объединения кыргызов в так называемый период "кыргызского великодержавия".

Территория Тувы в середине IX—XI вв. в определенном смысле оказалась в центре политических событий, проистекавших в данном регионе [Длужневская, 1983 а, с. 41]. Это нашло отражение в распространении памятников в бассейне Верхнего Енисея и дальнейших перемещениях населения, прослеживаемых как по погребально-поминальным комплексам, так и по тамговым знакам. Например, только на горе Тепсей в Минусинской котловине, у подножья которой исследованы кыргызские могилы, и на скалах над могильником Хемчик-Бом II в Саянском ущелье обнаружены одинаковые тамги. В могиле 9 могильника Тепсей III, кроме того, имеется лировидная подвеска, абсолютный аналог которой происходит из кургана 97 могильника Зевакино в Восточном Казахстане, а в комплексе с последней найдены совершенно идентичные с хемчик-бомскими бляхи наборного пояса [Арсланова, 1972; Комплекс археологических памятников у горы Тепсей, 1980]. Однако при рассмотрении вопросов, связанных с перемещениями групп населения, большее значение имеют случаи нахождения сходных комплексов погребально-поминальной обрядности, чем отдельных вещей.

К середине IX в. кыргызы появляются в районах, наиболее близких к проходам через Саяны, — в Северной Туве, восточной части правобережья Енисея и Саянском ущелье. Чуть позже, а по датировкам изделий — в начале X в. осваивается центральнотувинская котловина, как западная (низовья р. Чаа-Холь), так и восточная ее части (долины рек Элегест, Каа-Хем). С середины X в. в комплексах долины р. Элегест наряду с

изделиями тюхтятского облика появляются отдельные аскизские вещи. Именно эти памятники показывают местный, кыргызский характер позднего этапа культуры, начало освоения новой технологии, связанной с обработкой железа и применением инкрустации. К середине X в. относится, видимо, частичное перемещение населения из восточной части центральнотувинской котловины в западную, в долину р. Чаа-Холь. Не исключено, что это было связано с перенесением ставки на территории Тувы.

В начале XI в., по имеющимся ныне данным, население покидает восточные районы, возможно опасаясь каких-либо внешних вмешательств, и уходит на противоположный берег Енисея. Характерные черты погребально-поминальной обрядности "элегестцев" наблюдаются в Северной Туве, а в XI-первой четверти XII вв. — в могильнике Демир-Суг I.

Западная часть Центральной Тувы была заселена, видимо, иными родоплеменными группировками, с отличными от элегестских погребально-поминальными традициями. Здесь, также во второй половине X в., происходит внедрение новой технологии обработки железа и на ее основе новых форм и облика изделий. Этот процесс прослеживается здесь более явно, что, возможно, связано также с переходом власти к другой группировке кыргызского общества, во главе которой могли стоять известные по именам Багыр или Кара Йаш. В последней четверти X в. часть обитателей низовьев р. Чаа-Холь, возможно по каким-то внутренним причинам не воспринявшая возвышения другой группировки и сохранившая преимущественно тюхтятский облик изделий, сдвигается в долину р. Хемчик, к западным проходам через Саяны. Почти в то же время вторая группа населения, с преобладанием аскизского облика изделий, в силу каких-то внешних обстоятельств отступает на другой берег Енисея, в долины рек Эйлиг-Хем, Демир-Суг и др.

С конца X-первой половины XI вв. процесс трансформации облика культуры кыргызов происходит повсеместно, захватывая в том числе и Минусинскую котловину. Вероятно, это было связано с начавшимся еще в X в. отступлением кыргызов и возвращением основной массы населения в бассейн Среднего Енисея. Сначала расселившиеся южнее Танну-Ола кыргызы вернулись в Центральную Туву; затем они передвинулись на правый берег Енисея и в Турано-Уюкскую котловину; население долины р. Хемчик оттягивается ближе к р. Енисей. Процесс постепенного возвращения в Минусинскую котловину был длительным и протекал одновременно с перемещениями внутри Тувы. Немногочисленное, судя по резко уменьшающемуся числу памятников, население этой области кыргызского каганата остается в Туве до конца XII в. Начавшиеся в XIII в. неоднократные нашествия монголов на Туву заставили кыргызов окончательно исключить ее из состава своего государственного образования.

Среди причин, побуждавших к движению население кыргызского каганата, были как внутренние, так и внешние. К числу первых можно было бы отнести экономические и внутривосточные причины (необходимость в расширении пастбищ, поиск контактов с крупнейшими оседлыми цивилизациями, а также междоусобную войну). К внешним причинам следует отнести в первую очередь давление извне со стороны киданей, а также, возможно, кунов, каев и найманов. Об этом свидетельствует перенесение ставки в начале X в. из Южной Тувы в Центральную. Исходя из археологических материалов можно предположить, что в первой половине X в. ставка находилась в долине р. Элегест, близ могильников Шанчиг, Чинге, Элегест и серии стел с разнотипными тамгами. К середине X в., как известно, каган со своим окружением вернулся в Минусинскую котловину. По всей вероятности, его наместник также отступает от самого близкого пути в центральноазиатские степи через Самагалтайский проход и уходит в низовья р. Чаа-Холь. При этом, возможно, власть переходит к другой семье (см. табл. XXVII и ср. распространение тамг в долинах рек Элегест и Чаа-Холь и отсутствие двух типов тамг в западной части центральнотувинс-

кой котловины). Носители этих двух типов тамг уходят из долины р.Элегест на правый берег Енисея, где ныне обнаружены археологические материалы, это подтверждающие [Длужневская, Семенов, 1990, с. 76–85]. В конце X в. или несколько раньше правитель тувинской области снова переносит ставку — теперь на правый берег Енисея, в долину р. Эйлиг-Хем.

Принято считать, что политический центр государства определяет местонахождение ставки правителя. В летописях говорится, что от местопребывания кыргызского Ажо до ставки уйгурского кагана 40 дней пути верблюжьего хода [Бичурин, 1950, с. 353]. По-видимому, имеется в виду расселение кыргызов и местонахождение ставки кагана на территории к северу от Саянских гор в Минусинской котловине. Этому не противоречит и сообщение, касающееся перенесения "места пребывания" кыргызским каганом после побед 840 г. "на южную сторону гор Лао-шань", называющихся также Ду-мань". Они находятся в 15 днях конной езды от столицы уйгуров [Бичурин, 1950, с. 356]. Можно считать установленным, что Лао-шань=Ду-мань — горы Танну-Ола, ныне ограничивающие на юге территорию Тувы [Бартольд, 1963, с. 489].

До настоящего времени не имеется однозначного объяснения тому факту, что кыргызский каган перенес свою ставку не в традиционный для кочевых центральноазиатских империй район р.Орхон, а на юг от гор Танну-Ола, в район реки Тес-Хем. Что могло помешать ему в пору наивысшего подъема государства? В это время "Хягас было сильное государство... На восток простиралось до Гулигани (Прибайкалье), а на юг до Тибета (Восточного Туркестана, которым в это время владели тибетцы), на юго-запад до Гэлолу (карлуков в Семиречье)" [Бичурин, 1950, с. 354]. Аналогичные границы расселения кыргызов в IX–X вв. отмечают и арабо-персидские источники. По "Книге путей государств" ал-Истахри, "Худуд ал-алам" и картам арабского географа Ибн Хаукала в "Книге путей и стран" кыргызы граничили на западе с землями кимаков с центром расселения в районе р.Иртыш (кимако-кыпчакским государственным объединением, возникшим в середине-второй половине IX в.), на юго-западе с карлуками в пределах Семиречья и на юго-востоке — с тогузгузами (уйгурами) в горах Восточного Тянь-Шаня [Караев, 1968, с. 33–37].

Надо полагать, что во второй половине IX в. и начале X в. ставка кагана кыргызов не меняла своего местонахождения, тем более что об этом не имеется и каких-либо данных. В начале X в., вероятно в связи с усилением монголоязычных киданей, кыргызский каган переносит ставку в Центральную Туву. В сочинении "Худуд ал-алам" говорится, что у всех кыргызов "нет совсем ни деревень, ни городов, и все они селятся в юртах и шатрах, кроме того места, где живет" каган. Он живет в городе, называемом Кемиджет [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, с. 41–42]. Исходя из археологических материалов можно предположить, что в первой половине X в. ставка находилась в долине р. Элегест близ исследованных здесь могильников Шанчиг, Чинге, Элегест с серией каменных стел с надписями и разнотипными тамгами, поскольку представляется, что при ставке должны были находиться представители различных аристократических семей — обладатели разнотипных знаков.

К середине X в. ставка кагана была перенесена обратно в Минусинскую котловину; говорится, что от Кюгмена (Саянских гор) до нее пути 7 дней. К военному лагерю кыргызского кагана, главному и лучшему месту в стране, ведут три дороги, сказано у персидского автора Гардизи в "Украшении известий" (середина XI в.) [Бартольд, т. VIII, с. 47–48]. Вероятно, это местность в районе Белого Июса, где местопребывание ставки оставалось длительное время [Потапов, 1957, с. 15–16]. Каган, возвращаясь из Тувы в середине X в. вместе со своим ближайшим окружением, видимо, оставил там своего наместника, который также отступает от самого близкого пути в центральноазиатские степи через Самагалтай и уходит в низовья р. Чаа-Холь. Вероятно, власть при этом переходит к другой семье, что основано на картографировании тамг и

отсутствии двух типов тамг в западной части центрально-тувинской котловины. В последней четверти X в. — начале XI в. происходит следующее перенесение ставки "наместника". Теперь он со своим окружением откочевывает из района Чаа-Холя на правый берег Енисея, в долину р.Эйлиг-Хем, где исследован могильник Эйлиг-Хем III, курганы которого определенно были возведены для представителей высших чинов военно-аристократических кругов [Длужневская, 1985, с. 14–15].

Количество населения, в 840 г. перевалившего через Саяны и расселившегося в Туве, неизвестно. К этому времени кыргызы могли собрать войско в 100 тысяч всадников. Видимо, близкое к этому число воинов двинулось в южном направлении и сначала даже не остановилось в бассейне Верхнего Енисея. Впереди у них были походы на Орду-Балык, к Великой Китайской стене, в Восточный Туркестан, богатая добыча, пленные. Не ранее чем через десять лет отряды возвращаются и начинают осваивать новые территории. Так же как в западной половине Уйгурского каганата осталась кочевать часть уйгуров, так и на территории Тувы осталась часть прежнего населения: потомков населения тюркского и уйгурского периодов. Исследованы курганы с погребениями по обряду трупоположения с конем, с изделиями в сопроводительном инвентаре как общетюркского, так и кыргызского облика. Кроме того, в Туве исследовано 450 разнохарактерных комплексов енисейских кыргызов, из них 410 относится к IX–X вв. и только 40 — к XI–XII вв. Сооружений, датируемых XIII в., пока не обнаружено. Значительное сокращение количества погребально-поминальных комплексов XI–XII вв. и их преимущественное размещение в нижнем течении р.Хемчик, на правобережье Енисея и севернее Уюкского хребта определенно показывают уменьшение кыргызского населения в Туве и его отступление к северу, подтверждая их частичное возвращение вслед за каганом в Минусинскую котловину в течение X в. [Длужневская, 1979, с. 47–49].

Письменных известий об истории кыргызов XI–XII вв. практически не имеется. В сочинениях арабских и персидских авторов Гардизи, Махмуда Кашгарского, ал-Марвази и ал-Идриси приведены ценные сведения о границах расселения, путях сообщения, хозяйственной жизни и религиозных верованиях, но не конкретных событиях этого периода [Караев, 1968, с. 49].

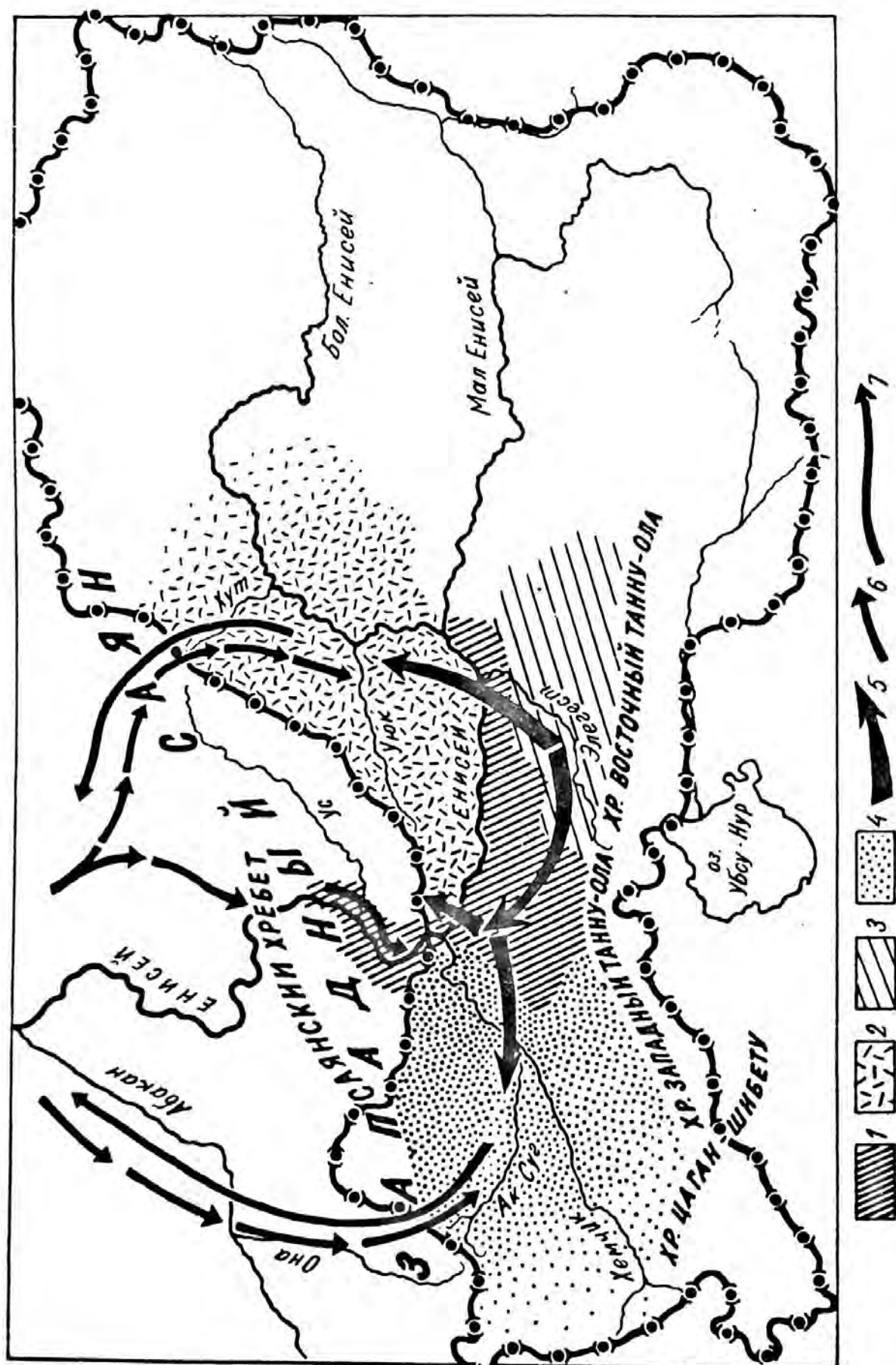

Таблица XXVII. Карта передвижений енисейских кыргызов в IX-XII вв.: 1-4 — локальные варианты погребально-поминальных памятников IX-X вв.; 5 — направления передвижений енисейских кыргызов в пределах Тувы; 6 — направления передвижения енисейских кыргызов в Туву; 7 — направления позднемогильного отступления енисейских кыргызов из Тувы.

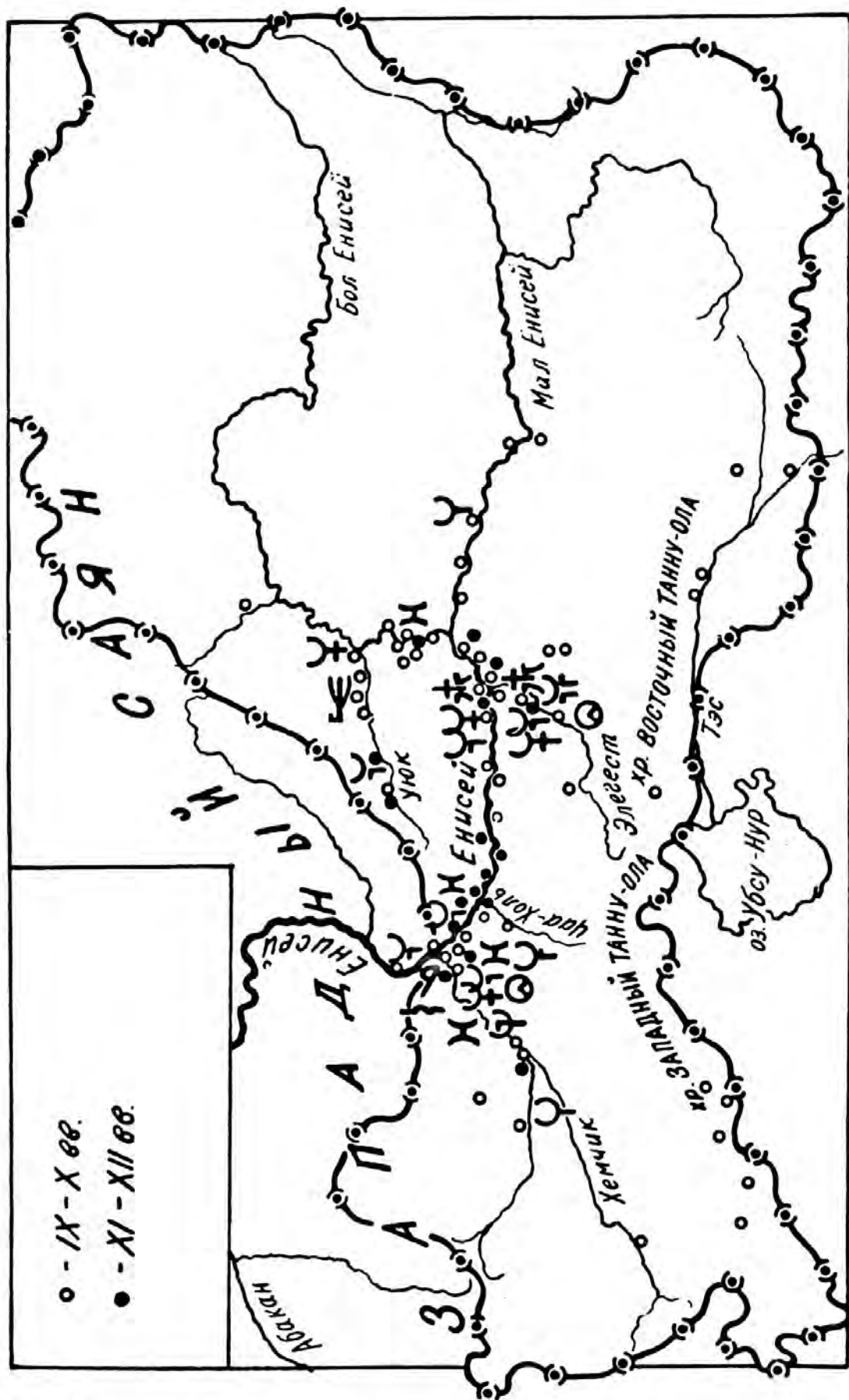

Таблица XXVII. Карта размещения памятников с тамгами на территории Тувы

Глава V.

Могильник Эйлиг-Хем III в контексте исторических событий конца I – начала II тыс. н.э.

Для того чтобы правильно оценить историческое место могильника Эйлиг-Хем III, необходимо кратко остановиться на событиях предшествующего времени, а точнее, их отражении в археологических памятниках IX–X вв.

Письменная традиция, представленная материалами китайских летописей, повествует главным образом о завоеваниях енисейских кыргызов в 40–50-х гг. IX в. в Восточном Туркестане, а также преследовании ими уйгуров, бежавших в сторону западных провинций Китая, т.е. отражает "точку зрения" заинтересованной стороны. Наиболее подробно эти сведения обобщены в одной из последних работ Ю.С.Худякова [Худяков, 1996, с. 216–241]. После сокрушительного разгрома уйгуров, "падение" которых было особенно важно для внешней политики Танской династии, кыргызские послы еще три раза, в 860–873-х гг., приезжали к китайскому двору, но обстоятельства этих посольств неизвестны. "Впоследствии, – говорится в Таншу, – были ли посольства и были ли даны жалованные грамоты, историки не вели записок" [Бичурин, 1950, с. 357]. Это замечание может быть поставлено эпиграфом ко всей дальнейшей истории енисейских кыргызов — сведения о них крайне немногочисленны и разрозненны, что составляет основную трудность изучения завершающего этапа кыргызского "великодержавия".

Последние свидетельства о завоеваниях кыргызов на севере Центральной Азии относятся к самому началу X в. Известно, что в 924 г. кидани династии Восточное Ляо совершили поход в Монголию, на Орхон, где уже не встретили кыргызов, и император Амгабань предложил уйгурам вернуться на их прежние земли. Можно предполагать, что на этом экспансия енисейских кыргызов, носившая, как это следует из сообщений письменных источников, характер серии военных походов, направленных против городов Восточного Туркестана и карательных экспедиций против отступающих уйгуров, закончилась. Археологические материалы в Монголии и Восточном Туркестане, связанные с этим периодом экспансии кыргызов, крайне немногочисленны. Погребений енисейских кыргызов в Восточном Туркестане пока не обнаружено, и, пожалуй, единственным подтверждением вторжения сюда кыргызов остается "легендарная сцена" из Кум-Тура, изображающая, по мнению Ю.С.Худякова, нападение кыргызских воинов в пластинчатых панцирях на "горожанина в его собственном доме", скорее всего уйгура [Худяков, 1979]. В Монголии с кыргызами могут быть связаны отдельные невыразительные погребения по обряду трупосожжения, открытые Г.И.Боровкой на р.Толе [Боровка, 1927, табл. III]. Факт пребывания здесь кыргызской администрации зафиксирован известной Суджинской надписью, в которой сказано: "Я пришелец на земле /уйгурской/. Я сын кыргызский. Я — бойла, высокий судия" [Малов, 1951, с. 77]. Вероятно, такое положение закономерно: кратковременность пребывания енисейских кыргызов в Монголии и Восточном Туркестане, имевшего характер завоевания, а не миграции этноса, не позволяет предполагать наличия здесь большого

количества памятников, соотносимых с кыргызами. Впрочем, это может объясняться и слабой степенью изученности этих территорий в археологическом отношении, в первую очередь — территории Монголии.

В отличие от Монголии и Восточного Туркестана распространение енисейских кыргызов (точнее — культуры енисейских кыргызов и ее носителей) в западном направлении — в сторону Горного Алтая и Прииртышья — не нашло отражения в китайских письменных источниках, поскольку не представляло для Танской династии никакого практического интереса, и реконструируется исключительно на основании археологических данных. Погребения по обряду трупосожжения (иногда с "тайниками") и характерным кыргызским инвентарем известны в это время (IX–X вв.) в различных районах Горного Алтая (Яконур I, Узунтал XIII, Кара-Коба I, Кок-Эдиган), на Юго-Западном Алтае (Новофирсово VII) и в Верхнем Прииртышье (Зевакино и др.). Как правило, они не образуют самостоятельных могильников, а включены в состав инокультурных памятников, оставленных представителями местного населения. Не касаясь подробностей их описания, остановимся на общей оценке этих памятников, содержащейся в работах различных исследователей. Кара-Коба I: "Примечательно, — отмечает В.А.Могильников, — что кыргызские погребения на Алтае находятся в одних некрополях с курганами местного населения, что указывает скорее всего на смешение осевших на Алтае пришельцев-завоевателей с местным населением" [Могильников, 1989, с. 139]. Новофирсово VII: "Кыргызы представляли на Юго-Западном Алтае незначительный процент населения, в основном, очевидно, это были воины небольших гарнизонов, разбросанных на территории Юго-Западного Алтая. Основная масса курганов IX–X вв. здесь кимакского происхождения" [Алехин, 1990, с. 66]. Зевакинский могильник: "Такая близость (между восточноказахстанскими и тувинскими материалами. — Д.С.) свидетельствует, по-видимому, о культурном и этническом взаимовлиянии племен, оставивших памятники в Туве и Верхнем Прииртышье". Оставившее их население — это кыргызы, но уже "вступившие в непосредственный контакт с аборигенами Прииртышья" [Арсланова, 1972, с. 75]. С этой позицией в целом согласен Ю.С.Худяков, считающий, что "этнокультурная ситуация в этих районах (новых местах расселения кыргызов. — Д.С.) существенно отличалась от других направлений кыргызской экспансии. Если в Туву хлынула большая часть кыргызского населения из Минусы, то в Горный Алтай проникли сравнительно немногочисленные отряды кыргызов, расселившиеся среди древних тюрок, а в Прииртышье вместе с кыргызами пришли племена северных кыштымов, осевшие на землях кыпчаков" [Худяков, 1993, с. 52].

Как уже неоднократно отмечалось, отдельные группы кыргызов могли доходить в это время до восточных отрогов Тянь-Шаня, а возможно, проникать и в его внутренние районы [Савинов, 1984, с. 99; 1989, с. 79–81; 1994, с. 61]. Недавно наконец были получены бесспорные подтверждения этой гипотезы: захоронения с остатками сожжений и "тайниками" на могильниках Ала-Мышик и Бел-Саз. "Наличие под насыпью курганов скопления вещей ("тайники"), использование огня в могильной яме, — отмечают авторы публикации, — совершенно новые признаки в погребальной обрядности населения Тянь-Шаня. "Тайники" часто встречаются в захоронениях енисейских кыргызов, которые датируются VI–XIV вв." [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 119].

Исходя из всего сказанного (а рассуждения на эту тему можно было бы продолжить) следует, что политические события, вызвавшие экспансию енисейских кыргызов в Монголии и Восточном Туркестане, о которых сообщают письменные источники, по своему содержанию не были адекватны "естественным" культурно-историческим процессам, происходившим на территории Саяно-Алтайского нагорья, прослеживаемым археологически. Археологические материалы показывают, что отдельные (и, возможно, достаточно многочисленные) группы енисейских кыргызов, подвигнутые к миграции

событиями начального этапа "великодержавия", покинули свою родину (не исключено, что определенную роль в этом сыграла и перенаселенность Минусинской котловины), адаптировались на местах своего нового расселения и продолжали жить здесь и позже, когда военная экспансия кыргызов закончилась. Именно такое развитие событий демонстрируют известные надписи из Мендур-Соккона (Горный Алтай), в одной из которых сказано: "Он тюрк..."; в другой — "мой старший брат... герой и знаменитый киргиз" [Баскаков, 1966, с. 80–81]. В этом же "ключе" следует рассматривать и появление наземных оград квадратной формы из горизонтально положенных плит (основной принцип сооружения минусинских чаа-тасов) на Алтае и в Восточном Казахстане. Открытые впервые Ю.И.Трифоновым на Иртыше могильники Темир-Канка, Акчий I, II [Трифонов, 1987, рис. 70, 75, 79], они затем были определены как памятники "типа минусинских чаа-тасов" [Азбелев, 1994; Кубарев Г., 1995]. На самом деле это не памятники "типа чаа-тасов", а только воспоминание о них, о том, как надо (и можно) делать подобные сооружения (при полном отличии обряда захоронения и предметов сопроводительного инвентаря).

Наконец, совершенно особое значение в период кыргызского "великодержавия" приобретает Тува, где сконцентрировано наибольшее количество из всех известных памятников культуры енисейских кыргызов; причем не только отдельных захоронений, но и целых могильников, сопровождающихся стелами с надписями и тамгами, ритуальными сооружениями и т.д. Этот огромный материал, наиболее подробно исследованный Г.В.Длужневской [Длужневская, 1985], свидетельствует о прочном и длительном освоении Тувы енисейскими кыргызами, ставшей, по сути дела, их второй родиной после Минусинской котловины. Если здесь и происходили какие-то процессы аккультурации, то они незаметны на фоне общей и достаточно цельной культуры енисейских кыргызов Тувы. Эту же традицию продолжают и материалы могильника Эйлиг-Хем III (подробнее об этом см. главу II).

Таким образом, реальные контуры кыргызского "великодержавия", по-разному освещенного сведениями письменных и археологических источников, могут быть очерчены на трех "уровнях". Первый — это военная экспансия енисейских кыргызов, связанная с разгромом уйгурского каганата и, судя по всему, закончившаяся к концу IX в. Второй — это "естественное" широкое расселение кыргызов за пределами Минусинской котловины и адаптация их среди местных племен; дальнейшая судьба этого населения, вероятно, уже не была столь тесно связана с метрополией. Третий — это образование на территории Тувы нового центра кыргызского государства, наиболее ярким и эталонным памятником которого является могильник Эйлиг-Хем III. Именно этот, третий "уровень" представляет для нас наибольший интерес.

Письменные источники об енисейских кыргызах конца I–начала II тыс. н.э. немногочисленны, но в целом достаточно выразительны в сопоставлении их с археологическими материалами. В анонимном сочинении X в. "Худуд ал-Алам" указывается, что "город, где живет киргизский хакан, называется Кемиджкет" [Бартольд, 1963, с. 494], т.е. город на р.Кем (Енисей). Могильник Эйлиг-Хем III расположен на правом берегу Улуг-Хема (Енисей), и не исключено, что войско Багыра (или его предшественника) защищало подступы к Кемиджкету.

Главными противниками кыргызов в это время могли быть кидани; однако в хрониках династии Восточное Ляо (Ляоши) ни разу не упоминается о столкновениях между киданями и кыргызами, которые, несомненно, должны были бы иметь место, если бы кыргызы занимали территорию Монголии, куда еще раньше (924 г.) совершил свой поход Амгабань. Другие сведения письменных источников позволяют предполагать как мирный, так и военный характер взаимоотношений между кыргызами и киданями. Вероятно, на каком-то этапе кыргызы были завоеваны киданями и находились в зависимости от них: ко двору императоров Ляо "хяхясы (кыргызы. — Д.С.) постоянно

присылали посланников и дань" [Кюннер, 1951, с. 12]. В то же время в Ляоши сохранились данные о двух кыргызских посольствах к киданям (952 и 977 г.), а под 931 г. указано, что "юго-западная граница (государства киданей) руководила приходом стремившихся к просвещению людей государства Хягясы" [Кызласов, 1969, с. 96]. Этому соответствуют случаи находки киданьской керамики в Туве, имитация кыргызами лясских купольных гробниц, многочисленные заимствования в орнаментальных композициях, о которых уже говорилось в других главах этой книги. Можно предполагать, что, как в истории отношений с тюрками и уйгурами, взаимоотношения кыргызов с киданями носили разнообразный и скорее всего противоречивый характер, в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Однако в целом, видимо, обстановка для кыргызов была неблагоприятной, и, как уже говорилось, в начале XI в. ставка кыргызского кагана была перенесена на север, за Саяны. Об этом подробно сообщает Гардизи, автор середины XI в., многие сведения которого относятся к предшествующему времени. "От Кюгмена (Западные Саяны. — Д.С.), по Гардизи, до киргизского стана семь дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев. Здесь военный лагерь киргизского хакана и лучшее место в стране" [Бартольд, 1973, с. 47]. По общему мнению исследователей, это место находилось на севере Минусинской котловины, на р. Белый Июс, где и позже стоял "каменный городок" киргизских князей.

Перенесение ставки кыргызского кагана из г.Кемиджет в Центральной Туве на север Минусинской котловины полностью соответствует перемещению эйлиг-хемского культурного комплекса с юга на север, очевидно, начиная с XI в. Как одно из свидетельств продвижения эйлигхемцев на север можно рассматривать погребения по обряду трупосожжения с аналогичным инвентарем на могильнике Мутная-I в Усинской долине, т.е. внутри Западных Саян, оставленные одной из групп отступающих кыргызов [Митько, 1992; Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, рис. 30–33].

По поводу причин отступления кыргызов из Центральной Азии существуют различные точки зрения. Возможно, что одной из причин, так же как и в случае распада соседнего государства кимако-кыпчаков на Иртыше, могла послужить цепная миграция племен в 30-х гг. XI в., первым толчком для которой явилось движение киданей [Кызласов Л., 1984, с. 80]. В этой связи необходимо отметить, что археологические материалы не подтверждают точку зрения, изложенную в "Истории Киргизской ССР", согласно которой значительные массы кыргызов сконцентрировались на территории Алтая, где происходило их смешение с кимако-кыпчаками. В результате "к началу XIII в. на Горном Алтае и в Прииртышских степях Обь-Иртышского междуречья уже более 200 лет существовала группа кимако-кыпчакских племен с общим самоназванием "кыргыз", еще позже (в середине XV в.) продвинувшаяся на Тянь-Шань" [История Киргизской ССР, 1984, с. 424–430]. Помимо справедливых сомнений, высказанных Ю.С.Худяковым (в первую очередь отсутствие на Горном Алтае памятников кимаков — Худяков, 1990, с. 195), следует отметить, что территория Горного Алтая начала II тыс. н.э. вообще представляет собой зону "археологического запустения", а процессы, происходившие в это время в лесостепной полосе, в том числе и на Северном Алтае, имеют уже весьма отдаленное отношение к истории енисейских кыргызов. Во всяком случае ни одного археологического памятника, демонстрирующего такое развитие событий, здесь не обнаружено.

Основной политической силой на севере Центральной Азии и в районах, непосредственно примыкающих к Саяно-Алтайскому нагорью, в XII в. становятся найманы. Территория расселения найманов охватывала Монгольский Алтай — от верховий Иртыша до верховий Орхона; на юге они граничили с уйгурами, на севере — с кыргызами, на востоке — с кераитами. В составе страны найманов наряду с другими областями, Рашид-ад-дин называет реку Иртыш и "горы, лежащие между той

рекой и областью киргизов" [Рашид-ад-дин, 1952, с. 136–137], т.е. скорее всего Алтай. Здесь находилось владение Буюрук-хана, брата "государя" найманов, который имел "отдельные от него войско и область". Отсюда в 1199 г., после разгрома монголами, Буюрук-хан, "обращенный в бегство, ушел в местность Кэм-Кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов" [Рашид-ад-дин, 1952, с. 112], т.е. в Туву. Отношения между енисейскими кыргызами и найманами, не представлявшие интерес для монгольской историографии, неизвестны; однако факт, "когда они разбили киргизов..." [Рашид-ад-дин, 1952, с. 135], упоминается в истории найманов. Возможно, к этим событиям имеет отношение разрушенное погребение в районе оз. Кыргыз-Нур, по составу сопроводительного инвентаря близко напоминающее эйлиг-хемский комплекс. Из него происходят однолезвийный палаш с арабской надписью, остатки берестяного колчана и обломки железных наконечников стрел, детали сбруи, кресало, многочисленные фрагменты панциря. Авторы публикации относят его к кыргызской культуре и датируют XI–XII вв. [Худяков, Баяр, 1988, с. 110].

Приведенные данные, хотя и очень немногочисленные (бегство Буюрук-хана в Кэм-Кэмджиут и, видимо, предшествующая этому победа найманов над кыргызами), свидетельствуют о наличии контактов между кыргызами и найманами в первой половине XII в., возможно также вызвавших отток енисейских кыргызов за Саяны. По времени это приблизительно совпадает с образованием двух вариантов кыргызской культуры — тувинского и минусинского (XI–XII вв.). Можно предполагать также, что отражением такого своеобразного "раздвоения" этнокультурной географии страны енисейских кыргызов является выделение в ней в конце XII в. двух областей. По данным Рашид-ад-дина, "Киргиз" (вероятно, собственно Минусинская котловина. — Д.С.) и "Кэм-Кэмджиут" — "две смежные друг с другом области, обе они составляют одно владение", но имеют своих правителей [Рашид-ад-дин, 1952, с. 150–151]. К сожалению, археологические памятники найманов пока остаются "не признанными" — обстоятельство, значительно затрудняющее все связанное с изучением этого народа, в том числе и отношения их с енисейскими кыргызами.

В начале XIII в. кыргызы, очевидно, полностью покидают территорию Тувы. Памятников каменного этапа, за исключением единственного погребения на могильнике Урбюн I, расположенного в самом начале Енисейской "трубы" и скорее всего принадлежащего выходцу из Минусинской котловины [Савинов, 1973 б], в Туве не обнаружено. В то же время благодаря исследованиям О.Б.Беликовой выявлен новый пласт кыргызской культуры на севере, в среднем течении р.Чулыма — Змеинкинский и Калмакский могильники [Беликова, 1996], свидетельствующий о смещении сюда центра кыргызского государства и потере кыргызами своих южных владений. Отдельные вещи каменного этапа вообще встречаются на очень широкой территории — от Монголии до Подунавья — что можно рассматривать как процесс распыления прежде цельной кыргызской культуры и ее носителей в среде завоевателей.

Главная причина этого — начало монгольского завоевания. Известно, что в 1207 г. Джучи, пройдя из Северной Монголии по льду замерзшего Енисея, впервые покорил кыргызов и другие "лесные народы" Саяно-Алтайского нагорья. Однако, как справедливо оценивает эти события И.Л.Кызласов, окончательно кыргызы были покорены только в 1293 г. [Кызласов И., 1983, с. 67–68]. Конечно, все это время, т.е. практически весь XIII в., Тува, в отличие от бассейна Среднего Енисея, уже входила в состав монгольского государства. Скорее всего именно отсюда, с территории Тувы, и совершались военные походы за Саяны, против енисейских кыргызов, создававших свои последние укрепления на севере Минусинской котловины.

В завершение можно отметить, что история кыргызского "великодержавия" типологически близко напоминает господство скифов в Передней Азии: то же вторжение в зону высоких цивилизаций, осада и взятие городов, вызванное этими событиями широкое

распространение культурных традиций и последующее отступление в северные пределы своей бывшей страны. Известно, что большая часть археологических памятников архаического периода расположена в лесостепной части Скифии, и вслед за "возвращением" из Передней Азии для скифов начался не менее сложный (пользуясь терминологией из раннесредневековой истории Венгрии) период "завоевания родины". Возможно, нечто подобное происходило и с енисейскими кыргызами в Минусинской котловине, но это уже тема самостоятельного исследования.

Могильник Эйлиг-Хем III, курганы 3 и 4. Вид до раскопок.

Заключение

Итак, комплекс могильника Эйлиг-Хем III опубликован. Многие вопросы, связанные с его интерпретацией, еще ждут своего исследования, но уже сейчас ясно, что он займет достойное место среди самых известных памятников эпохи раннего средневековья в Центральной Азии и Южной Сибири.

"Археологи, кончив раскопки, уйдут
За пороги, где плещет простор Енисея.
Скоро даже природа изменится тут —
Вспыхнут звезды земные, вода засинеет...
Улеглись и угасли волнения дня.
Вечер шел из-за гор не спеша, осторожно.
А Багыр, мне казалось, стоит у коня,
Меч дамасский вложив в золоченые ножны"

[Кюнзегеш, 1976, с. 90–91].

Не все из этих поэтических предсказаний сбылось. Археологи, "кончив раскопки", ушли. На месте Центрально-Тувинской котловины, обрезав подножия гор, образовалось обширное водохранилище — низкое и заболоченное, с разрушающимися берегами — своеобразный памятник эпохи, горечь и боль тувинского народа. Навсегда исчезли с лица земли старинные города Шагонар и Чаа-Холь, бывшая столица Тувы; поселок Урбюн (древнетюркское — Орпен), чье имя значительно старше периода кыргызского завоевания. Никогда не будет найден и ушедший под воду Кемиджкет — последний оплот енисейских кыргызов на севере Центральной Азии. Остались "геройский" кыргызский воин Багыр, "меч Багыра", могильник Эйлиг-Хем III и множество других памятников древности, исследованных и тем самым спасенных для науки Саяно-Тувинской экспедицией, создателем и руководителем которой в течение многих лет был Александр Данилович Грач.

Литература

- Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7. С. 32–58.
- Азбелев П.П. Погребальные памятники типа минусинских чаатасов на Иртыше // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово, 1994. С. 129–138.
- Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 62–75.
- Арагачи З.Б. Новые эпиграфические находки в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ, 1963, вып. 10. Кызыл. С. 247–256.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 53–73.
- Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // ТС 1972 года. М., 1973. С. 306–315.
- Археологическая карта Казахстана (Ресстр) // Алма-Ата, 1960.
- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным) // Новосибирск, 1980. 150 с.
- Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. I. С. 471–543.
- Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 19–192.
- Бартольд В.В. Приложение к "Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг." // Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 23–62.
- Басандайка // Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. 220 с.
- Баскаков Н.А. Три рунические надписи из с.Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // СЭ, 1966, № 6. С. 79–83.
- Батманов И.А., Грач А.Д. Раннефеодальное государство енисейских кыргызов // История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968. Т. I. С. 121–132.
- Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы // Вып. I; III. Кызыл, 1963; 1965.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. // Томск, 1996. 269 с.
- Бериштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков // М.; Л., 1946.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // М.; Л., 1951. Т. I. 380 с.
- Боровка Г.И. Археологические обследования среднего течения р.Толы // Северная Монголия (Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927. С. 43–88.
- Вайнштейн С.И. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары // УЗ ТНИИЯЛИ, 1963. Вып. 10. С. 264–267.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. ТКЭАН, т. II. М.; Л., 1966. С. 292–347.
- Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы // М., 1974. 220 с.
- Васильев Д.Д. Графические особенности памятников Хойто-Тамира // Вопросы восточного литературоведения и текстологии. М., 1975. С. 100–109.
- Васильев Д.Д. Стела из окрестностей Баян-Кола // СТ, 1976, № 3. С. 97–101.
- Васильев Д.Д. Древнетюркская эпиграфика как этнолингвистический источник // Тезисы докладов конференции "Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий". Омск, 1979. С. 228–230.

- Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации) // М., 1983. 158 с.
- Васильев Д.Д., Семенов В.А. Новые находки памятников рунической письменности // XXIX Постоянная Международная алтаистическая конференция (PIAC). Т. I. М., 1986. С. 127–128.
- Воробьева-Десятовская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока, вып. XXII. М., 1980. С. 124–131.
- Вэнь У // Пекин, 1980, № 12. С. 21–22.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен // М.; Л., 1965. 111 с., 31 табл.
- Гаврилова А.А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // КСИА, вып. 114. М., 1968. С. 24–30.
- Генинг В.Ф. Мышлань-Шай — удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ, вып. 3. 1962. С. 3–113.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге // М., 1964. 201 с.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Тр. ТКЭАН, т. I. М.; Л., 1960. С. 73–150.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы // М., 1961. 95 с., 43 ил.
- Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н.Кононова. М., 1966. С. 188–193.
- Грач А.Д. Исследования могильников Улуг-Хорум и Улуг-Оймак // АО 1965 года. М., 1966 а. С. 30–31.
- Грач А.Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // АО 1965 года. М., 1966 б. С. 22–23.
- Грач А.Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА, 1969. Вып. 118. С. 43–57.
- Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ, 1971. Вып. 15. С. 93–106.
- Грач А.Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока, вып. XXII. М., 1980. С. 103–123.
- Грязнов М.П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // М.; Л., 1956. 163 с. (МИА; № 48).
- Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства // М., 1970. 432 с.
- Дервянко Е.И. Мохэское городище на р. Завитой // Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1969, № 3. С. 86–92.
- Дервянко Е.И. Троицкий могильник // Новосибирск, 1977. 224 с.
- Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами (IX–X вв.) // Тезисы докладов конференции "Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий". Омск, 1979. С. 47–49.
- Длужневская Г.В. Раскопки могильников на территории строящегося поселка Новый Эйлиг-Хем // АО 1981 года. М., 1983. С. 196–197.
- Длужневская Г.В. Средневековые погребения с трупосожжением в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1983 а. С. 41–45.
- Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.) // Автореф. канд. дис. Л., 1985. 17 с.
- Длужневская Г.В. Историко-культурная общность населения северо-западной части Южной Сибири в X–XI вв. // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции, т. I. М., 1986. С. 29–31.
- Длужневская Г.В. Этапы и связи культуры кыргызов IX–XII вв. // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов, часть II. Кемерово, 1987. С. 179–181.
- Длужневская Г.В. О смене обликов металлических изделий в культуре енисейских кыргызов в X–XI вв. // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987 а. С. 100–103.
- Длужневская Г.В. О времени и путях проникновения изделий кидане-тюхтятского облика в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. Сб. материалов конференции. Алма-Ата, 1989. С. 168–173.
- Длужневская Г.В. Проблема датировки памятников енисейских кыргызов в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 16. М., 1990. С. 68–79.
- Длужневская Г.В. Кыргызский могильник Сарыг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1990 а. С. 86–102.
- Длужневская Г.В. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв.) // Fasciculi archaeologiae Historicae. Fasc. VI. Lodz, 1994. С. 21–43.
- Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы. Историко-культурный аспект // Fasciculi archaeologiae Historicae. Fasc. VII. Lodz, 1995. С. 9–12.

- Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // УЗ ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Вып. XVIII. Кызыл, 1995 а. С. 136–156.
- Длужневская Г.В., Семенов Вл.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 76–85.
- Дьяконова В.П., Савинов Д.Г. А.Д.Грач — исследователь Центральной Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений (ноябрь 1981 года). Л., 1981. С. 28–35.
- Евтюхова Л.А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // Тр. ГИМ, 1938. Вып. 8. С. 111–122.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов) // Абакан, 1948. 109 с.
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX веке // СА. 1957, № 2. С. 205–227.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году // Тр. ГИМ, 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- История Киргизской ССР. Т. I (с древнейших времен до середины XIX в.). // Фрунзе, 1984. 795 с.
- Каогу // Пекин, 1987, № 10. С. 901.
- Каогу сюэбао // Пекин, 1954, № 8.
- Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии // Фрунзе, 1968. 102 с.
- Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района (Описание коллекций и материалов музея) // Красноярск, 1929. 58 с.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Асеев И.В., Зубов С.Л. Могильники бурхотуйской культуры в пади Улан-Сар // Древняя история народов Восточной Сибири. Иркутск, 1978. Вып. 4. С. 150–166.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // М., 1951. 643 с.
- Киселев С.В. Краткий очерк древней истории хакасов // Абакан, 1951. 92 с.
- Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея (Атлас) // Томск, 1886. 21 л. ил.
- Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера // Тюркологика. М., 1976. С. 258–267.
- Кляшторный С.Г., Самбу И.У. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе // УЗ ТНИИЯЛИ, 1971. Вып. 15. С. 245–249.
- Коран. Перевод и комментарии И.Ю.Крачковского. М., 1990.
- Коран. Перевод и комментарии М.-Н.О.Османова. М., 1995.
- Король Г.Г. Орнамент средневековых хакасов как исторический источник // Автореф. канд. дис. М., 1981. 19 с.
- Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
- Кубарев Г.В. О памятниках типа минусинских чаатасов на Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тезисы докладов научно-практической конференции. Барнаул, 1995. С. 171–175.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X–XIV вв.) // Автореф. канд. дис. М., 1977. 21 с.
- Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (аскизская культура в монгольское время) // СА. 1978, № 1. С. 122–141.
- Кызласов И.Л. Происхождение аскизской культуры Южной Сибири // Тезисы докладов конференции "Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий". Омск, 1979. С. 52–56.
- Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 135–164.
- Кызласов И.Л. Удила аскизской культуры (типология, происхождение, развитие) // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 137–167.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 200–207 (серия "Археология СССР")
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. Е3–18. М., 1983. 126 с.
- Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960, № 3. С. 91–120.
- Кызласов Л.Р. Новый памятник енисейской письменности // СЭ. 1965, № 2. С. 104–113.
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965 а, № 3. С. 38–49.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века // М., 1969. 242 с.
- Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 193–211.
- Кызласов Л.Р. Курганы древнехакасской тухтятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестн. МГУ, № 6 (история). М., 1978. С. 38–58.

- Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46–52 (серия "Археология СССР")
- Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а. С. 54–59 (серия "Археология СССР")
- Кызласов Л.Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 б. С. 59–61 (серия "Археология СССР")
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века // М., 1984. 185 с.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока // М., 1961. 391 с.
- Кюнзегеш Ю. Меч Багыра. Стихи и поэмы. Перевод с тувинского // Кызыл, 1976. 163 с.
- Левашова В.П. Из прошлого Хакасии // Абакан, 1945. 18 с.
- Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952, № 24. С. 121–136.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности // М.; Л., 1951. 447 с.
- Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в Послании Фатху б.Хакану ал-Джахиза // Тр. ИИАЭ Казахск. ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 227–250.
- Мандельштам А.М., Шаровская Т.А., Бестужев Г.А. Раскопки в зоне строительства г. Новый Шагонар // Археологические открытия 1978 года. М. 1979. С. 246–247.
- Маннай-оол М.Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 году // УЗ ТНИИЯЛИ, 1963. Вып. 10. С. 238–246.
- Маннай-оол М.Х. Археологические исследования ТНИИЯЛИ в 1967 году // УЗ ТНИИЯЛИ, 1968. Вып. 13. С. 322–328.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие // САИ. Вып. Е1–36. М.; Л., 1966.
- Миллер Г.Ф. История Сибири // М.; Л., 1937. Т. 1. 540 с.
- Митько О.А. Памятники енисейских кыргызов в долине реки Ус // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Тезисы докладов, т. II. Красноярск, 1992. С. 52–54.
- Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск, 1989. С. 138–140.
- Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек, 1996. 259 с.
- Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168–172.
- Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Тр. ТКЭАН, т. II. М.; Л., 1966. С. 108–142.
- Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1971, № 2. С. 198–205.
- Памятники ломоватовской культуры // ВАУ, 1970, вып. 9. 120 с.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам // М., 1967. 196 с. (МИА; № 142)
- Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Сер. Е4–2. М., 1974. 200 с.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев // М., 1953. 444 с.
- Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности // Абакан, 1957.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, ч. 1. М.; Л., 1952.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда // Л., 1980. 138 с.
- Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1978. Вып. 4. С. 135–149.
- Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 255–263.
- Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // ТС 1972 года. М., 1973. С. 339–350.
- Савинов Д.Г. О границах государства енисейских кыргызов в IX–X вв. // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973 а. С. 91–92.
- Савинов Д.Г. Погребение с серебряным кубком // УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XVI. Кызыл, 1973 б. С. 218–221.
- Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XII вв.) // Автореф. канд. дис. Л., 1974. 22 с.

- Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. 1977, № 1. С. 31–48.
- Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // Томск, 1979. С. 53–72.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху // Изд. СПбГУ. Л., 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г. Сибирские реалии половецких каменных изваяний // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984 а. С. 115–122.
- Савинов Д.Г. Археологические данные о связи енисейских и Тянь-Шаньских киргизов в конце I–начале II тыс. н.э. // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989. С. 77–90.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Кемерово, 1994. 214 с.
- Седакина Е.Ф. Могильник Усть-Талькин // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Труды БК НИИ СО АН СССР. Вып. 16. Улан-Удэ, 1965. С. 196–202.
- Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации // Кызыл, 1971. 480 с.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро // СПб., 1909. 18 с.; 130 л., ил.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. 301 с. (серия "Археология СССР")
- Талько-Грынцевич Ю.Д. Древние памятники Западного Забайкалья // Тр. XII АС. М., 1902.
- Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115–246.
- Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебур в Горном Алтае // УЗ ГАНИИЯЛИ, 1964. Вып. 6. Горно-Алтайск. С. 35–52.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов // М., 1966. 275 с.
- Худяков Ю.С. "Легендарная сцена" из Кум-Тура // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов // Новосибирск, 1980. 175 с.
- Худяков Ю.С. Работы Хакасского отряда в 1975 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1975 гг.). Новосибирск, 1980 а. С. 97–122.
- Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980 б. С. 193–205.
- Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате // Новосибирск, 1982. 238 с.
- Худяков Ю.С. Кыргызы на Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.
- Худяков Ю.С. Кыргызский каганат // Киргизы: источники, история, этнография. Бишкек, 1996. С. 166–241.
- Худяков Ю.С., Баяр Д. Кыргызский панцирь из Западной Монголии // Информационный бюллетень МАИКЦА, вып. 15. М., 1988. С. 110–114.
- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 85–94.
- Щербак А.М. Новая руническая надпись на камне // УЗ ТНИИЯЛИ, 1961. Вып. 9. С. 238–241.
- Arnold M., Fettich N. Trouvailles avares de Dunapentele // АН, XVIII. Budapest, 1936.
- Hampel J. Altertumer des fruhen Mittelalters in Ungarn // Braunschweig, 1905. Bd. 1, 853 p.; Bd. 2, 1006 p.
- Kuznecova A. Altertumer aus dem Tal der mittlere Inja // ESA, V. Helsinki, 1930.
- Poludan Ann. Some foreignere in the spirit roads of the Northern Song imperial tombs // Oriental Art, new series, winter 1983/84, vol. XXIX, № 4. P. 377–388.
- Tallgren A.M. Collection Tovostine // Helsingfors, 1917. 93 p.
- Torii R. Culture of Liao Dynasty from wiewpoint of Archaeology // Tokyo, 1936. 1–4 tt. 86, 82, 85 and 85 pp.

Список сокращений

АО	—	Археологические открытия. Москва.
АС	—	Археологический съезд
БК НИИ СО АН СССР	—	Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
Изв. СО АН СССР	—	Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
МАИКЦА	—	Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МГУ	—	Московский государственный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР.
ММ	—	Минусинский музей
НАА	—	Народы Азии и Африки. М.
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СЭ	—	Советская этнография
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного Исторического музея. Москва.
Тр. ИИАЭ АН Казахск. ССР	—	Труды Института истории, археологии, этнографии АН Казахской ССР
Тр. ТКЭАН	—	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР
ТС	—	Тюркологический сборник
УЗ ГАНИИЯЛИ	—	Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории. Горно-Алтайск.
УЗ ТНИИЯЛИ	—	Ученые записки Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории. Кызыл.
АН	—	Archaeologia Hungarica
ESA	—	Eurasia Septentrionalis antiqua